

общественно-политический журнал

Фото Юрий Комолов

СИБИРСКОЕ

БОГАТСТВО

№ 2 (232) 2022

ЖУРНАЛ СИБИРСКОЕ БОГАТСТВО

Учредитель и издатель – АНО «Тюменская область сегодня»

625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81, 4 этаж, офис 410
Директор С.А.Шестаков, тел. (3452)490018

Главный редактор С.М.Кирсанова, тел. (3452)399400
Дизайн и вёрстка И.В.Прохоренко тел. (3452)399400
Выпускающий редактор Т.Д.Новопашина
Корреспондент В.А.Ермакова

Авторы: Н.А.Абрамов, Л.П.Барабанова, Р.Н.Белоусов, В.А.Ермакова, С.М.Кирсанова, И.А.Комарова, С.А.Комаров,
Н.Э.Косполова, А.В.Кузнецов, И.Д.Папанин, Т.А.Топоркова, Н.В.Топорков.

Адрес редакции:

625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81, офис 310,
тел./факс (3452) 399400, e-mail sibbog@mail.ru

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре
и Ямало-Ненецкому автономному округу
10 февраля 2017 года, ПИ №ТУ72-01431

Журнал издаётся при финансовой поддержке Правительства Тюменской области.

Выходит с 1999 года один раз в два месяца

Журнал отпечатан в типографии АНО «ИИЦ «Красное Знамя», 625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6

Формат 60x90 1/8, бумага мелованная, печать офсетная, усл. печ. л. 10,5

Подписано в печать 05.04.2022 г. Выход в свет 15.04.2022 г. Заказ № 798. Тираж 1000. Свободная цена. 16+

ЦИТАТА НОМЕРА

Я русский человек, и, как говорится, у меня в роду кругом Иваны да Марьи. Но когда я вижу примеры такого героизма, как подвиг молодого парня Нурмагомед Гаджимагомедова – уроженца Дагестана, лакца по национальности, других наших воинов, мне хочется сказать: я лакец, я дагестанец, я чеченец, ингуш, русский, татарин, еврей, мордвин, осетин... Всех из более чем трёхсот национальных групп и этнических групп России просто невозможно перечислить, но я горжусь тем, что я часть этого мира, часть могучего, сильного, многонационального народа России.

Владимир ПУТИН,
президент РФ

ПУЛЬС ОБЩЕСТВА

Право на мир без угроз
Жизнь региона в зеркале СМИ

4

Дух и характер Сибири
Туризм – только по любви

10

Живущий несравним!
Слово о героях

14

Источник жизни – интерес
О благотворительности и оптимизме

18

ВЕТЕР ВРЕМЕНИ

Жизнь на полюсе 24
На перекрёстке всех меридианов

Кордон 30
Деревня, у которой не было будущего

Город Тюмень 34
На пути из Азии в Европу

СУТЬ ДЕЛА

Мегионский фонтан

Воспоминания очевидца

40

У каждого своя «Антарктида»

Ещё раз о крапивинском детстве

46

Средства от всех болезней

Как это делается: медикаменты

51

УРОКИ ЖИЗНИ

Учитесь властвовать собой

Гимн профессии

56

Владимир Белов: «Как кричит краснокрылая вольная птица»

Горизонты за окном

66

ДОМ КУЛЬТУРЫ

Всё это джаз

Наши любимые ритмы

72

Ролевые игры

Без права на второй дубль

77

Тайна старинной усадьбы

Путешествия во времени и пространстве

82

«Белый монах» и другие

Мистическая Тюмень

86

ПУЛЬС ОБЩЕСТВА

Даже в сложнейший кризисный год можно найти необходимые ресурсы – те самые, которые позволят верить в собственные силы и в силы тех, кого мы за собой позвали. Потому что искренний и активный человек гораздо интереснее и привлекательнее пессимиста. Мы же помним, что главный источник жизни – в интересе к ней

Право на мир без угроз

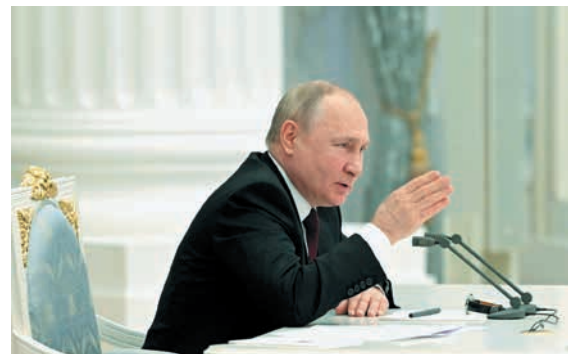
Текст **Светлана КИРСАНОВА**

СОБЫТИЯ начали стремительно развиваться с заседания Совета Безопасности, которое 21 февраля провёл президент России Владимир Путин. На нём обсуждалась ситуация в Донбассе. «В двух словах напомню о том, что там изначально происходит, как ситуация складывалась, чтобы была общая картина, которая помогла бы нам принимать соответствующие решения, – даёт стенограмму выступления главы государства сайт «Kremlin.ru». – Итак, после госпереворота на Украине в 2014 году часть населения этой страны не приняла этот переворот. Это касалось и тех людей, которые проживали в Крыму, и тех, которые проживали и проживают сегодня в Донбассе. Люди заявили о том, что они формируют две независимые республики – Донецкую Народную Республику и Луганскую Народную Республику. С этого момента началось противостояние киевских властей и людей, проживающих на этой территории. Наша цель, цель нашего сегодняшнего совещания, заключается в том, чтобы послушать коллег и определить наши дальнейшие шаги на этом направлении, имея в виду и обращения руководителей Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики к России с просьбой о признании их суверенитета, и постановление Государственной Думы Российской Федерации на эту же тему – с призывом к главе государства признать независимость и суверенитет Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики».

Жизнь региона в зеркале СМИ

Главные новости последнего времени так или иначе связаны с резко изменившимися обстоятельствами. Мы вступили в совершенно новую историческую фазу развития страны. Тюменская область не может оставаться в стороне от этого процесса

Владимир Путин
на заседании Совбеза
Фото kremlin.ru

В тот же день В.В.Путин подписал указы «О признании Донецкой Народной Республики» и «О признании Луганской Народной Республики». С главами республик Денисом Пушилиным и Леонидом Пасечником были заключены договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Утром 24 февраля президент РФ выступил с обращением к россиянам. «В соответствии со статьёй 51 части 7 Устава ООН, с санкции Совета Федерации России и во исполнение ратифицированных Федеральным Собранием 22 февраля сего года договоров о дружбе и взаимопомощи с Донецкой Народной Республикой и Луганской Народной Республикой мною принято решение о проведении специальной военной операции, – цитирует его «Kremlin.ru». – Её цель – защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима. И для этого мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины, а также преданию суду тех, кто совершил многочисленные кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и граждан Российской Федерации».

Тюменцы За

Жители Тюменской области горячо поддержали решение президента России о спецоперации в Донбассе. Председатель областной Общественной палаты Геннадий Чеботарёв сообщил информационному агентству «Тюменская линия», что это единственное верное и взвешенное в сложившейся ситуации решение. «Сама логика развития событий на границах с уже суверенными, признанными Российской Федерацией государствами Донецкой и Луганской народными республиками, подвела к тому, чтобы заключить по просьбе этих республик договоры, и они были ратифицированы нашими высшими органами государственной власти, Государственной Думой и Советом Федерации единогласно», – подчеркнул он. «Россией был дан очень чёткий сигнал о том, что наша страна не будет оставаться в данной ситуации безучастной в связи с заключёнными договорами и взятыми на себя обязательствами. А обстрелы тем не менее продолжались. И президент в этой ситуации принимает решение, обоснованное и правильное», – сказал Чеботарёв.

«Продолжавшееся долгие восемь лет кровопролитие в Луганской и Донецкой народных республиках нужно было прекращать», – считает уполномоченный по правам ребёнка в Тюменской области Андрей Степанов. «Я не политик, я работаю с детьми. Я, безусловно, поддерживаю главу государства как гражданин. Мне кажется, что наш президент очень полно и исчерпывающе всё объяснил и с исторической, и с гуманитарной точки зрения», – заявил он изданию «Тюменская область сегодня».

Невозможно быть равнодушным к событиям на Украине, – считает председатель Тю-

менской областной думы Сергей Корепанов. «Я поддерживаю решение главы государства по проведению специальной операции. Это мнение разделяют мои коллеги депутаты, единороссы, большинство земляков. Президент взял на себя колоссальную ответственность, в очередной раз проявив себя мудрым лидером сильного государства», – отметил он. Спикер регионального парламента напомнил, что на протяжении восьми лет шли переговоры, дипломатическим путём Россия пыталась достичь консенсуса. К сожалению, результатов не было, в том числе и в рамках Минских соглашений. «Жители Донбасса, в том числе и граждане России, подвергались опасности. Убеждён, что в этих условиях у президента просто не было других вариантов решения вопроса. Он счёл это единственно правильным выходом», – цитирует Сергея Корепанова «Вслух.ру».

В поддержку российской военной спецоперации высказались первый заместитель председателя Тюменской областной думы, секретарь Тюменского регионального отделения «Единой России» Андрей Артюхов, председатель комитета по социальной политике областной думы, руководитель регионального исполкома «Единой России» Ольга Швецова, заместитель председателя комитета областной думы по экономической политике и природопользованию Виктор Рейн, депутат облдумы, член фракции «Единая Россия» Евгений Макаренко, депутат думы Богандинского муниципального образования, заведующая дошкольным отделением Богандинской средней школы №1 Надежда Копылова и другие депутаты разных уровней.

Также выступили за решение президента РФ руководители общественных организаций: председатель регионального отделения Общероссийской организации семей погибших защитников Отечества Ольга Милованова, председатель ТОО бывших малолетних узников фашистских концлагерей Валентина Сарапу, президент Общественной организации Тюменской области «Ассоциация работников

главное

Российской армии, которая сегодня сражается за справедливость и безопасность нашей Родины, нужны вера и поддержка соотечественников, важен крепкий тыл

Александр Моор (в центре) среди земляков

Фото Сергей Елесин

Концерт на Цветном бульваре
Фото Сергей Елесин

правоохранительных органов» Василий Горетый, председатель совета старейшин РОО вайнахского народа «Вайнах» Албек Мусалиев, председатель РМОО «Студенческая инициатива» Алексей Кубасов, председатель общественной организации «Ветераны-пограничники Тюменской области» Нуртдин Ибрагимов, председатель областной организации ВОС Галина Тунгусова, председатель общественной организации чувашей Тюменской области Николай Герасимов, председатель ТРОО корейцев «Единство» Алексей Тен, атаман Тюменского областного отдельского казачьего общества Николай Белослудцев, председатель ТООО «Союз военных инженеров» Анатолий Лагутин, руководитель областного отделения Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство» Валентин Глушко.

Не остались в стороне представители педагогического сообщества: ректор Тюменского областного государственного института развития регионального образования, доктор педагогических наук Ольга Ройтблат, директор Ялуторовского агротехнологического колледжа, председатель совета директоров профессиональных образовательных организаций Тюменской области Виктор Агапов, проректор Тюменского областного государственного института развития регионального образования Марина Кускова, тюменский учитель химии и биологии, председатель Совета молодых педагогов Тюменской области Андрей Мошков и многие другие.

В Тюмени более ста машин приняли участие в автопробеге в поддержку спецоперации российских военных на Украине. Как сообщает ИА «Регнум», колонна со знаками Z и российскими флагами проехала по центральным улицам города. «Тюменцы радушно встречали участников автопробега – аплодировали и благодарили, – рассказал изданию глава регионального исполкома ОНФ в Тюменской области Роман Чуйко. – После автопробега тюменцы возложили цветы

Автопробег в поддержку спецоперации на Украине

Фото Тюменское отделение ОНФ

к Вечному огню, почтив память героев Великой Отечественной войны».

А в годовщину воссоединения Крыма и России в центре Тюмени состоялся масштабный концерт с участием лучших вокальных и танцевальных коллективов города. По данным «Мегатюмень», в мероприятии приняли участие около десяти тысяч человек. «Многие тюменцы принесли с собой флаги с символом «Z» и надписями «Своих не бросаем», «За мир», «Тюмень За мир на Донбассе», «Россия Крым Донбасс», «Сила V правде» в знак поддержки Российской армии, которая проводит специальную военную операцию на Украине», – пишет издание.

Приветствуя земляков и гостей областной столицы, собравшихся на Цветном бульваре, Александр Моор заявил: «Тюменцы – за право каждого человека говорить на родном языке и жить в мире без угроз. Сегодня Россия ведёт борьбу с настоящими военными преступниками, которые восемь лет терроризировали Донбасс, убивали мирных людей, женщин, детей, стариков. Поэтому наш президент Владимир Путин дал своевременный и очень важный приказ о проведении специальной военной операции на Украине. Наш народ, как никакой другой народ на планете, знает, что произойдёт, если нацизм снова расправит плечи. Поэтому эта операция – справедливая. Только мы можем остановить новую волну нацизма», – цитирует главу региона «Admtumen.ru».

Во время концерта на Цветном бульваре прошёл флешмоб – молодые тюменцы развернули огромные флаги России и Тюменской области, а также выстроились буквой Z, которая стала символом спецоперации наших Вооружённых сил на Украине. «За Россию! За президента! За будущее!» – обратился к собравшимся Александр Моор. Тысячи людей, встретившихся на концерте «Крымская весна», хором спели гимн нашего государства.

Всем миром

По словам главы региона, российской армии, которая сегодня сражается за справедливость и безопасность нашей Родины, нужны вера и поддержка соотечественников, важен крепкий тыл. Тысячи тюменцев собирают гуманитарную помощь для жителей Донецкой и Луганской республик. Уже 26 февраля по поручению Александра Моора была создана межведомственная рабочая группа, призванная координировать все вопросы, связанные с приёмом и размещением эвакуированных мирных жителей ДНР и ЛНР. «Формируется перечень пунктов временного размещения, проверяется их готовность к приёму людей. Все прибывающие, а это в основном дети, женщины и пожилые люди, будут обеспечены необходимой помощью, – информировал сайт «Admtumen.ru». – Тюменский центр «Семья» открыл благотворительный расчётный счет для сбора средств в помощь жителям Луганской и

Донецкой народных республик. Пожертвование может перечислить любой желающий».

Несколькими днями позже Александр Моор подписал постановление регионального правительства об открытии 16 пунктов временного размещения в Тюмени и Тюменском районе для приёма эвакуированных с территории Украины, ЛНР и ДНР. «Тюменская область заявила о готовности принять в регионе 1600 беженцев, эвакуированных из ДНР и ЛНР», – пишет «РБК-Тюмень». «Тюменская область готова обеспечить временное размещение и социально-бытовое устройство людей, в экстренном массовом порядке прибывающих в регион с территории Украины. Людей разместят в гостиницах, на базах отдыха, в общежитиях», – сообщил информационный центр областного правительства. Губернатор поручил создать для эвакуированных жителей комфортные условия. «Тюменцы готовы оказать моральную поддержку, традиционно проявляя искреннее радушие и гостеприимство», – сказал он.

Пункты сбора гуманитарной помощи эвакуированным из Донбасса заработали по всей области – четыре в Тюмени и 25 в других муниципальных образованиях на базе социальных организаций. Одними из первых включились в сбор и отправку гуманитарной помощи депутаты Тюменской городской думы, закупив на собственные средства товары и продукты. «Российская газета» пишет: «Депутаты подчёркивают важность миссии в непростые времена поддержать Донбасс, сделать всё возможное, чтобы вывезенное оттуда население ни в чём не нуждалось». «Наш гражданский долг – открыть сердце милосердию и помочь людям, особенно детям, которые стали невольными участниками страшных событий, настоящей трагедии», – сообщила изданию депутат Елена Бойко. А возглавляющий Тюменский государственный университет депутат Иван Романчук открыл пункт по сбору гуманитарной помощи в одном из ведущих вузов региона. Там принимают продукты питания длительного хранения, посуду и товары первой необходимости.

Подобная точка приёма, созданная неравнодушными тюменцами на добровольной основе, открылась и в тюменском ЦУМе. «Дни сейчас для всех непростые, но хуже всего тем, кто остался без крова и большей части вещей», – рассказала «Tumen.MK» генеральный директор ЦУМа Юлия Глазунова. – Наш моральный долг – им помочь. На первом этаже торгового центра, у администратора, любой посетитель может оставить вещи и продукты, принимаемые в качестве гуманитарной помощи. Сортировку, упаковку, транспортировку и передачу гуманитарной помощи в сборный пункт мы берём на себя».

«NewsProm.ru» рассказывает, что Герой России Владимир Шарпатов ознакомился с работой пункта сбора гумпомощи беженцам Донбасса, созданного депутатом Госдумы от Тюменской области Александром Ремезковым при поддержке регионального отделения партии «Справедливая Россия – За правду» на базе его общественной

приёмной в Тюмени. Владимир Шарпатов входит в Совет регионального отделения партии. Звания «Герой России» удостоен как командир захваченного экстремистами самолёта Ил-76: после года афганского плена в 1996 году он организовал побег и смог вместе с экипажем на своём самолёте вернуться на родину. «Шарпатов высоко оценил организованную в Тюмени работу по оказанию гуманитарной помощи Донбассу», – говорится в публикации. – Он отметил, что военная операция на Украине проводится, чтобы спасти украинский народ от фашизма, а в России сегодня особенно важно уберечь молодёжь от экстремистской пропаганды, меняя информационную повестку в СМИ и школьную программу».

Вещи и продукты для беженцев тюменцы собирают, без преувеличения, всем миром. Оперативно, уже в конце февраля, доставили в пункт сбора первую машину гуманитарной помощи жители Тобольского района. «Вещи первой необходимости, детское питание, игрушки, антисептики, банные принадлежности, постельное бельё, одежду и продукты собрали жители тобольских сёл и деревень», – сообщает «Tumen.bezformata». По словам директора районного центра соцобслуживания населения Елизаветы Костылевой, посылки приходили даже из отдалённых и труднодоступных поселений – Хмельёвского и Ушаровского. «Сельчане продолжают привозить посылки, будем планировать следующий рейс», – отметила она.

По данным «Тюменской линии», жители Уватского района только за одну неделю собрали 12 коробок гуманитарной помощи. «Прежде всего требуются предметы личной гигиены, средства по уходу за детьми и пожилыми людьми, канцелярия, книги, одежда и продукты питания с длительным сроком хранения», – рассказала директор комплексного центра социального обслуживания населения Наталья Слинкина. В Нижнетавдинском районе гуманитарную помощь привозят делегации из всех сельских поселений. Собранный груз передаётся в пункт приёма, развёрнутый в Тюмени.

«В Тюменской области предоставят места в школах, университетах и детсадах всем прибывшим детям и молодым людям из ЛНР и ДНР», – сообщает информационный центр правительства региона. – Распоряжение об этом подписал губернатор Александр Моор». «Среди беженцев навёрняка

Гуманитарная помощь Донбассу от местной «Единой России»
Фото tyumen.er.ru

Вещи и продукты для жителей ДНР и ЛНР наш регион собирает всем миром

Фото uvatregion.ru

Фото tsum72.ru

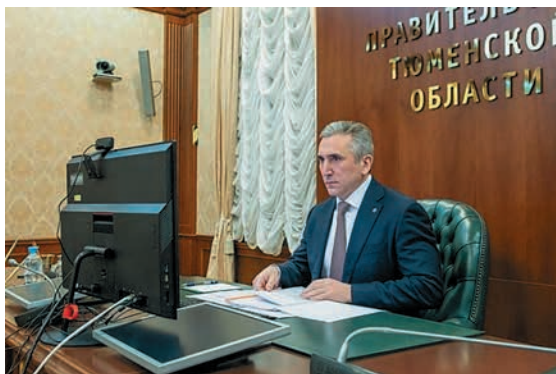
Фото tobolsk-mr.admtymen.ru

есть студенты, тюменская земля примет вас, у нас безопасно, – цитирует «72.ru» ректора ТюмГУ Ивана Романчука. – Вы можете рассмотреть ТюмГУ как вуз, где можно получить качественное российское образование. Мы обязательно зачислим вас и всеми возможными способами облегчим период привыкания на новом месте». Объявление о готовности зачислить для обучения жителей Донбасса, Украины, которые прибыли в Россию, разместил на своём сайте Тюменский медицинский университет. Желание принять на учёбу жителей ДНР и ЛНР высказали и в Тюменском индустриальном университете.

Полпред Владимир Якушев рекомендовал губернаторам поддержать строительную отрасль
Foto uralfo.gov.ru

Александр Моор: – Мы готовы выполнить все поручения президента России
Foto admtyumen.ru

Полномочия – регионам

Губернатор Тюменской области принял участие в онлайн-совещании о мерах социально-экономической поддержки регионов под председательством президента РФ. Как информирует «ФедералПресс», об этом глава региона сообщил в телеграм-аккаунте. «Принял участие в совещании по социально-экономической поддержке регионов, которое провёл президент России Владимир Путин. Детально обсудили сложившуюся ситуацию в стране», – написал Александр Моор. «В рамках совещания Владимиром Путиным было принято решение о передаче губернаторам дополнительных полномочий в связи с непростой экономической ситуацией, – сообщает агентство. – Из-за временного ухода ряда игроков с российского рынка и необходимости выстраивать экономическую модель возможен рост инфляции и безработицы. Руководители регионов смогут на местах принимать оперативные решения по поддержке местной экономики и граждан. Также

в регионах будут созданы оперативные штабы по экономическому развитию. «Поручаю всем подразделениям федеральных органов власти в субъектах федерации в ближайшие шесть месяцев в обязательном порядке координировать свою работу с региональными властями», – заявил глава государства во время совещания».

«Необходимо минимизировать риски роста инфляции и безработицы, строго выполнять все социальные обязательства государства, запускать новые, более эффективные механизмы поддержки граждан. В центре внимания – защита материнства, детства, поддержка семей с детьми», – дополняет «Admtyumen.ru». «Заверяю жителей региона, что мы готовы выполнить все поручения президента России. У нас есть необходимый для этого потенциал», – обратился к тюменцам Александр Моор, комментируя итоги совещания.

Тюменская областная дума на внеочередном заседании приняла закон, который позволяет оперативно менять условия госконтрактов. Как пишет ТАСС со ссылкой на официальный аккаунт Александра Моора в Телеграм, документ предусматривает возможность изменения условий госконтрактов, заключённых до 1 января 2023 года для нужд Тюменской области, и увеличивает размеры авансовых платежей. «Дума единогласно приняла очень важный для региона закон, который обеспечит устойчивость нашей экономики, – говорится в сообщении главы региона. – Документ позволяет в сложной экономической ситуации менять условия заключаемых региональным правительством госконтрактов, а также даёт возможность при необходимости выплачивать подрядчикам авансы. Значение закона в нынешних условиях исключительное, все национальные и региональные проекты, запланированные на 2022 год, должны быть реализованы. Мы обязаны грамотно и профессионально реагировать на все возникающие риски. Принятый закон позволит нам это сделать». Губернатор добавил, что вскоре будет предложен ещё один пакет нормативных документов по поддержке региональной экономики и социальной сферы.

По итогам 2021 года Тюменская область вновь вошла в десятку лидеров по жилищному строительству среди российских регионов. «Об этом сообщил заместитель председателя правительства России Марат Хуснуллин на совместном заседании коллегии Министра РФ и комиссии Госсовета по направлению «Строительство, жилищно-коммунальное хозяйство и городская среда», – информирует «Тюменская правда». При этом Марат Хуснуллин назвал Тюменскую область в числе шести регионов, которые на протяжении последних трёх лет вводят более 0,82 кв. м жилья на человека в год. Полпред президента России в УФО Владимир Якушев порекомендовал губернаторам встретиться с застройщиками своих регионов, чтобы обсудить меры поддержки отрасли на

фоне санкций. С таким заявлением он выступил после совещания с вице-премьером РФ, сообщает «Вслух.ру». «Важно, чтобы губернаторы в рамках своих антикризисных штабов провели встречи с застройщиками, разобрали каждый объект, наметили варианты поддержки. Это далеко не первый кризис в строительной отрасли, но у нас есть богатый опыт работы в самых напряжённых условиях, поэтому мы готовы к трудностям», – заявил Владимир Якушев. Подробно развитие сферы строительства в новых реалиях обсудили в Тюмени в марте в рамках III Градостроительного форума-выставки Тюменской области. Организаторами мероприятия выступили АО «Тюменская ярмарка» и правительство области.

Прокормим себя и соседей

О важном аспекте социального благополучия высказался заместитель губернатора, директор областного департамента АПК Владимир Чейметов, заявив, что Тюменская область полностью обеспечивает себя основными продуктами питания, а излишки экспортирует и продаёт на другие территории. «Тюменцы на 100 % обеспечены молочной продукцией, – приводит его слова «Эксперт-Урал». – Валовое производство молока в сельхозпредприятиях в прошлом году увеличилось на 2,2 %. Расширился ассортимент, вырос объём выпуска масла, сыров. Несмотря на засуху прошлого года, удалось обеспечить валовой сбор картофеля на уровне 2020 года. Обеспеченность только по этому продукту составляет 267 %. Производство мяса за прошлый год в регионе увеличилось на 29 %». Издание добавляет, что область занимает первые места в Уральском федеральном округе по урожайности картофеля и пшеницы. Экспорт сельхозпродукции по итогам 2021 года составил 23,1 млн долларов, что на миллион больше по сравнению с 2020 годом. «Сегмент АПК губернатор Александр Моор назвал одним из наиболее инвестиционно привлекательных в экономике региона, – говорится в публикации. – В числе ключевых проектов – создание племенного репродуктора индейки ГК «Дамате», четвёртой очереди тепличного комплекса «ТюменьАгро» и завода по глубокой переработке гороха агрохолдинга «Юбилейный». В марте началось восстановление поголовья на крупнейшей птицефабрике региона «Боровской»: заключены договоры на поставку инкубационных яиц и цыплят родительского стада на 41,8 млн руб.».

Убедиться в многообразии и качестве тюменских продуктов жители региона смогли на ярмарках «Тюменская весна», прошедших в разных муниципалитетах. Как сообщает «Тюменская область сегодня», только на одной центральной площадке на Цветном бульваре в Тюмени были представлены товары более 30 местных производителей – рыба и мясо, яйца и молоко, хлебобулочная продукция и кондитер-

На продовольственных ярмарках можно приобрести свежую и качественную продукцию местных товаропроизводителей
Фото Сергей Куликов

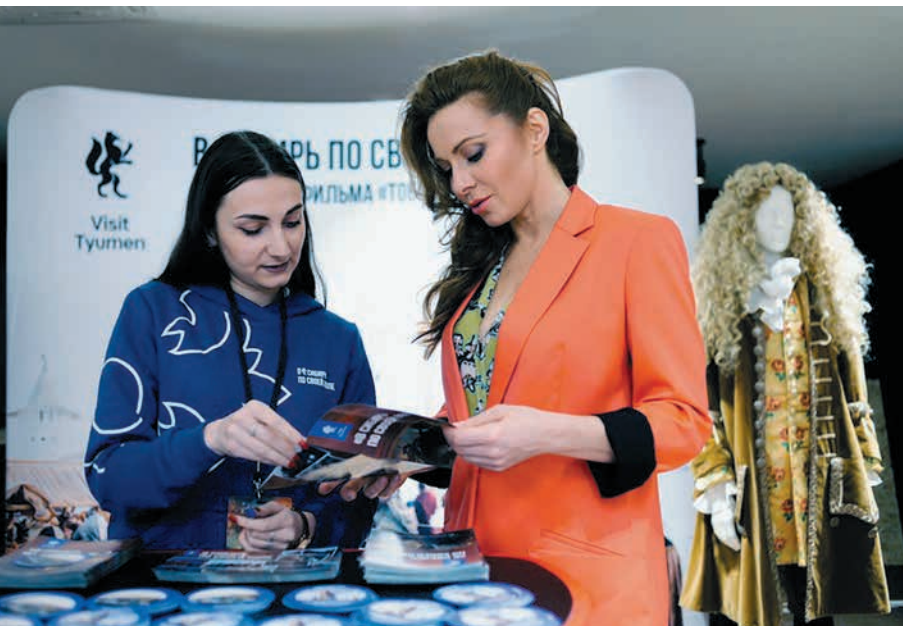
ские изделия. «Первую весеннюю ярмарку в Тюмени посетил губернатор Александр Моор и глава областного центра Руслан Кухарук, – пишет издание. – Глава региона осмотрел образцы продукции и пообщался с работниками торговли и предпринимателями. Особое внимание губернатор уделил представленным в широком ассортименте сырам частных тюменских сыроварен и продукции из мёда».

«Помните, сколько было переживаний после введения санкций в 2014 году? Например, много говорили, что мы останемся без сыра. Прошло восемь лет, и только в Тюмени сейчас работает порядка десяти сыроварен. Они открылись уже после введения санкций. Делают качественный и очень вкусный продукт. Импортозамещение в чистом виде. Купил домой нашего местного сыра», – поделился впечатлениями губернатор в своём телеграм-канале.

«Тюменская весна» – это уже брендовое событие, которое любят и ждут жители Тюменской области, – рассказала директор департамента потребительского рынка и туризма Тюменской области Мария Трофимова. – У граждан есть возможность приобрести свежую и качественную продукцию по ценам местных производителей. Ассортимент представленной продукции – достаточно большой».

И ещё одна хорошая новость. «Коммерсантъ» сообщает о подписании соглашения о реализации на нашей территории крупного инвестпроекта. Интернет-магазин Wildberries инвестирует 8 млрд руб. в строительство логистического комплекса в Тюменской области. Строительство планируют завершить к 2024 году. Будет создано 5000 рабочих мест. «Правительство области окажет всю необходимую консультационную помощь», – приводит издание слова губернатора. Напомним, Wildberries является крупной международной интернет-площадкой, где продаётся большой спектр товаров: от одежды и обуви до электроники и товаров для дома.

Туризм – только по любви

Закроем глаза и представим такую картинку-солянку: вот наличник из кедра, но вместо оконного стекла – портрет Менделеева во всей его «научной красе», по бороде учёного стекает капля нефти, в ней, крохе, отражается ладный Конёк-Горбунок с Иванушкой на спине, за добрым молодцем поднимается яркое солнце, на фоне которого след в след идут древние мамонты, тут же расположились три котла с термальной водой, дарующей здоровье, ну и Распутин чуть поодаль приветственно машет рукой

Текст **Ирина НИКИТИНА**

ПОЛУЧИЛОСЬ ВООБРАЗИТЬ? На каком этапе сбились? Лично я всех этих героев поодиночке вижу, а в единой плоскости нет – они самостоятельные, их много, им тесно.

– Мы долго думали, как же уместить все наши самые известные образы в один символ, олицетворяющий дух и характер Сибири и сибиряков, понятный и местным, и приезжим. Таким символом стал соболь – царь дикой пушнины, «мягкого золота». Прошло какое-то время – его приняли, то есть начали ассоциировать с Тюменью, Тюменской областью, – рассказывает директор областного департамента потребительского рынка и туризма Мария Трофимова.

Мы говорим о том, как в Западной Сибири занялись популяризацией отдыха не только для своих, но и иностранных путешественников, на кого ориентировались, какие направления выбрали якорными, а какие – сопутствующими.

Директор областного департамента потребительского рынка и туризма Мария Трофимова
Foto admtyumen.ru

Турами по Западной Сибири заинтересовалась заслуженная артистка России Екатерина Гусева
Foto fortyumen.ru.

Дух и характер Сибири

Ставка на уникальность

– Мария Сергеевна, журналисты из других городов, наблюдая за Тюменью со стороны, изредка сюда наезжая, говорят: «У вас круто!». А я переехала 22 года назад и, признаться, ничего экстраординарного давно не замечаю... Всё привычно.

– Это классика: люди живут рядом с морем и не купаются в нём, люди живут в Москве и не бывают на Красной площади... С местными всегда так.

– И у нас действительно круто? К «бедным родственникам» не относимся?

– К чьим родственникам?

– Московским, допустим.

– Тюмень никогда не была провинциальной. Она, скорее, была уникальной, не похожей ни на кого. Тюмень – первый русский город в Сибири. Тобольск – младший брат, духовный центр, первая настоящая столица Сибири, откуда начиналось управление огромной территорией, простиравшейся от Камы до берегов Тихого океана (даже Аляска входила в ведение Тобольской епархии!). Эти фундаментальные вещи неоспоримы. В период расцвета и развития купечества появились кинотеатр, фотоателье, цирюльня и многое другое. Сюда привозили лучшее. Через Тюмень и Тобольск проходили Великий шёлковый и чайный пути. В регионе оседали первопроходцы, которые осваивали Север.

– Жизнь бурлила, согласна. А с чего началась туристическая история Тюмени?

– Нужно вернуться в 2016 год, когда областному управлению потребительского рынка передали туризм и, соответственно, добавили полномочий, вследствие чего он стал департаментом. Мы понимали – у отрасли большой потенциал (тут и Тюмень, и Тобольск, и в целом история всей Сибири), но при этом все ресурсы разрознены.

Работу начали с объединения отраслевиков и приведения к одному знаменателю уже существующих брендов – собирали фокус-группы, обращались к историкам и краеведам, спорили, выбирали... Так возник соболь – яркий знак качества, поистине народный символ. Потом

оформили портал с информацией по всем городам и маршрутам. Далее, понимая, что мир движется в сторону онлайн, запустили мобильное приложение. Наконец, появилось Агентство туризма и продвижения Тюменской области, главными задачами которого стали консолидация всех участников рынка и формирование продуктовой линейки. Всего бы этого не было без сильной команды, без бизнеса, поверившего в тюменский туризм. Все вместе мы прошли хороший путь в довольно быстром темпе.

– И со стереотипами боролись? С теми, например, что «Тюмень – это край Земли» и «Тюмень – это критические температуры», не говорю про медведей на улицах и струю нефти из каждого кухонного крана.

– Боролись, конечно. И продолжаем это делать. Раньше нас попросту не было на туристической карте страны, а тут вдруг – раз, появились, заявляем, что мы такие интересные.

За пять минувших лет определили приоритетные направления для отдыха, сформировали пакеты предложений и вышли на новый уровень приёма гостей. Смотрите сами: в 2015 году к нам приехали 1 миллион 458 тысяч туристов, в 2016-м – 1 миллион 800 тысяч, дальше стали в среднем прирастать на 20 с лишним процентов. Максимального показателя достигли в 2019 году – 3 миллиона 259 тысяч россиян и иностранцев. Причём, добавлю, иностранный поток с 2015 года увеличился в три раза. Целыми автобусами ехали немцы, французы. Было много самостоятельных путешественников из зарубежья. Накануне 2020 года загрузка отелей составила от 60 до 90 процентов в пиковые периоды.

Потом увидели отдачу: в бюджет пошли налоговые отчисления, появились рабочие места. Так туризмом-то, оказывается, выгодно заниматься!

Пандемия, конечно, ударила. Приходить в себя начали в июле 2020-го, к концу года открыли термальный сезон и смогли восстановить поток туристов на 65 процентов, при том, что в среднем по России этот показатель составил 60 процентов. По итогам 2021 года отрасль в регионе поднялась на 95 процентов по отношению к уровню эффективного 2019-го.

Холодные снаружи, горячие внутри

– В принципе пяти лет достаточно, чтобы достичь результата, или Тюмени просто повезло?

– Ничего не бывает просто так. Нельзя однажды проснуться, подумать «а не заняться ли нам туризмом» и получить всё и сразу... Алтай раскачивался восемь-десять лет, Казань – более шести. Мы очень много работали, реально – год за два. Смотрели на другие страны и города, делали сверку в поиске новых ориентиров, чтобы не пойти по ложному пути и не наделать ошибок. Как уже сказала: занимались брендингом, консолидировали рынок, разрабатывали предложения. Пять лет – серьёзный рывок, но

Конёк-Горбунок – литературный, сказочный бренд Тюменской области. Этот бронзовый, авторства скульптора Сергея Титлинова, Конёк стоит на крыльце театра кукол на улице Кирова – ребятишкам нравится на нём «скакать»

Фото Юрий Комолов

если честно, это не тот результат, который хотим видеть. Когда ты не удовлетворён, появляются другие идеи. По моему ощущению, Тюменская область ещё в начале пути, а вся следующая пятитка должна пройти в ещё более активном ритме. Возможно, поменяются подходы, вообще всё станет по-иному...

Знаете, ведь только в 2020-м регион позволил себе выйти во внешний периметр и начать привлекать поток из центральной части страны, давать рекламу.

– Наши баннеры висят в Москве?

– Да, также идёт активное продвижение территории через радиовещание. В общем, используем разные ресурсы. Безусловно, любим и ждём в гости соседей по Уральскому федеральному округу, но Москва, как и Петербург, – всё же главные туристические хабы в России.

– Мы развиваемся, подражая кому-то, или у нас особая программа?

– Невозможно точно-в-точь повторить исключительный опыт какой-то территории, ведь все мы разные по географии, историческому наследию, традициям. Но есть понятные механизмы, очевидные модели работы. В 2017 году Министерство культуры, курировавшее тогда сферу туризма, составляло рейтинги оценки эффективности регионов: мы брали первую «десятку» и смотрели, как работают лидеры. Назову регионы «Золотого кольца», Татарстан,

Ещё одна культурная изюминка региона – музыкальный фестиваль «Лето в Тобольском кремле». До пандемии неизменно проходил в Тобольске под открытым небом

Фото Екатерина Христовова

Алтайский край. Выручала коммуникация – выезжали на выставочные мероприятия, форумы, фестивали, круглые столы. Учились у коллег, перенимали их опыт. Так вот, в 2017-м регион занимал 57-е место по туризму, в 2019-м – уже седьмое.

Уникальный опыт Тюменской области, который потом подхватили другие субъекты РФ, – своё агентство туризма и продвижения. Мы задумали его ещё в 2016-м, открыли почти через год, но команда начала собираться гораздо раньше. Люди реально работали без зарплаты первые шесть месяцев просто потому, что верили в успех. Мы начали заниматься проектами федерального масштаба, участвовать в выставке «Отдых» ...

– Наш бренд – не только собо́ль, но и ещё два волшебных слова Visit Tyumen ...

– Visit – международный формат, предполагающий открытость. Есть Visit Kaliningrad, Visit Kazan, Visit Dubai ... Собо́ль – региональная геральдика. Собо́ль – эlegantный зверёк, но он и хищник, который держит ухо востро. Сибиряк – тот же собо́ль: предприимчивый, смелый, смекалостный. У нас получился очень лаконичный логотип! Добавлю, что Visit Tyumen – не только слоган, это определённая визуализация. Обратите внимание на соцсети – все снимки там тёплые. Ведь и главный посыл – в холодной Сибири тепло принимают, сибиряки холодные снаружи, горячие внутри.

Выбор на любой вкус

– Сначала в Тюменской области было много гастрономических фестивалей, теперь на первую линию выходит другое – я про кино... Стратегия такая?

– В туризме невозможно заниматься чем-то одним. Гостю, путешественнику интересно выбирать, когда есть ассортимент предложений. Это как в магазине одежды с большим размерным рядом и ассортиментом. А если там

Никто, кроме Ялуторовска, не способен каждый год настраиваться на рекорд по выпеканию трёхметрового блина

Фото Юрий Комолов

ещё и продавец толковый трудится, который поможет определиться, сделает уместный комплимент!.. И вообще туризм – очень динамичное направление, развитие которого трудно распланировать даже на пять лет вперёд. Эта отрасль – во многом про эмоции, впечатления, что, конечно, невозможно сопоставить с деятельностью завода, выпускающего определённое число автомобилей в год. Привлечь сразу массу туристов в город, в регион невозможно. Нужно потратить много времени и сил, чтобы люди поверили.

– А есть ли смысл в ежегодном выпекании трёхметрового блина в Ялуторовске?

– Ну кто в нашей стране, кроме Ялуторовска, на такое способен?! Это мероприятие входит в национальный событийный календарь, поэтому остановиться точно не получится. Ялуторовчане ежегодно аккумулируют десятки интересных событийных проектов. Я горжусь ими. А с тем блином-гигантом как всё началось? Захотел Ялуторовск назваться блинной столицей России. Так в Масленицу любой город – блинная столица, – возражали в агентстве. И всё-таки они сумели убедить всех, что неподражаемы.

– Можно ли сказать, что на сериале и полном метре «Тобол» вы поучились кинотуризму, а к «Ёлкам-8» подошли осознанно?

– «Тобол» до сих пор нам помогает – региону остался полноценный тематический парк. Таких только два в стране – у нас и в Крыму, где проходили съёмки «Викинга». 2022-й год посвящён Петру Первому – значит, фильм и сериал вновь покажут.

Хранитель истории деревянного зодчества в Тюменском крае Святослав Шитов. Объёмная (корабельная) резьба – отличительная черта областной столицы Фото Ирина Никитина

... «Ёлки» точно не планировались. Кинофраншиза – следствие колоссальной работы по раскрутке региона, тот случай, когда бренд на отлично выполнил свою миссию. В 2021 году, прямо скажу, мы имели небольшой финансовый портфель на продвижение, но за счёт правильно выстроенных коммуникаций и объединения с нестандартными каналами продвижения смогли реализовать большой пул мероприятий без привлечения серьёзного бюджета. Вообще затеять кинопроцесс – довольно смелый шаг. А что мы могли показать? Зимой в Тюмени – термы, в Тобольске – новый аэропорт. Естественно, сибирское гостеприимство.

– Продолжится тюменская киноистория?

– Несомненно. Тюменцы давно и успешно пишут музыку, создают видеоконтент, занимаются монтажом для крупных федеральных проектов. А может, они снимут фильм про Алябьева, Ершова, Менделеева?

– Какое направление начнёте пестовать в ближайшее время?

– Вернусь к началу разговора: мы не бываем удовлетворены... Большинство термальных источников в сегодняшнем виде – чисто локальная история. Надо смотреть шире: подключать науку, экспертов в геофизике, геологии, реабилитологии, курортологии; развивать оздоравливающий туризм. Продолжим заниматься Тобольском.

– Что чаще всего покупают туристы в Тюменской области?

– Все наши программы упакованы в несколько понятных маршрутов, отражающих определённые этапы развития территории. «Чайный

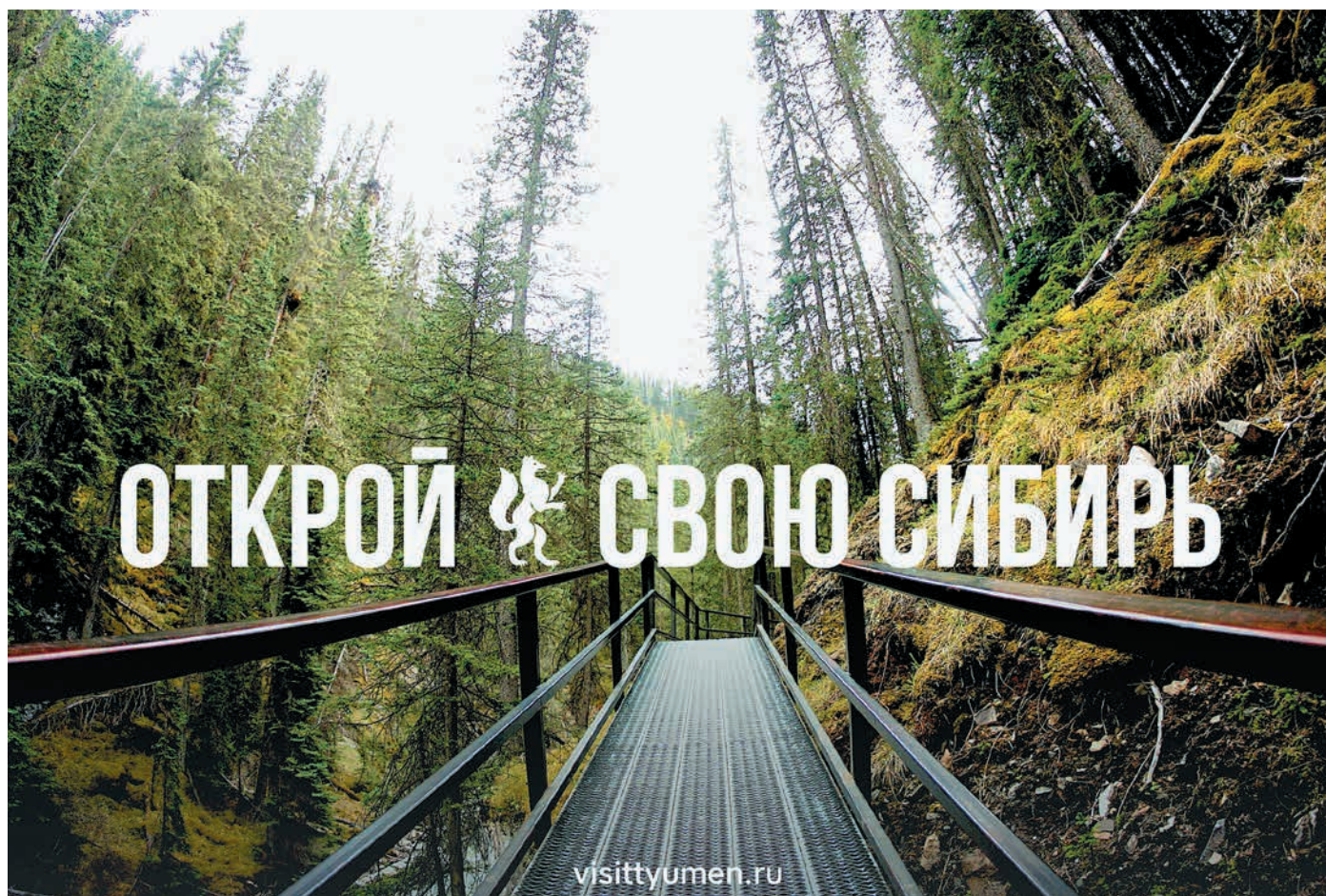
Во время съёмок фильма «Тобол» в Тобольске московские актёры тоже знакомились с великой Сибирью. На фото – Андрей Бурковский, сыгравший пленного шведского офицера Йохана Рената

Фото Валерий Бычков

путь – врата Сибири» – про сибирские города, купечество, гостеприимство. «В Сибирь по своей воле» – это про историю и современность региона. «Горячие термы Сибири» – про оздоровление. Есть тур про Романовых, есть про нефтегазовое освоение.

– В туризме не бывает мелочей?

– Конечно! Важно всё: инфраструктура, порядок, чистота, гастрономические заведения, экскурсионные программы, доброжелательные местные жители. Важно, как разговаривают таксисты, как принимают администраторы в отелях, как пешеходы подсказывают дорогу до музея... Это всё формирует общее впечатление. Туризмом можно заниматься только по любви и больше никак.

Из личного архива Л. Барabanовой, фото Юрий Чернышов

от редакции:

Нашему постоянному автору Людмиле Павловне Барabanовой исполнилось 85 лет. С журналом «Сибирское богатство» она сотрудничает без малого два десятилетия, и всё это время в каждом номере выходят её тексты, легко узнаваемые с первого же абзаца. Она автор книг «Этюды о заповедном городе», поэтического сборника «Умиленья злых сердец», сборника очерков «Моменты жизни быстротечной».

Сердцевина очерков Людмилы Барabanовой – голос героя, доверительная интонация которого то обволакивает и умиротворяет читателя, то шокирует неординарностью суждений или неожиданными откровениями. А что если предложить юбиляру самому оказаться в «шкуре» своего героя «в резком, неподкупном свете дня»? Каково ему придётся?

Слово о героях

Живущий несравним!

Текст Людмила БАРАБАНОВА

Эпизод со шлейфом

РЕДАКЦИЯ «Тюменского комсомольца» в 1962 году уже перекочевала на улицу Хохрякова, в аварийный особнячок на задах обкома. И где-то поодаль на этой же улице я подыскала покосившуюся избушку, где нашло приют семейство Владимира Гохфельда, нагрянувшее внезапно из Свердловска. И летним воскресным днём мы с фотокором Юрой Чернышовым, возвращаясь с очередного задания, решили проведать наших новосёлов. Вот здесь-то в уютном дворике, где я дурачилась на травке-муравке с абсолютно неразличимыми сестричками, Юра и увековечил наш щенячий восторг.

Откуда мне было знать, что резвушка Марина (слева) превратится со временем в талантливого педагога режиссуры в Институте культуры, и я буду выпытывать, не является ли для неё режиссура драмы только предлогом для воспитания чувств. Ведь главное действующее лицо в театральном братстве Марины Владимировны Жабровец – любовь – к своему Мастеру, друг к другу, к зрителям, к миру.

Мне порой кажется, что будущее отбрасывает тени на текущие дни. Только разве мы способны читать эти метки? Порой даже довольно внятные. Ведь не услышала же я намёк Судьбы, когда при поступлении на филфак ЛГУ мне предложили вместо классической филологии отделение журналистики. От одного этого слова я шарахнулась прочь, как лошадь от внезапного паровозного свистка. Но вы-то знаете, чем дело кончилось, чем сердце успокоилось.

Сокровенный человек

Как много научных текстов протекло через мои руки (скорее, глаза) за 30 лет в университетском издательстве – и как мало осталось в памяти глубоких мыслей! А если честно, то нисколько. Вот почему масштабные идеи профессора Роберта Бембея, взрывающие парадигму привычных представлений о мироздании, сыграли в моём сознании роль землетрясения. Я вспомнила «хорошо забытое старое» (то есть своё журналистское ремесло) и отправилась в новый тогда журнал «Сибирское богатство». Можно сказать, с информационной бомбой за пазухой – так я оцениваю сейчас своё интервью с Бембелем. Для Владимира Ивановича Чижова, тогдашнего редактора журнала, возникла двойная шарада: и идеи какие-то безумные, и обо мне он слыхом не слыхивал. Я предстала перед ним как призрак отца Гамлета.

Однако Владимир Иванович с честью выпутался из ситуации: попросил меня завизировать текст интервью у инакомыслящего профессора (что я и сделала), а потом признался, что сразу оценил в моём тексте почерк профессионала. Мы подружились с ним, я стала приносить в редакцию что-то вроде очерков о людях, которых один остролов энергично назвал «коллекцией ненормальных». Владимир Иванович не раз, пытливая глядя мне в глаза, спрашивал: «Это правда, что есть такой человек, или вы его придумали?». Конечно, я только хохотала: фантазии в документальном жанре, это ж надо! Однако со временем мне стал открываться какой-то резон в этих странных вопросах. Видимо, в беседах с героем выявлялся какой-то «сокровенный человек», как бы некий двойник, о котором не то что люди не знают – сам он не ведает.

Жена одного моего героя, мастера по исследованию скважин, с которой я познакомилась по телефону, смеётся, что нашла в моём тексте два игривых эпизода, до сей поры ей неведомых. Другой мой собеседник так цепко слушал и вкрадчиво молчал, что я видела его в дипломатическом корпусе любой державы, а он назавтра вдруг возьмись посреди разговора читать стихи, да какие! Осипа Мандельштама и Арсения Тарковского, что сразило больше даже не меня, а его жену, знавшую это как симптом редчайшей и крайней душевной открытости. А как вам понравится такой факт: очень интеллектуальный книжный график похвалится тем, что в школе не решил самостоятельно ни одной задачи. Или эти ещё внезапные спохватывания посреди наших бесед: «Да зачем я всё это вам рассказываю?». Но есть и кое-что покруче: иные плачут, когда я знакомлю их с текстом исповеди. Плачут отнюдь не от горести, что почувствовала даже моя четырёхлетняя внучка, ставшая однажды свидетелем такого катарсиса. «От радости тоже бывают слёзы», – сказала Лиза, и мы поразились, откуда она-то знает.

Секрет тут прост. Чтоб прожить честно самую незатейливую судьбу, требуется большое мужество. Потому что каждая душа со временем упирается в безутешное неотвратимое одиночество. Правда, иной и себе не признается в этом ни за что. Зато в другом страхе смерти и одиночества приобретает крайние формы. Одарённый художник никогда не расстанется с сумой, где лежат все его документы, и даже деньги боится держать возле себя: сплавляет их доверенному лицу с единственной просьбой – похоронить его. Понятно, что мои собеседники разнятся по возрасту, чину, опыту, открытости к диалогу. Но для меня главная трудность каждый раз одна и та же – заслужить собеседника. И, конечно, подлинный успех выпадает не каждый раз. Редок горох, да стручист.

Когда-то на заре туманной юности я отпрянула от журналистики на филфаке ЛГУ, сопрягая её, видимо, с репортёрством, а значит, с выдающейся пронырливостью, если не с нахальством. Но случилось непредвиденное: мне не нужно сейчас бегать за сюжетом – он сам приходит ко мне в дом. Или настигает меня в подворотне, на лавочке

С Анатолием Туринцевым за разметкой гонорара.
«Юменский комсомолец»

Из личного архива Л.Барабановой, фото Юрий Чернышов

С Робертом Бембелем нас связывает

11 публикаций о тайнах мироздания Фото Сергей Баянов

Толя Пашук ёжился, когда его величали
фотохудожником, считая, что его снимки –
просто узелки на память Фото Фёдор Баянов

Андрей Ободчук, семикратный чемпион мира по шахматам среди инвалидов, – неотразимый рассказчик Фото Фёдор Баянов

С майором Эдвардом Гиносьяном вылавливаем на мониторе кадры армейского рукопашного боя Фото Сергей Баянов

Уличный торговец Абдулла открывал мне тайну живучести моральных запретов в таджикской культуре стыда Фото Сергей Баянов

автобусной остановки... Не далее как позапрошлым летом подошёл вроде бы забудыга попросить на опохмелку, потом вдруг встрепенулся: «Ну что ты так смотришь, рыжая?» и давай рассказывать про Афган, про то, что все вверенные ему бойцы погибли, а он, командир, уцелел, падала... «Скажи, рыжая, как жить?»

Когда я поняла в конце концов, что в любом «худо» есть смягчающие детали, а в любом «хорошо» лезут в глаза изъяны, то магистральной задачей стало избавиться от всяких предубеждений. Однако не оценивать ситуацию, не навешивать на неё ярлык, а просто преодолевать передрагу как очередной урок – всё это оказалось много трудней, чем задавить в душе зависть и склонность к обидам. Кстати, об обидах. Если раньше я считала, что меня предал друг, от чего я и вылетела из любимой профессии на 30 лет, то теперь мне кажется, что он просто-напросто замешивал цемент для моего нового душевного фундамента. Только на этом фундаменте и возможно подлинное взаимопонимание с детьми, с героями и со всеми теми, в чьей душе таится и ребёнок, и герой, но он этого пока ещё не знает. Впрочем, эту мысль можно выразить проще, без всяких метафорических загогулин: вернувшийся из бездны отчаянья смотрит на мир новыми глазами.

А если льва нет?

Чем дальше пишу о судьбах своих земляков, тем прочнее убеждаюсь, что именно люди – главный стратегический ресурс России. Но первоначально, когда ничего такого ещё нет в голове, ты просто поддаёшься своему соблазну заглянуть в чужую душу. Ведь нет на свете ничего заманчивей этого.

Кто-то может объяснить, зачем Светлана Ерёмкина (бухгалтер!) берёт в руки Сапоп и летит снимать отверженных в Тарлабаши, самом криминальном районе Стамбула, – цыган, курдов, сирийских беженцев? Зачем рискует жизнью ради снимков из самого пекла? Тем более, что её не командирует никакое ведомство или издание. Почему другая женщина – Галина Паршуткина, – добровольно покинув успешную коммерческую фирму, находит своё счастье в том, чтоб кормить бездомных, а затем строить богадельню?

Меня неудержимо притягивают те, кто не укладывается в рамки житейских стандартов. Представьте себе, была когда-то деревня Савина в Бердюжском районе. Была, да сплыла. Исчезла с лица земли под пятой прогресса. Но нашёлся человек, капитан милиции Леонид Петрович Третьяков, приговорённый врачами к полной неподвижности, который, восстав из праха, поставил на уши своих бывших односельчан, рассеянных по свету, и собрал их на открытие памятной стелы на месте их родового гнезда. Он зарок дал: если встану на ноги, не проживу зря ни одного дня.

А какого градуса достигла у Татьяны Тепышевой страсть в исследовании истоков национального характера! Затейные её экспедиции соразмерны, пожалуй, программе целого института даже своим размахом в пространстве: Алтай, Енисей, Нарьян-Мар, река Керженец в Заволжье, не говоря уж о Тюменской области. И вот возник у неё новый маршрут – на реку Юрим в Курганской области, в один из очагов сибирского старообрядчества, где некогда старцы Софонтий и Авраам продумывали в скиту пути исхода кержаков в Зауралье и Сибирь. Кто-то ещё из журналистов пошёл бы добровольно сквозь бурелом на Авраамов остров, рискуя сгинуть «среди топи блат»? И уж никак не умолчать о Владиславе Бутусове, который побывал и учителем, и лесником, и рабочим прииска, и бригадиром лесорубов, и десантником-пожарным, и спасателем МЧС, и грузчиком, и переводчиком с английского языка... И всё ради того только, чтоб заработать денег для очередной экспедиции по сибирским горам и рекам, чтоб насытить свою неутолимую страсть к путешествиям. Акватория Обской губы у него вроде персонального стадиона, хотя штормы здесь похлеще, чем в Карском море. Но есть, видно, порога

безмерно отважных. Таков и флейтист Сергей Малягин, покоритель пустынь. Таков и пловец-марафонец Сергей Сидоров, окунувшийся в купель Ледовитого океана. Таков и кардиохирург Никита Стогний, пересадивший человеческое сердце.

В африканском племени масаи героем считают того, кто убил льва. Недостижимая для нас прозрачность критерия героического. Правда, дошли слухи, что и у масаи вышла сейчас напряжёнка в технологии героизации: львов-то запретили убивать, разве уж какой безумный забредёт в посёлок. Шуткой прикрываешься, когда мучительно сложно вывести общую формулу для людей неповторимых и несравнимых: инакомыслящего профессора и тренера скалолазов, православного батюшку и уличного торговца, танцующую колясочницу и шеф-повара, правозащитницу осуждённых и спасателя-водолаза, грузчика и джазмена... И всё-таки хочется найти для них общий знаменатель (критерий героического) хотя бы через приём отрицания. Словом, мои герои – это те, что НЕ...

Первое НЕ. Не ищут известности или рекламы. Володя Адаев, этнограф, изучающий культуру демьянских остяков, избегал меня два года. Наталья Маломыжева, педагог детской художественной студии, отбиваясь от моих атак, без тени юмора уверяла, что нет у неё никакого внутреннего мира. А гениальный скульптор Геннадий Вострецов проявил презрительное равнодушие к самому факту публикации. Почему же он терпел тогда наши весьма пространные беседы?

Второе НЕ. Не набивают себе цену своими победами и свершениями. Напротив, не боятся обнажить то, что нормальные люди держат в укромном закоулке. Нина Нежиборская доверила горькую историю о том, как увела из семьи чужого мужа, а затем стала жертвой его предательства (трактуя это как возмездие). А Эдвард Гиносян, любимый подростками директор клуба «Град», сразу прихлопнул меня признанием, что я имею дело с сыном вора в законе. Что уж говорить о Дамире Маслове, который настаивал на том, что опыт его тюремного заключения – весьма полезный поучительный урок.

Третье НЕ. Не выносят фальши. Всяких преувеличений, натяжек, льстивых эпитетов. «Только не делайте из меня икону!» – требовал от меня незабвенный мыслитель Мирослав Бакуин. И верно, опасность превратиться в иконописца всегда есть. Сердцевина моих очерков – откровения героя. Но ведь в авторском сопровождении ты иногда всё-таки вынужден умолчать о том, о чём, подчиняясь соображениям деликатности или прямым просьбам собеседника. Но эта вынужденная ретушь не есть ли форма всё того же вранья? И возможна ли правда в документальном очерке? В реальности, а не в идеале?

Эк, куда нас занесло! Хватило бы ума исчерпать хотя бы одну тему... «Не сравнивай! Живущий несравним», – умолял Осип Мандельштам, и, кажется, мне удаётся ему угодить. Только всё же со временем начинает брезжить нечто неоспоримо общее для всех моих несравненных героев: да они же все неунывающие! Ну вот, вылупилось ещё одно НЕ!

Невинные утечи старости

Помните строчку Марины Цветаевой «... и не краснеть удушливой волной, слегка соприкоснувшись рукавами»? В зрелом и перезрелом возрасте, когда «удушливая волна» схлынет окончательно и бесповоротно, с ней вместе схлынет и тот нескончаемый дамский переполох, на котором держится индустрия косметики, нижнего белья, драгоценностей. Ну, все эти наши вздрагивания, ужимки и прыжки: к лицу ли мне цвет новых сапог? правильную ли я выбрала линию бровей? не слишком ли много позволила для первого раза? Прелесть новой ситуации в том, что в канале общения, не замутилённом гормональными вихрями, видишь мужчину непредвзято и даже, кажется, начинаешь его понимать. И тут выясняется, что мужчины нуждаются больше не в нашей красоте, а в утешении.

Со Светланой Сидоровой, тогда директором Тобольского музея-заповедника Фото Фёдор Баянов

Владимира Садко, социолога и китаиста, и Сергея Пахомчика, кандидата экономических наук, в юности сдружилась страсть к волейболу Фото Тамара Суворова

Фаина Дмитриевна Дранишниковна героически сражалась за жизнь внука, избитого в армии («дедами») Фото Сергей Баянов

Источник жизни – ИНТЕРЕС

Общественную жизнь нашего региона невозможно представить без активного участия в ней Благотворительного фонда развития города Тюмени

Текст **Виктория ЕРМАКОВА**

В КОНЦЕ ДЕВЯНОСТЫХ он был задуман как грантодающая организация, способная оказывать помощь ответственному бизнесу в благотворительной деятельности. Успешно начав работать на этом поприще, в дальнейшем фонд развивался как ресурсный центр, плотно взаимодействующий с областными НКО.

«Вдохновлять органы власти на работу с некоммерческим сектором, консультировать и обучать его представителей, финансировать некоммерческие организации...» – так кратко могли бы обрисовать круг своих обязанностей его сотрудники, если бы опять же сконцентрировались только на них. Однако в 2011 году, при поддержке Министерства экономического развития РФ, фонд начал процесс объединения своих партнёров в Уральском Федеральном округе, что в итоге привело к созданию Уральской сети

**Конференция
Уральской сети
ресурсных
центров,
апрель 2021 г.**

Фото
Екатерина Базванова

ресурсных центров для социально ориентированных НКО. Деятельность которой он с того времени начал координировать, выступая уже как Межрегиональный ресурсный центр.

А вот и личное наблюдение: БФРГТ – это, безусловно, традиции. Многие из них, и в первую очередь благотворительные, давно укоренились, стали частью современной Тюмени. Но также это и новации, постоянное развитие, тонкое реагирование на изменение общественных запросов. Пару лет назад, встречаясь с его исполнительным директором Верой Баровой, мы говорили о развитии фондов местных сообществ, нацеленных решать задачи в своих территориях. Формы работы с тех пор менялись, но направленность осталась прежней. Не случайно во время очередной нашей встречи Вера Владимировна вернулась к рассказу о расширении «второго яруса» Уральской сети:

– От взаимодействия только с региональными ресурсными центрами мы постепенно перешли на муниципальный уровень – ближе к людям, знающим проблемы на местах, к организациям, готовым взяться за их решение. Поставлена цель была ещё в 2016 году – после опроса, проведённого внутри организаций-участников и показавшего, в каком направлении двигаться дальше. Тогда же был заявлен простой и прагматичный подход: «Результат может дать только системная работа, шаг за шагом позволяющая укрепить позиции каждого ресурсного центра, открыть новое видение некоммерческого сектора и общественного участия, профессионально взаимодействовать с органами власти, которые являются исполнителями государственной политики в направлении поддержки НКО». В 2018 году Фонд президентских грантов, отвечая на нашу заявку, поддержал трёхлетнюю деятельность по укреплению и расширению Уральской сети. К настоящему времени в её составе пять региональных и двенадцать муниципальных ресурсных центров, а их руководителей и членов команд можно назвать признанными лидерами некоммерческого сектора.

– *Насколько же велико участие ваших организаций-партнёров в жизни их территорий?*

– Ресурсные центры очень разные: каждый из них прошёл собственный путь развития, но именно это и ценно. Отбирая претендентов, мы принимали на себя обязательства, связанные с

их последующим возвращением, поскольку сами когда-то росли в Сибирской сети, а потом эту практику решили закрепить на Урале. Конечно, уже очевидно, что наши координаторы на местах хорошо изучили свои территории и теперь умеют развиваться и поддерживают связи с властью, бизнесом и инициативными гражданами – теми, кто не стремится к созданию собственных организаций, но способен принести пользу своими общественными начинаниями. Например, АНО «Уральский центр социального развития общества «Аура», созданный в небольшом селе Альменево в глубинке Курганской области, объединившись с местной прокуратурой, наладил работу по повышению правосознания, правовой грамотности и культуры населения. Сейчас в территории ведутся видеоконференции, записываются видеоролики, организуются конкурсы рисунков и сочинений «Моя малая родина», фотоконкурсы, велопробеги. Даже проходит турнир по боксу на кубок прокурора Альменевского района... Ну, а мы продолжаем работать: на базе ресурсных центров для НКО постепенно начинают складываться центры общественного развития.

– С ещё более широким кругом возможностей, как я понимаю?

– Да, с выраженной направленностью в сторону социальных изменений, с привлечением к совместной деятельности самых разных слоёв населения. Этот образ мы формировали с членами команды Уральской сети во время дискуссий и обучающих встреч. И пришли к решению, что ЦОР будут не только оказывать комплекс услуг – информационных, консультативных, образовательных, но и предоставлять общественным инициативам необходимую ресурсную поддержку. Их задачей станет внедрение новых форм и методов работы в местных сообществах, а это, как вы понимаете, уже разговор об анализе ситуации и самостоятельной выработке стратегии. Сегодня в этом направлении начали двигаться ресурсные центры Екатеринбурга, Кургана, Надыма, Гольшманово, Свердловской и Челябинской областей.

– Не могу не спросить: насколько ситуация с пандемией осложнила жизнь подобным организациям?

– Можно ответить так: либо помог Бог, либо мы действительно делаем то, что требуется людям. Потому что в это очень непростое время удалось привлечь даже больше ресурсов, чем мы ожидали и надеялись. Как я уже упоминала, устойчивости нам придал поддержанный Фондом президентских грантов трёхлетний проект. Благодаря ему ресурсные центры, входящие в состав Уральской сети, сохранили и развили работу по поддержке НКО и инициативных групп, по вовлечению жителей в благотворительные и добровольческие акции. Важно и то, что период вынужденных ограничений не помешал развитию гражданской активности: все мы помним усилия волонтеров, поддержав-

Координаторы региональных ресурсных центров в гостях у БФРГТ

Фото Алёна Барова

Работа с московским экспертом Алексеем Кузьминым

Фото Алёна Барова

ших представителей социально незащищённых категорий во время самоизоляции или в дни, когда страна готовилась отмечать 75-летие Победы. Сразу же после выхода из онлайн-формата мы продолжили проводить очные семинары и другие публичные мероприятия с соблюдением всех мер предосторожности, и, кстати, именно в 2021 году состоялся многоуровневый единый Благотворительный сезон, способствовавший росту числа различных благотворительных и добровольческих акций. Правда, от себя и коллег скажу, что дальше, наверное, будем ориентироваться на проекты сроком на год – пандемия дала почувствовать, как быстро в мире может измениться ситуация, и надо более гибко реагировать на подобные повороты.

– В числе ваших достижений также привлечение грантовых средств Благотворительного Фонда Владимира Потанина – информация об этом появлялась в прессе.

– Это второй случай в истории БФРГТ, когда мы получили средства, чтобы укрепить самих себя (в своё время такому укреплению поспособствовало наше удачное партнёрство с фондом «Евразия»). Речь идёт о программе «Школа филантропии» с номинацией «Системный эффект», в которой фонд Потанина в 2020 году пригласил участвовать ведущие инфраструктурные некоммерческие организации, реализующие собственные благотворительные программы в направлении развития местных

Вера Барова с экспертами некоммерческого сектора Еленой Малицкой и Мариной Михайловой
 Фото Алёна Барова

сообществ. Целью конкурса была поддержка именно крупных НКО с большим опытом работы, представляющих нестоличные регионы. Конкурс, кстати, проводился в довольно необычной форме: российские эксперты – знаковые люди в нашем секторе – называли по пять достойных, на их взгляд, организаций. Так был создан список из наиболее упоминаемых НКО, и мы попали в их число как заметные на пространстве России – недаром десять лет будоражим УФО! И получили возможность участвовать уже в закрытой его части. Оказались, можно сказать, в первой волне претендентов: для финансирования тогда было отобрано всего четыре заявки. Сумма гранта очень приличная – десять миллионов рублей! Мы направили их на укрепление материальной базы Фонда и на становление Центров общественного развития сети – малых РЦ в муниципалитетах. Для этого пригласили ресурсные центры девяти муниципальных образований Уральского федерального округа, кото-

Добровольцы ресурсного центра ХМАО
 Фото Игорь Кошелев

рые были успешны на протяжении нескольких лет работы. Их сотрудники, прошедшие вместе с нами курс повышения квалификации, начали применять в территориях новые технологии работы с сообществом и благотворителями, разработали собственные благотворительные программы.

– *Получается, что за время пандемии бизнес не отвык совершать добрые дела?*

– Не отвык! Признаюсь, когда началась вся эта история с коронавирусом, прогнозы у меня были самые пессимистичные. Тем более что некоторые наши постоянные партнёры оказались в непростой ситуации и не могли нас поддерживать как раньше. Но в целом опасения не оправдались. Благодаря поддержке Благотворительного фонда развития филантропии «КАФ» мы сохранили свои самые любимые акции. Состоялись благотворительные ёлки, благотворительный спектакль, который поставлен был на этот раз в модной форме – с применением компьютерных технологий. Режиссёром выступал Антон Нестеренко, автором идеи – Людмила Кайгородова. Выбрали тему «Тюмень. Страницы. Лица.», основываясь на книжных историях. Получился любопытный разговор о быте и нравах... Более того, в 2021 году у нас состоялось исследование о развитии местной филантропии. Это важно, потому что мы давно уже глубоко не анализировали эту тему. К участию пригласили сто двадцать представителей крупного, среднего и малого бизнеса Тюменской области и пятнадцать экспертов, представляющих региональные НКО.

– *Результаты ожидаемые?*

– Я могла бы сказать, что результаты нас порадовали. Сорок семь процентов опрошенных, как оказалось, занимаются благотворительностью от случая к случаю, а почти двадцать четыре процента имеют в этом вопросе вполне активную позицию. Причём это и безвозмездная помощь нуждающимся (более 40%), и финансовые или материальные ответы на призыв о помощи со стороны некоммерческих организаций или учреждений социальной сферы (31,6%) и даже деятельность компаний по разработке и реализации собственной благотворительной программы (14,5%). Наиболее привлекательными направлениями для благотворительности были названы: социальная поддержка и защита граждан в трудной жизненной ситуации, поддержка молодёжных проектов, охрана окружающей среды, защита животных, а также поддержка семьи и детства. Удалось нам отметить и вдумчивый подход бизнес-руководителей к принятию решений. Как важные факторы они назвали возможность решать значимые проблемы, прозрачность механизма использования оказанной помощи, работу на «благотворительную историю» компании. Для многих оказалась кри-

Встреча представителей Уральской сети в Тобольске, 2019 г. Фото Ольга Чухачёва

териер и активная позиция благополучателей: чтобы те знали и могли представить механизмы решения своих проблем.

– *Очень хочется привести пример успешной благотворительной деятельности какой-нибудь тюменской компании.*

– Мы – грантодающий фонд, и эту свою составляющую в прошлом году смогли сберечь во многом благодаря сотрудничеству с компанией «Дина». Иван Владимирович Михайлов, который её возглавляет, оказал большую поддержку местному, в том числе дворовому спорту. По его заказу мы разработали и провели конкурс, который так и назывался: «Время спорта». Из семнадцати проектов, заявленных от некоммерческих организаций и муниципальных учреждений, шесть были отмечены членами комиссии и получили финансирование на общую сумму пятьсот тысяч рублей. Интересно, что Иван Владимирович лично знакомился со всеми заявками. Прислушивался к мнению экспертов, высказывал собственное. Он практик: ему интересно, когда предлагается какое-то материальное воплощение идеи, которое дальше будет служить людям. Поэтому, например, он оценил проект АНО «Центр развития уличного футбола «Панна», позволяющий монтировать в жилых зонах капитальные установки, чтобы игра проходила без риска для окон и дворовых конструкций. Получили финансирование наши давние друзья: клуб молодых инвалидов «Вера» и тюменская региональная детско-юношеская организация «Грани». Я знаю, что за каждым таким проектом стоят люди, которым можно с уверенностью давать грантовые деньги. И рада, что глава компании «Дина» разделяет наш принцип: поддерживать не тех, кто громче всех плачет, а тех, кто способен доказать, что он умеет и готов работать.

– *Говорят, что очень интересные проекты реализуются ветеранскими организациями...*

– И я с удовольствием о них расскажу, потому что никогда не хотела принимать как данность то, что наши ветераны выступают в роли просителей. У меня другое отношение к людям золотого и серебряного возраста: это профессионалы, к тому же накопившие огромный жизненный опыт. Сейчас они оставили своё место работы – значит, могут использовать освободившийся ресурс в любой другой сфере деятельности. Очень хотелось привить им привычку работать с грантовыми заявками. Подвижки начались в 2016 году, когда мы вошли в проект «Активное поколение», поддержанный Фондом Елены и Геннадия Тимченко. Смысл в том, что на каждый рубль, привлечённый нами, Фонд Тимченко готов был ответить такой же суммой со своей стороны. И именно в это время у нас случился замечательный альянс с Тюменской домостроительной компанией, выделившей пятьсот тысяч рублей. Таким образом, в нашем распоряжении оказался миллион, который мы смогли направить на организацию досуга,

**Команда
ресурсных
центров
Челябинской
области во главе
с Михаилом
Комиссаровым**

Фото Ольга Чухачёва

**Село
Гольшманово
знает толк
в «красивой
жизни»**

Фото Алёна Попкова

на обучение и реабилитацию людей старшего возраста. Потом был второй этап, где мы получили уже 2 800 тысяч рублей. И вот результат: в 2019 году в нашем городе открылся первый в России ресурсный центр для НКО, работающий с ветеранами. Организатором стал Тюменский областной совет ветеранов, средства были выделены из бюджета области в рамках поддержки НКО. Сегодня эти люди активно взаимодействуют с Фондом президентских грантов. Пишут небольшие заявки на финансирование текущих идей, но именно благодаря планомерной работе им удаётся привлекать достаточно крупные денежные суммы. Не могу не отметить наш показательный Гольшмановский район, где деятельность развернулась особенно активно. Это и «Ветеранское подворье», и «Бабушка на час», и скандинавская ходьба, и конкурсы рукоделия. Словом, каких только радостей теперь нет у представителей старшего поколения: они и свой канал завели на YouTube, и в Тик-Ток выходят... Недавно бабушку замуж выдавали: искали ей жениха, устраивали свадьбу, делали причёску и макияж – этот сюжет был показан по центральному телевидению. А Центр развития общественных технологий «Лад», росту которого мы в своё время тоже активно помогли, взялся поддерживать областную организацию бывших малолетних узников фашистских лагерей, создав «Службу компаньонства», а сегодня его участники официально имеют удостоверения «серебряных волонтеров».

Глава фонда «Мы вместе» Сергей Благородов награждает добровольцев
Фото Игорь Кошелев

– Вера Владимировна, то, что грантовые заявки – работающий и вполне понятный механизм, это очевидно. И всё же спрошу: на ваш взгляд, он идеален?

– Это уже тема для размышлений... Есть нынче такое определение: «грантоешки» – для организаций, живущих от заявки к заявке. Однако подобные условия не они себе определили. Думаю, настало время внести изменения в программы поддержки НКО, в том числе на региональном уровне. Если организация доказала свою пользу, если она работает, нужно продумать меры её поддержки помимо грантов. Это могут быть субсидии или социальный заказ – есть что обсудить с органами власти. К тому же, знаете, какой ещё момент у меня появилось желание озвучить? Организация может придумать «суперский» проект и получить под него финансирование. А что дальше? Как ей потом сохранить устойчивость? Только вновь и вновь выдавать «звёздные» идеи в надежде, что какой-нибудь фонд их поддержит... Многие мои коллеги уже начинают жаловаться: сколько можно «звездить» и изобретать что-то новое? Ведь есть же каждодневная работа на реальные потребности людей...

– Я ещё слышала о «профессиональном выгорании» активистов НКО...

– Вот тут не соглашусь! Мы же не рабы на галерах! Чувствуешь, что по-настоящему устал, – уходи, например, в бизнес. А если тебя что-то держит – значит, силы есть, и тогда продолжай укреплять себя дальше. Помните, с чего мы начали разговор? С того, что даже в сложнейший кризисный год можно найти необходимые

ресурсы – те самые, которые позволят верить в собственные силы и в силы тех, кого мы за собой позвали. Потому что искренний и активный человек гораздо интереснее и привлекательнее пессимиста. Мы же помним, что главный источник жизни – в интересе к ней!

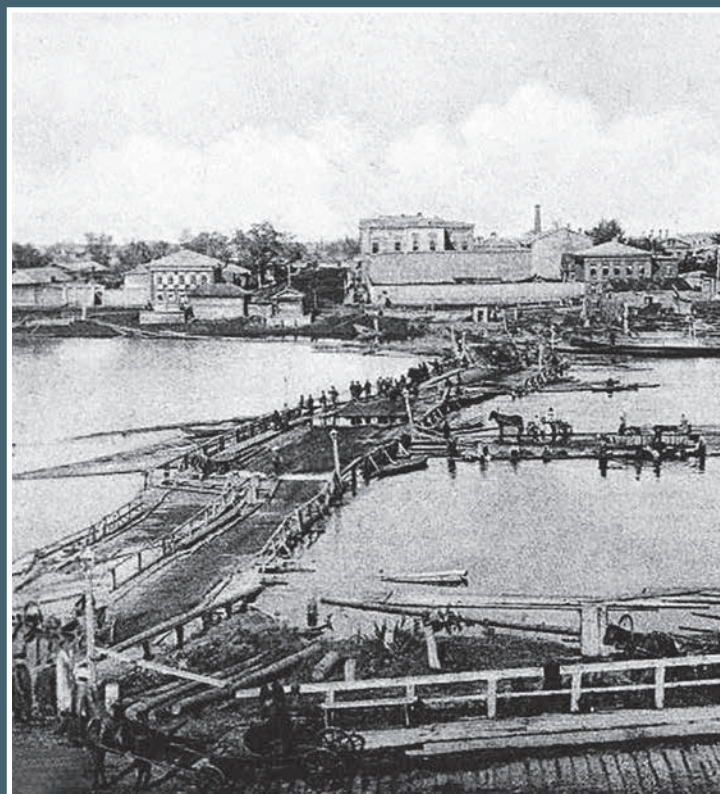
– Именно поэтому Фонд третье десятилетие заряжает окружающих оптимизмом и стимулирует их двигаться дальше?

– Да, и нам есть чем гордиться. Давайте я приведу вам результаты рейтинга, проведённого Минэкономразвития. Его данные демонстрируют, во-первых, рост негосударственного сектора в различных отраслях социальной сферы, а во-вторых – то, насколько выросла поддержка негосударственных организаций социальной сферы региональными органами исполнительной власти и органами местного самоуправления. Из восьмидесяти пяти субъектов Российской Федерации по этим показателям лидируют три региона УФО. На первом месте – Югра, на третьем – Ямал, на четвёртом – Тюменская область. Причём если в 2017 году мы там значились как «делающие первые шаги к успеху», то, начиная с 2019 года, входим в группу регионов-лидеров. А Челябинская область за три года поднялась с семьдесят шестого на двадцать четвёртое место. Это тоже о перспективах Уральской сети... Ну и, конечно, не отказываемся от наших любимых инноваций. Сегодня много говорится о цифровой трансформации: с одной стороны, она сделает работу НКО проще и эффективнее, переведя многие процессы в цифровой формат, с другой – людям, которые там работают, понадобятся соответствующие знания и владение технологиями. Именно поэтому мы предусмотрели акселератор цифровой трансформации для сотрудников муниципальных ресурсных центров для СО НКО из шести регионов Уральского федерального округа. За два месяца они прошли «курс молодого цифрового бойца» по специально разработанным программам с участием специалистов Высшей школы экономики (Москва). Кстати, сам акселератор – часть проекта «Уральская сеть РЦ для СО НКО. В ногу со временем», который БФРТ реализует с использованием гранта президента Российской Федерации на развитие гражданского общества.

Итоговые встречи в Тюмени координаторов Уральской сети

Фото Екатерина Бозванова, Екатерина Страшкевич

ВЕТЕР ВРЕМЕНИ

Река Тура входит в Тюменский уезд из Туринского; ширина русла её в Тюмени – от 80 до 90 сажен. В мае и июне, во время разлива воды, для сообщения между нагорной и заречной частями города находится паром, а в прочее летнее время – наведённый плашкоутный мост

На перекрёстке всех меридианов

Жизнь на полюсе

Если бы графически изобразить нашу жизнь на полюсе, получилась бы, вероятней всего, синусоида. Надежды, связанные с полётами Громова и Чкалова, разочарования, взлёты и спады настроения. Мы, например, опасались цинги

Текст Иван ПАПАНИН

КСТАТИ, «специалист» по цинге у нас был – и довольно крупный – Эрнст. В 1936 году во время зимовки на Северной Земле эта болезнь едва не свела его в могилу. Цинга у него была особенная. Наверное, из-за того, что Кренкель коллекционировал разные редкости, на его долю и вид цинги выпал редчайший, грозивший внутренним кровоизлиянием. Если бы ледокол «Сибиряков» опоздал на считанные дни, всё могло случиться. Потому Эрнст с особым рвением занимался физическим трудом. Мало того, что мы каждый день принимали антицинготные таблетки, я заставлял друзей съедать ежедневно хоть по дольке чеснока и по луковице. Палатка наша насквозь пропиталась чесночным духом.

«Худеющая» льдина

В середине июля из Москвы поступило новое задание: для международного конгресса геологов требуются сведения о морском дне в районе полюса. Петрович делал промер за промером. 17 июля установили: под нами толща воды 4395 метров – больше, чем в начале дрейфа. Открытие стоило четырёх часов работы на сыром, пронизывающем ветру. Петрович обнаружил, что в придонных слоях воды температура более высокая, чем в срединных. Сколько же раз пришлось опускать батометры, чтобы появилось на свет обобщение!

В плотный распорядок дня вклинивались и праздники. 21 июля устроили себе выходной – два месяца жизни на льдине. Выходной был у нас понятием относительным: пищу готовить – надо, снимать показания с приборов – надо, передавать метеоданные – надо, посмотреть за льдиной – надо. Просто в честь выходного чуть

от редакции:

В этом году исполняется 85 лет поистине историческому событию. 21 мая 1937 г. Полярная воздушная экспедиция АН СССР достигла Северного полюса и высадила на дрейфующий лёд научную станцию «Северный полюс-1». Целью экспедиции являлся сбор данных в области атмосферных явлений, геофизики, гидробиологии. Станцию возглавлял легендарный Иван Дмитриевич Папанин, её сотрудниками были гидролог Пётр Петрович Шишов, геофизик-астроном Евгений Константинович Фёдоров и радист Эрнст Теодорович Кренкель. Героическая полярная эпопея положила начало планомерному освоению всего Арктического бассейна, благодаря чему навигация по Северному морскому пути стала регулярной. Публикуем отрывок из книги воспоминаний И.Д.Папанина «Лёд и пламя» об одной из самых ярких страниц освоения российской Арктики.

Фото ru.arsis.ru, автор неизвестен

позже вылезли из спальных мешков. Слушали пластинки, больше всего – Леонида Утёсова.

В июле озёр на льдине столько, что впору давать им названия. Хорошо, что меня выручали высокие охотничьи сапоги. А ведь когда собирались, надо мной подтрунивали: «Дмитрич, на льдине утки не водятся». Нет, запас никогда не бывает лишним. После долгих ненастных дней 24 июля небо прояснилось, и мы узнали, где находимся: 88 градусов 3 минуты северной широты, 6 градусов восточной долготы. Именно в этом месте были сделаны уникальные фотокадры. Мы спешили: пока полярный день, ясная солнечная погода, надо заснять картины нашего быта, труда.

Потекли ледовые, точнее – водные будни. Чтобы вы получили о них полную характеристику, приведу запись из дневника от 26 июля. «Встреченные большой радостью заморозки продолжались недолго. Погода отвратительная: туман, моросит дождь, температура воздуха – четыре градуса тепла. Лёд снова начал сильно таять. Наша жилища палатка в опасности. Канал, по которому бежит вода в прорубь, углубился до шестидесяти сантиметров. Ходить к палатке даже по доскам теперь опасно: можно свалиться в широкую полынью. Много возни доставляет нам гидрологическая лунка, куда бурным ручьём стекает вода из окрестных озёр. Там, у лунки, такой сильный напор воды с двух сторон, что Ширшов боится потерять свою драгоценную лебёдку. Я ходил смотреть, как бежит вода по нашей льдине. В одном месте образовался даже водопад: если туда упасть, то уже не выберешься. На всём нашем ледяном поле вода, попасть к базам теперь можно только на клипер-боте. Я забрался в эту резиновую лодку и объехал «своё хозяйство». Установил, что на льдине остался лишь один маленький «сухой» островок, но и ему угрожает опасность затопления.

Словно миниатюрный ледокол, проталкивалась наша лодочка между маленькими льдинками, плававшими на поверхности озёр. Временами я забывал, что это не глубокие полыньи, а озёра и что под ними ещё около метра льда. Если бы нас захотели снять сейчас отсюда самолётами, ничего бы не вышло: нет и стометровой площадки для посадки, а глубина надледной воды такая, что всюду можно свободно плавать даже на килевой лодке».

Я опекал Ширшова и Фёдорова. Полярный волк Кренкель в опеке не нуждался. Мы не переставали дивиться его успехам. Мощность радиостанции всего 20 ватт – а Эрнст связался и с коротковолновиком из Южной Австралии и с матросом Тролезом с Гавайских островов. Любопытное это племя – радиолюбители: насколько же они любознательны и отзывчивы! Тролез сообщил, что много читал о нас, что у них в Гонолулу градусов под пятьдесят жары, что он был бы рад хоть чем-то помочь нам. Эрнст поблагодарил за добрые слова.

Люди на льдине собрались бывалые, полярной ночью нас было не удивить, если бы не «мелочь»: зимовали мы раньше в деревянных домах с хорошими печами, под ногами была земля. И народу было побольше, и нагрузки на каждого поменьше. А тут, несмотря на тьму, океанские глубины надо исследовать, не мёрзнуть в палатке, не думать о бездне под ногами. Труднее станет вести и научные изыскания, и хозяйство. Потребуется больше горючего для освещения, стёкла будут лопаться. Это «ночное хозяйство» я загодя привёл в порядок. Но души-то людские тоже надо к ночи готовить.

Мистеру Тролезу удалось 31 июля снова побеседовать с Кренкем. Он в панике: газеты пишут, что вся наша льдина растаяла, нам очень худо. Журналисты оповестили, что мы издалека возим снег, чтобы обсыпать палатки. Эрнст успокоил жителя Гонолулу. Раз уж о нас знают каждую подробность даже на Гавайских островах, как же велик в мире интерес к нашей работе!

Трудным был день 1 августа. Льдину несло то на север, то на северо-восток. Двадцать один километр в сутки! Если льдина не затормозит, не сбавит прыть, наши планы прожить на льдине минимум год полетят вверх тормашками...

Радиосвязь наша была ступенчатой: с Диксона – на Рудольфа, оттуда – к нам. Полярные радиобури нарушили связь между Рудольфом и Диксоном. Мы знали, что для нас скопилось много телеграмм на Диксоне, и не могли получить их.

Стремительный дрейф к югу

Обращаюсь снова к своему дневнику, запись помечена 12 августа: «Арктика продолжает напоминать о себе, как бы опасаясь, что мы забудемся, предадимся благодушию, покою и развлечениям. Чёртовой силы ветер, мокрый снег. Батометры по-прежнему в плену. Петрович рвёт и мечет: надо делать новые замеры, а тут ещё со старыми не всё в порядке. Льдина осатанела: шестнадцать миль за сутки – и всё на юг».

На всём нашем ледяном поле вода, попасть к базам теперь можно только на клипер-боте

Фото ru.arctic.ru,
автор неизвестен

Налетевший шторм не утихал долго, засыпал и аэродром, и склады, и гидрологическую лунку, и кухню. Пурга прекратилась лишь через несколько дней, заставила меня заняться «археологией»: раскопками всего хозяйства. А между тем подошел юбилей – сто дней на льдине.

Мы трезво смотрели на вещи. Льдину всё время сжимало, трещина подбиралась к нашей палатке, в которой 1 сентября температура была плюс три градуса. И льдина, эта исполинская, многомиллионная махина, уменьшалась медленно, но верно.

Мы обрадовались зиме, тому, что 2 сентября было минус двенадцать градусов: конец воде! Началось снежное строительство. Мы применили в «зодчестве» такой необычный материал, как мокрый снег. Оказалось, что мокрый снег, из которого мы делаем ледяные кирпичи, практичен и крепок.

В начале сентября сутки за сутками тянулись почти сплошные сумерки, солнце ходило низко над горизонтом. От торосов падали длинные синие тени. Скоро – полярная ночь. Расшнуровав палатку, сняли верхний чехол. Распаковали гагачьи покрывшки, натянули на стенки, затащили всё брезентом и быстро зашнуровали палатку. Внесли шкуры, под которыми – фанера и резина. На олени шкуры поставили койки, закрепили радиостол, установили приборы.

26 сентября Женя подсчитал, что мы находимся на широте 85 градусов 33 минуты. Когда Эрнст сообщил наши координаты на остров Рудольфа, там удивились:

– Куда вы так быстро несётесь?!

В один из последних дней сентября вышел я из палатки и не узнал лагерь. Льдина покрылась снежными застругами и напоминала море, застывшее в момент наибольшего волнения. Вся поверхность льдины изменилась. Огромные сугробы, заструги и снежные валы окружали нас. Базы и палатки были засыпаны снегом.

В последний раз мы увидели солнце 4 октября. Началось царство полярной ночи. Не скажу, чтобы мы особенно этому обрадовались, но дрейф полярной ночью тоже входил в научные планы.

В середине октября мы дрейфовали уже южнее 85-й параллели, что полностью совпадало с

Базы аварийного запаса и пёс Весёлый

Фото ru.arctic.ru, автор неизвестен

нашими предположениями: после пяти месяцев дрейфа оказаться на пять градусов южнее места нашей посадки – Северного полюса.

В конце ноября от луны остался только огрызок. На дворе тьма-тьмуша: в пятнадцати шагах уже ничего не видно. И ночами температура в палатке падает до четырёх градусов мороза. В таких условиях сидеть, не двигаясь, у радиоаппарата тяжело. Поэтому Теодорыч с особой охотой выполнял обязанности ночного дежурного и аккуратно через каждые два часа выходил из палатки осматривать ледяное поле и базы: всё ли там в порядке? От лагеря до лебёдки на расстоянии одного километра мы протянули верёвку, чтобы в случае сильной пурги можно было двигаться, держась за неё и не рискуя заблудиться. Нам пришлось использовать все шёлковые верёвки, которые оказались на хозяйственном складе и базах. Это сооружение мы назвали троллейбусом.

1 декабря мы оказались на широте 82 градуса 46 минут. Нам теперь даже неудобно называть свою станцию «Северным полюсом»: до него от нас по прямой около восьмисот километров.

Морозы набирали силу: так, 11 декабря был тридцать один градус. Дул северный ветер. Это нас очень тревожило: льдину гнало к берегам Гренландии, на её северо-восточный мыс.

Чем дальше к югу, тем всё больше ускорялся наш дрейф. Только бы успеть выполнить всю программу научных наблюдений!

9 января прошли параллель Баренцбурга. Не думали мы, что так скоро принесёт нас в эти широты! Ветер и пурга продолжались, и к тому же где-то шло перемещение льдов. К толчкам мы уже привыкли, но временами, когда льдина вздрагивала, у нас начиналось сердцебиение: сказывались усталость и длительное нервное напряжение. Проклятый ветер всё время не утихает. Мы, должно быть, попали в район вечных ветров. Гренландия даёт себя знать!

10 января получили радиogramму от Ульянова, капитана «Мурманца»:

Мы спешили: пока полярный день, ясная солнечная погода, надо заснять картины нашего быта, труда

Фото ru.arctic.ru, автор неизвестен

«Утром выхожу из Мурманска к берегам Гренландии».

Кроме того, нам сообщили, что готовится выйти к нам также из Мурманска ледокольный пароход «Таймыр». На его борту будут находиться самолёты.

Мир шумел и волновался

Следующая неделя запомнилась мне страшным скрежетом – шло сильное сжатие. На случай, если придётся перебираться на другую льдину, держали наготове все научные материалы и радиостанцию (для нас это самое ценное), а также аварийный запас горючего и продуктов. Трещина всё увеличивалась, и, не переставая, бушевала пурга. Порывы ветра доходили до двадцати метров. Мало кто из метеорологов на материке наблюдал такое явление! Ветер сбивал с ног. Нельзя было выйти из палатки, глотнуть свежего воздуха.

29 января я записал в дневнике: «Нас окружают трещины и большие разводья. Если во время этой пурги произойдёт сжатие, трудно будет спастись... Нарты и байдарку засыпало снегом. Пробраться к базам с продовольствием немислимо...». Мы отчётливо понимали: впереди – ещё более тревожные дни, надо быть к ним готовыми. А впечатление было такое, будто мы жили в мешке, который чья-то сильная рука периодически и основательно встряхивала. Спали по очереди: надо быть всё время начеку!

В ночь на 1 февраля мы легли спать, не раздеваясь. Гул стоял за стенами палатки такой, словно работали моторы сотни тяжёлых самолётов... Мы с Теодорычем тихо разговаривали... Вскоре послышался странный скрип в самой палатке. Разбудили Женю и Ширшова.

– Надо одеваться, – сказал я им. – Под нами скрипит лёд...

– Зачем одеваться?! Это снег оседает, потому и скрипит, – возразил мне Женя.

Но Петрович быстро оделся и вышел из палатки с фонарём. Вернувшись, сообщил:

– Трещина проходит рядом с нами, – был он абсолютно спокоен.

...Шесть дней мы не могли определить свои координаты. Женя принялся за работу. Никогда, кажется, мы не ждали результатов вычислений с таким нетерпением...

– Ну как, Женя?

Женя объявил: 74 градуса 16 минут nord и 16 градусов 24 минуты west! За шесть суток нас отнесло больше чем на сто двадцать миль к юго-западу.

Мы дрейфовали к югу. Наш «жилой дворец» больше не внушал нам доверия: того и гляди, льдина под нами разойдётся. Поэтому немедленно приступили к постройке жилого дома из снега. Пурга немного утихла, однако передвижка льдов не прекращалась. Вдруг мы заметили ещё одну предательскую чёрную полосу – в стене кухни, примыкавшей к нашей жилой палатке.

Здесь полоса прервалась, но с другой стороны палатки она опять появилась и шла к ветряку. Сомнений нет: льдина треснула и под палаткой!

Трещина катастрофически быстро расширялась: наша метеорологическая будка оказалась уже на самом краю образовавшейся полыни. Женя вытащил гравитационные приборы из своей обсерватории, так как её тоже заливало водой. Метеорологические сводки мы передали, как всегда, в установленные сроки. Я приготовил обед сразу на четыре дня: опасался, что скоро зальёт и кухню, кроме того, в ближайшие дни, подумал я, некогда будет думать о приготовлении пищи.

Вечером послал через «Мурманец» в Главное управление Северного морского пути радиogramму, в которой коротко описал бурные события дня: «В результате шестидневного шторма в 8 часов утра 1 февраля в районе станции поле разорвало трещинами от полуметра до пяти метров. Находимся на обломке поля длиной 300, шириной 200 метров. Отрезаны две базы, также технический склад со второстепенным имуществом. Из затопленного хозяйственного склада всё ценное спасено. Наметилась трещина под жилой палаткой. Будем переселяться в снежный дом. Координаты сообщу дополнительно сегодня, в случае обрыва связи просим не беспокоиться».

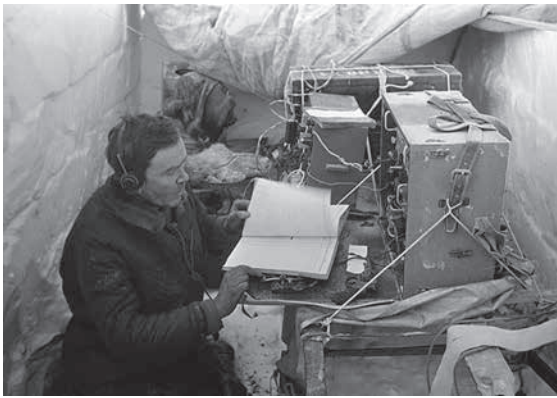
В полдень мы внимательно обозревали окрестности. Осмотр не дал ничего утешительного: всюду, насколько хватает глаз, мы видели битый лёд; на нашем обломке мы обнаружили новые трещины, ещё сократившие размеры льдины. Одна из трещин отрезала от нас дальнюю мачту антенны вместе с палаткой, которую мы вчера поставили. Ничего не поделаешь: надо ещё раз менять квартиру.

Петрович вместе с Женей опять ушли искать по соседству большие льдины. Перепрыгивая через трещины, они отправились на север, влезали на торосы, внимательно осматривались вокруг. Всё огромное поле, на котором восемь месяцев назад совершили посадку многомоторные

**Льдина
покрылась
снежными
застругами
и напоминала
море, застывшее
в момент
наибольшего
волнения**

Фото ru.arctic.ru,
автор неизвестен

**Эрнст Кренкель
в своём снежном
домике передаёт
рапорт
правительству
о работе станции**

Фото ru.arctic.ru,
автор неизвестен

воздушные корабли, было расколото на куски. Теперь здесь не смог бы совершить посадку даже лёгкий учебный самолёт...

Возвращаясь в лагерь, они обнаружили одну из запасных баз, которая дрейфовала на своём «острове» среди обломков льда. Я предложил взять оттуда всё, что возможно, погрузить на нарты и притащить в лагерь. Так и сделали. Работали втроём: Петрович, Женя и я.

Эрнст наладил радиостанцию на новом месте и возобновил связь с «Мурманцем». Передав радиограмму, он запустил ветряк, чтобы зарядить аккумуляторы.

Вечером получили из Москвы телеграмму: «Ваша телеграмма доложена правительству. Все восхищены вашим мужеством, большевистской выдержкой в столь тяжёлый для вас момент. Все шлют вам горячий привет и уверены, что в героической борьбе со стихией победителем будет ваш отважный коллектив. Правительство утвердило ряд новых мер по оказанию вам большой помощи».

В тот же день было передано разъяснение ТАСС: «Как нам сообщили в Главсевморпути, в последнее время в Гренландском море развилась интенсивная циклоническая деятельность. Сильный норд-вестовый ветер разделил льдины и значительно расширил полосу льда, дрейфующего к югу. Под напором того же ветра раскололась льдина дрейфующей станции. Для самой станции тов. Папанина, для продолжения её работы происшедший разрыв ещё не представляет прямой опасности. Однако в связи с получением телеграммы решено ускорить операцию по снятию папанинцев. Сегодня выезжает в Мурманск начальник экспедиции тов. О.Ю.Шмидт. На ледокольном пароходе «Таймыр» закончена погрузка самолётов. Он находится в полной готовности.

Разрыв льдины дрейфующей станции вносит в работу по снятию некоторые осложнения, так как оставшаяся часть льдины недостаточна для посадки самолёта. Ход операции по снятию будет зависеть от обстановки, которая сложится в дальнейшем. Если льды останутся в разреженном состоянии, то «Таймыр» сможет приблизиться к станции тов. Папанина. Если же, наоборот, с переменной ветра льды вновь будут сдвинуты вместе и сплочены, то героическая

четвёрка наметит в окрестностях более крупную льдину, на которую самолёты опустятся. Возможно также, что самолёты сами найдут для себя подходящую площадку недалеко от лагерь папанинцев и установят сообщения с ними на резиновых лодках, которые имеются у тов. Папанина, а также будут и на самолётах».

Спасать нашу четвёрку вызвались очень многие советские люди. Родные мои люди! Они не думали о том, сколь это опасно, они рвались на помощь соотечественникам, попавшим в беду.

Экипаж знаменитого лётчика Чухновского (с острова Рудольфа) телеграфировал в Москву: «Просим разрешить нам полёт для снятия группы Папанина...». Лётчики Илья Мазурук и Матвей Козлов сообщали Ушакову из бухты Тихой, что их самолёт готов вылететь из Тихой на Шпицберген для помощи четвёрке. Марк Иванович Шевелёв и его экипаж выдвинули предложение: их самолёт Н-210 грузит У-2 в разобранном виде. В паре с другим самолётом перелетит в Баренцбург, где возьмёт бензин для второго самолёта. Вылетают в Гренландию, поближе к нашей льдине. Н-210 производит посадку. У-2 отправляется к нам, и если «Ермак» задержится в тяжёлых льдах, лётчики доставят нашу четвёрку на берег... Бесстрашный мотобот «Мурманец» был затёрт льдами, но упрямо, упорно стремился к нам на выручку. Экипаж «Мурманца» рвал аммоном крупнобитый лёд, охраняя судно. Свободная вода была в трёх милях, но у «Мурманца» не хватало мощности пробиться сквозь лёд. К «Мурманцу» выслали траулер и подводную лодку.

Пока мир шумел и волновался, наша льдина несла нас к югу. Нам предстояли ещё две недели дрейфа. В начале февраля Женя сообщил о результатах астрономических наблюдений: нас унесло ещё дальше к югу, и очень скоро мы должны увидеть солнце, так как движемся ему навстречу...

В телеграмме, отправленной 8 февраля в шестнадцать часов, мы сообщили: «В районе станции продолжает разламывать обломки поля протяжением не более 70 метров. Трещины от 1 до 5 метров, разводья до 50. Льдины взаимно перемещаются, до горизонта лёд 9 баллов, в пределах видимости посадка самолёта невозможна. Живём в шёлковой палатке на льдине 50 на 30 метров. Вторую мачту антенны ставим на время связи на другую льдину. С нами трёхмесячный запас, аппаратура, результаты. Привет от всех».

До свидания, Арктика!

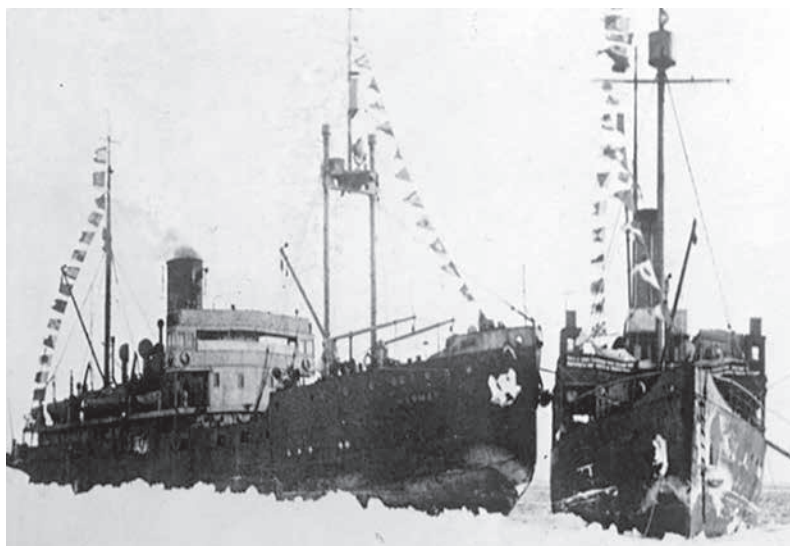
Мы зверски мёрзнем. Женя воспользовался появлением звёзд и взялся за вычисления. Наши новые координаты – 70 градусов 54 минуты северной широты и 19 градусов 50 минут западной долготы.

В ночь на 18 февраля все мы плохо спали: сказывается нервное напряжение и усталость. Выйдя из палатки, я вооружился биноклем и

**Начальник
экспедиции
тов. О.Ю.Шмидт
на ледокольном
пароходе
«Таймыр»**

Фото ru.arctic.ru,
автор неизвестен

начал оглядывать горизонт. Неожиданно увидел дым, а спустя некоторое время – пароход: мачты, трубы. Позвал ребят, закричал:

– Идите сюда, виден пароход!

Наступают решающие часы: надо расставаться со льдиной, которая была нашим пристанищем девять месяцев. Хотя в последние дни ледяное поле и сломалось, но даже обломок льдины честно служил нам.

Настали ночь и день 19 февраля 1938 года, я их никогда не забуду. В час ночи на вахту вступил Петя: он дежурил по лагерю. Я был выходным, но мне не спалось. Сел с ним играть в шахматы. Каждые полчаса выходили из палатки и смотрели, не оторвался ли ещё кусок льдины. Ширина нашей льдины была уже только тридцать метров. Кроме того, она ещё лопнула в четырёх местах.

Выйдя из палатки, мы увидели упёршийся в небо луч прожектора. Потом прожектор начал бродить по горизонту: нас нащупывали, но не могли найти. Мы побежали на торос. Я схватил по пути бидон с бензином. Дважды разводил костёр, сложенный из тряпок, старых мехов и валенок, облитых керосином. Горело великолепно: пламя поднималось высоко.

В полдень получили по радио – от «Мурмана» и подошедшего «Таймыра» – требование: «Давайте огни, факелы».

Я возмутился: целую ночь мы жгли бензин, керосин, а они всё ещё требуют огня.

– Что им здесь – Баку, что ли? – проговорил я с досадой. Всё-таки огни мы зажгли.

В час дня пароходы задымили вовсю, они были уже совсем близко. В два часа дня корабли достигли кромки льда, пришвартовались к ней. Было видно, как люди спешат спуститься на лёд... И радостно, и в то же время немного грустно расставаться со льдиной, обжитой нами.

К нам шли люди со знамёнами. Я бросился вперёд, навстречу им. С двух сторон подходили «таймырцы» и «мурманцы». Среди них много товарищей по прежней совместной работе на полярных станциях. Нас начали обнимать и качать. На мне чуть не разорвали меховую рубашку.

Ледокольные пароходы «Таймыр» и «Мурман»

Фото ru.arctic.ru, автор неизвестен

До свидания, Арктика!

Фото ru.arctic.ru, автор неизвестен

... Лагерь прекращает своё существование.

Эрнст сидит в своём снежном домике и перешлывает наш рапорт правительству об окончании работы станции.

«Безгранично счастливы рапортовать о выполнении порученного задания. От Северного полюса до 75-го градуса северной широты мы провели полностью все намеченные исследования и собрали ценный научный материал по изучению дрейфа льда, гидрологии и метеорологии, сделали многочисленные гравитационные и магнитные измерения, выполнили биологические исследования.

С первого февраля, когда на 74-м градусе наше поле разломилось на части, мы продолжали все возможные в этих условиях наблюдения. Уверенно работали, ни минуты не беспокоясь за свою судьбу, знали, что наша могучая Родина, посылая своих сынов, никогда их не оставит. Горячая забота и внимание к нам партии, правительства и всего советского народа непрерывно поддерживали нас и обеспечили успешное проведение всей работы.

В этот час мы покидаем льдину на координатах 70 градусов 54 минут северной, 19 градусов 48 минут восточной, пройдя за 274 суток дрейфа свыше 2500 километров. Наша радиостанция первой сообщила вест о завоевании Северного полюса, обеспечивала надёжную связь с Родиной и этой телеграммой заканчивает свою работу».

Мы прощаемся с лагерем. Идём на корабли. На снежном холме развеивается флаг СССР, я укрепил его на высоком торосе.

По морской неписаной традиции капитан последним покидает свой корабль. Льдину покидал последним я. Хотелось сказать: «Прощай, льдина! Ты верно послужила советским людям. До свидания, Арктика! Мы ещё встретимся с тобой в недалёком будущем!».

Деревня, у которой не было будущего

ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА СЕМЬИ ТОПОРКОВЫХ, АВТОР НЕИЗВЕСТЕН

Кордон

Текст Татьяна ТОПОРКОВА, Николай ТОПОРКОВ

Этой деревни нет на старинных картах Тобольской губернии. На современных картах Тюменской области она тоже не значится. Но деревня была!

С ДЕРЕВЯННЫМИ ИЗБАМИ, огородами, выпасами, школой-семилеткой, кузней и мельницей, сплавконторой, пекарней, клубом и даже американским трактором «Фордзон» – наградой за рекордные урожаи овса.

– Поломался этот трактор, долго ещё стоял под сараем возле кузницы, – вспоминает Валерий Михайлович Топорков, ровесник Кордона.

Ему девяносто второй год пошёл, память ясная, про то, как ехали в ссылку, знает из рассказов матери и сестёр.

– На возах ехали два месяца, по двадцать километров в день делали. Зимовали в церкви тобольской, там нары были до потолка, весной отец на пристани работал, плоты вязали на сплав, а потом на остров перевезли. Там ни домов, ничего не было. Стали обустраиваться, землянки рыть... Деревни не было ещё, стояла на берегу избушка и вышка дозорная – для лес-

ников. Вот туда нас с острова и переселили, мне уж пять лет было, помню, как везли по лежнёвке.

Из воспоминаний Михаила Ермоленко, опубликованных в газете «Сельский труженик» 18 января 1996 года, следует, что в Кордоне ещё в 1932 году была организована сельхозартель и произведён первый посев яровых. Школьные следопыты посёлка Первомайский называют другую дату основания спецтрудпосёлка – 1934 год. Так или иначе, но уже в 1936 году в деревне были построены несколько десятков домов, школа, клуб, коровник, конный двор, баня, кирпичный завод, зернохранилище и молотилка. Возле посёлка было мало пахотной земли, поэтому постоянно вели раскорчёвку кустарников и леса. Урожаи были хорошие, на круг выходило по двадцать центнеров зерна. А ещё работали в леспромхозе, на животноводческих фермах, заготавливали живицу, лыко, кедровые орехи. Эти «социально опасные по классовому признаку» крестьяне проявляли чудеса трудолюбия и рачительного хозяйствования. Почему? Что заставляло этих людей, обездоленных, оболганных, проклятых своей страной, так самоотверженно работать? Тень Сталина? Комендатура?

– Жить-то надо было. Семьи все с детишками, а из добра – только что с собой привезли.

Вот и старались, чтобы с голоду не помереть, не замёрзнуть. На своём огороде чтобы успеть – это вставать по солнцу надо, кур стали разводить, потом коров. У нас хорошая корова была, красно-пёстрая, накосить для неё надо. И трудодни тоже стали получать деньгами и зерном. Помню – осенью целый воз пшеницы привезли. То-то радости было, – вспоминает Валерий Михайлович.

Недолгой была та радость... Летом 1937 года начались аресты членов «контрреволюционной повстанческой белогвардейской организации, которая готовила свержение Советской власти путём восстания в момент нападения Японии на СССР» – так значится в протоколах допросов. Арестованным инкриминировались поджоги колхозного имущества, уничтожение поголовья скота, порча сельхозинвентаря и антисоветская агитация среди колхозников и высланных кулаков. Нелепость такого обвинения очевидна, а вот причины... Кому могли быть угрозой или помехой работающие мужики, смиренно принявшие ссылку, нацеленные на мирный созидательный труд? Версия о плановых цифрах выявления «вредителей» и врагов советской власти похожа на правду, но какая же это страшная правда!

– Их не в один день забрали, в сентябре-августе чуть не каждую ночь приезжала машина, потихому увозили мужиков. До того их боялись, что бабы даже голосить при них не смели. А уж как уедут – вой на всю деревню, и даже дети без слов всё понимали... Отца в Вагае арестовали, он там на стройке работал, предъявили, что коня колхозного заморил. А у того коня зубы до корешков стёртые были, срок ему пришёл. А больше ничего и придумать не могли стукачи наши деревенские.

Валерий Михайлович называет три фамилии, с именами и отчествами. Те же фамилии значатся в списке свидетелей в протоколах допросов Топоркова Михаила Ивановича, 1896 года рождения, беспартийного, грамотного, ранее не судимого, из крестьян-кулаков. В постановлении Президиума Тюменского областного суда от 22 декабря 1956 года показания тех свидетелей признаны ложными и необоснованными.

– Они ведь тоже сосланные были, стукачи эти, но ни в поле, ни на сплаве не работали, в конторе пристроились. И никуда их не посылали – ни на фронт, ни в трудовую армию. Вслух-то никто о них не говорил, но знали про них, догадывались и разговоры вели осторожные. Никто лишнего не скажет, если они рядом.

Решением тройки УНКВД Омской области от 26 октября 1937 года высшей мере наказания – расстрелу – подвергнуто 185 членов контрреволюционной повстанческой белогвардейской организации. Сколько из них было кордонских? На стенде школьного музея значится тридцать три фамилии, Валерий Михайлович вспоминает ещё несколько, а ведь забирали отцов с сыновьями, братьев – сколько семей осиротили, обезглавили! Деревня затаилась: как жить? Как

вести хозяйство без мужиков – без кормильцев? В семье Топорковых тема ареста и расстрела была закрыта на долгие годы, люди боялись не то что говорить – даже думать об этом. Молодая вдова и четверо детей впряглись в работу, единственным мужиком в доме стал девятилетний Валерка...

В 1938 году в Кордоне на базе неуставной сельхозартели был создан колхоз «Новая жизнь», сироты и вдовы вышли на поля и по примеру отцов начали ударно трудиться. Потому что поля должны быть засеяны, трава скошена, а скотина накормлена. Потому что надо жить, поднимать детей... Они всё время спешили: успеть до дождя, до морозов, успеть, пока хватает сил. В предвоенные годы собирали хорошие урожаи, в посёлке организовали кустарную артель «Промысловик», которая занималась добычей живицы, заготавливала мочало и лыко. Появились в посёлке новые двухквартирные дома и даже малая механизация – трактор ХТЗ и машина-полуторка. Рабочих рук не хватало.

– Я в шестом классе учился, когда пришёл в школу председатель и ребят, которые покрепче, с уроков забрал. Кого в поле, кого на молотилку, так наша учёба и закончилась, выдали справки какие-то, – вспоминает Валерий Михайлович. – А перед самой войной, весной, река сильно разлилась, в озёра зашла, большая вода была, и затопило деревню, всю заозёрную часть. Наш дом тоже пострадал. Мужики, которые в деревне остались, помогали с ремонтом, разбирали избы, перекаладывали. В первый призыв на фронт никого не брали, не было доверия к раскулаченным, у нас ведь все ссылки. А как немец к Москве подошёл, стали и наши мужики повестки получать, такая им вышла амнистия... Как мы жили во время войны? Работали. Больше и вспомнить нечего – от зари до зари. День Победы помню. Мы пахали в Вагае на конях, пятеро пацанов, прискакал верхом бригадир, посадил нас в телегу – и в деревню! А там барана зарезали, столы накрывают... Накормили нас досыта и обратно в поле увезли.

Без отца. Семья Топорковых 1940 г.

Фото
из личного архива
семьи Топорковых,
автор неизвестен

**Михаил
Иванович
Топорков
1917 г.**

Фото
из личного архива
семьи Топорковых,
автор неизвестен

В послевоенные годы вышло послабление для тех фронтовиков, что живыми в свою ссылку вернулись. Многие из них воспользовались моментом и уехали: кто-то вернулся на родину, кто-то переехал в Тобольск, Тюмень. Они за бесценок продавали свои жилища новым ссыльным из Молдавии, Украины, Белоруссии. Когда вернулась с фронта старшая сестра Нина, Топорковы передали свой дом семье калмыков и уехали из Кордона навсегда. Корову продавать не стали, привезли с собой в Тюмень. Это была своеобразная защита, какая-то гарантия не помереть с голода в новой неведомой жизни.

– Почему стали разъезжаться? Колхоз богатый был, места привольные, дома, огороды, хозяйство. Уже привыкли вроде, обжились?

– Обжились, да не прижились. В посёлке комендатуры не было, сам комендант в деревне жил, за нами присматривал. Под ружьём не ходили, а всё равно – неволя. Кто-то хотел домой вернуться, кто-то – в городе жить...

– Не пожалели потом? Не потянуло в деревню?

– Жалей-не жалей, а былого не воротишь. Да и где она, моя деревня?

Своей родной деревни Грязново под Богдановичем Валерий Михайлович не помнит – его двухлетнего увезли на санях в длинном обозе

раскулаченных крестьян. В Кордоне у него не было счастливого детства: память о расстрелянном отце, изнурительный труд, унижения и страх легли на сердце тяжёлым грузом. Но он на судьбу не обижен. Став горожанином, окончил училище, работал на железной дороге. Начинать с кочегара, потом тепловозы водил; женился, сына вырастил, внуки, правнуки... А лучшее своё время – с мая по октябрь – проводит на даче: там воздух чище, трава зеленее и всегда найдётся работа для натруженных рук. В Кордон приезжал несколько раз: и не то чтобы тянет, но всё-таки...

А в деревне жизнь шла своим чередом. В 1954 году Советом Министров СССР было принято постановление № 1738/789сс «О снятии ограничений по спецпереселению с бывших кулаков и других лиц». Кажется, что установившийся порядок – выживать от беды до беды – остался в прошлом. Получив право свободного перемещения, многие бывшие спецпоселенцы стали готовиться к отъезду. Но деревня не опустела: колхоз «Новая жизнь» переименовали в «Рассвет», это было богатое и рачительное хозяйство. По берегам озёр Байдуган и Щучье образовались барачные посёлки лесозаготовителей, на базе сплавконторы был создан Вагайский леспромхоз, основные службы которого находились в Кордоне. Это уже не трудпосёлок, а вполне себе благополучная деревня с полусотней домов, школой, детским садом, магазинами и красным флагом над крыльцом сельсовета.

Коренные кордонцы – а таковыми можно считать целое поколение послевоенных детей – с теплотой вспоминают свою деревню, делятся комментариями и фотографиями в социальных сетях. По ним легко представить картину летнего вечера середины 60-х...

Солнце уже закатилось за горизонт, но на улице светло. День был жаркий, но с озера веет прохладный ветерок, колышет занавески. Тёплая дорожная пыль истоптана следами копыт – вернулось с пастбища стадо. Хозяйки приступили к ежевечернему ритуалу неспешной дойки. Ватага босых пацанов затеяла лапту, мальчишки спешат – скоро их начнут загонять по домам. Где-то стучит топор, на озере полощут бельё, кто-то завёл пластинку с Клавдией Шульженко – звуки величаво плывут над деревней. К запаху скошенного сена примешивается аромат ягод – местные девчонки ходили сегодня за смородиной, в больших тазах на таганках варится варенье. В клубе закончилась репетиция драмкружка, готовят новый спектакль. Артисты постарше спешат по домам, где всегда есть неотложные дела, а молодёжь в ожидании танцев толпится на пятачке. Перешучиваются, щёлкают кедровые орешки, обсуждают недавний выпускной вечер, делятся планами на будущее. Большинство ребят намерены поступать в училища, институты. Если всё сложится удачно, то в деревню будут только в гости приезжать...

Это был самый благополучный период в недолгой истории посёлка Кордон. В 1964 году в ходе реформы по укрупнению колхозов «Рассвет» объединили с Черноковским совхозом, и люди стали разъезжаться в соседние сёла. Эксперименты с кукурузой и освоением новых земель, гонения на личные подсобные хозяйства, командные методы руководства подрывали доверие к власти, к возможности жить и работать спокойно. Не видя перспектив, деревню стала покидать молодёжь. Осенью 1969 года в Кордоне закрыли школу из-за малого количества учеников, детей стали возить на занятия в посёлок Первомайский. К этому времени контору леспромхоза перевели в село Чёрное. Но настоящий исход начался после весеннего половодья 1970 года. Старожилы вспоминают, как с озера на улицу превратился в ров. Вода с гулом неслась по улице, сметая на своём пути заборы, сараи, дома – река Вагай соединилась с Кордонским озером в небывалое половодье. После такого бедствия заозёрная часть посёлка уже не восстановилась, люди продавали дома на слом и уезжали. В Кордоне закрыли детский сад, базу ОРСа, магазин, административные службы переехали в Вагай и посёлок Первомайский. Последним жителем посёлка в 1992 году

оставался Анатолий Николаевич Карчемкин. А потом деревни не стало...

Если хорошенько приглядеться, то на густозаросшем поле можно различить очертания бывших домов – там трава другого цвета. Валерий Михайлович безошибочно определяет: здесь стояла школа, здесь кузница, чуть подальше – их дом. Он на тридцать лет пережил свою деревню, но до мельчайших подробностей помнит все навыки крестьянского быта: как пахать и боронить, как лошадь запрягать, как воду носить, в горку, на коромысле. Добрым словом вспоминает школьных учителей, соседку бабу Дуню. Только про отца ничего не рассказывает. Он до сих пор не может об этом говорить...

**Кордон
весной 1970 г.**

Фото
из личного архива
семьи Топорковых,
автор неизвестен

Город Тюмень

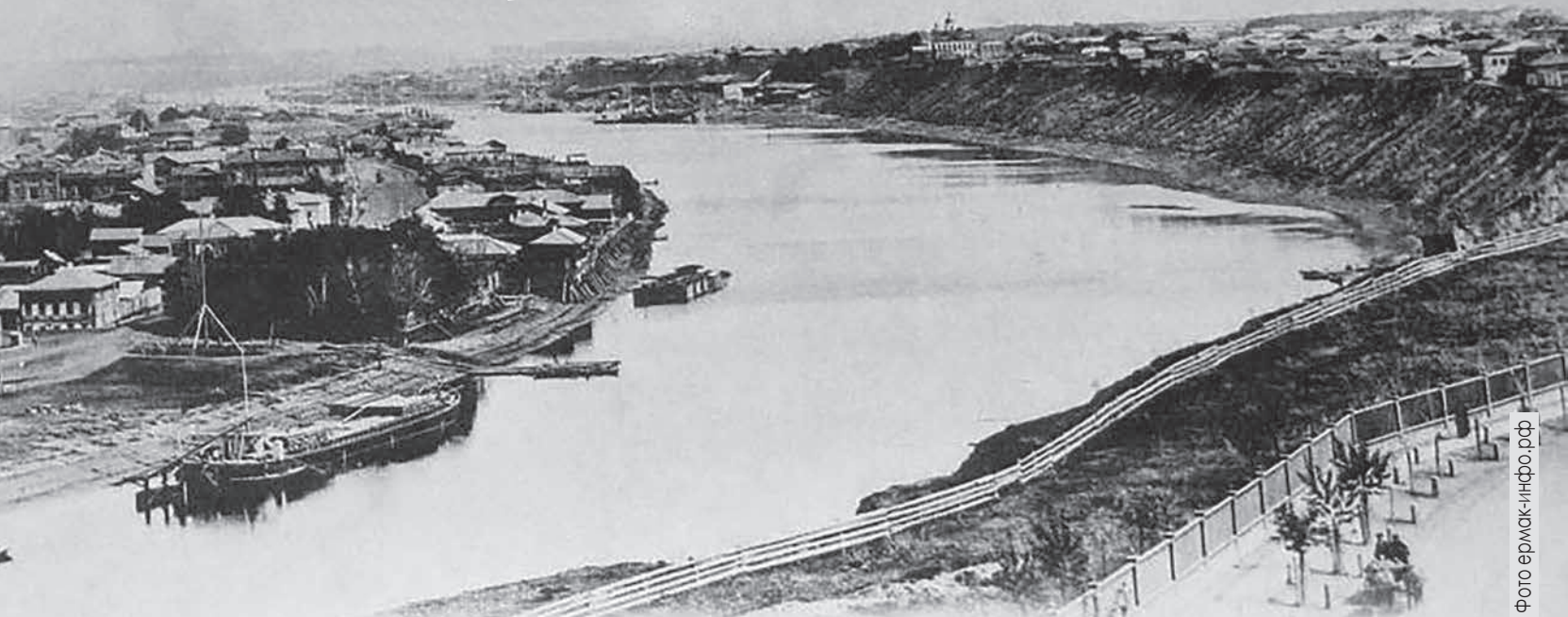

фото ермак-инфо.рф

На пути из Азии в Европу

от редакции:

Фото ru.wikipedia.org

Николай Алексеевич Абрамов (1812-1870 гг.) – этнограф Сибири и Средней Азии. Родился в Кургане в семье священника, после окончания семинарии работал учителем истории и географии в уездном училище в Тобольске, затем – смотрителем Берёзовского и Ялutorовского училищ. С 1851 по 1853 год служил в Тюмени в должности смотрителя городских училищ. Оставил большое научное наследие: труды об истории Сибири и Зауралья, статьи о тобольских губернаторах, сочинения по географии и этнографии. Работа Николая Абрамова «Город Тюмень» (публикуется в сокращении) даёт представление о том, какими были наш город и его жители в середине 19 века.

Тюмень – в 250 верстах на юго-западе от Тобольска под $57^{\circ}10'$ с.ш. и $83^{\circ}11'$ в.д. Расположена по обеим сторонам реки Туры, из коих правая нагорная, имеющая перпендикулярную высоту от 10 до 12 сажен, левая же – луговая и низменная

Текст **Николай АБРАМОВ**

Г ОРОД разделяется на четыре части: собственно город, или первоначальное городское строение, городище, Затюменка и Заречье на левой стороне Туры.

Пространство земли, заключающееся в городском владении, – 3871 десятина и 69 сажен; в числе их внутри городской черты 905 десятин и 1170 сажен. Почва нагорной половины города сверху глинистая, а ниже – жёлто-песчаная. Сам берег Туры по причине песчаного грунта некрепок, в некоторых местах, особенно около монастыря, делаются большие обвалы. В заречной половине почва также глинистая и частью болотистая.

Красиво и местами роскошно

Тюмень застроена правильно, красиво и местами роскошно. Самая большая длина её от запада на восток – 3 версты 460 сажен, а ширина – 2 версты 350 сажен. Главные постройки в ней – десять каменных церквей, мужской монастырь с тремя

отдельными церквями, дома городской Думы, уездного училища, гостиный двор и до пятнадцати других каменных домов, а также и многие отлично отстроенные и окрашенные деревянные дома – делают наружность Тюмени весьма живописной, особенно в нагорной части, представляющей значительное возвышение над окрестностью.

В 1853 году в Тюмени всех домов было до 1800, из них каменных – 19: принадлежащих казне – 4, общественных – один. Улиц – 25, мостов – 9. Гостиный каменный двор составляет украшение города. В нём 272 лавки. Судя по достаточному состоянию тюменцев, каменных домов там мало. Медленность в развитии каменного строения происходила преимущественно от привычки жить по старине – запросто. Впрочем, в последнее до 1853 года десятилетие в Тюмени построено восемь каменных домов. Пожары заставили иметь необходимость в более безопасном от огня жилище; ознакомление с удобствами и благоустройством других городов России и расчёт представлять каменные дома в залог по казённым подрядам и поставкам и частным займам возбуждают в тюменцах желание к постройке каменных домов. Деревянные дома устроены красиво. Лет назад тому тридцать пять ещё строились дома старинным манером, с высокими крышами, двор обносился высоким забором, почти наравне с верхом ворот.

Бедственнейшие и известные в Тюмени пожары были в 1687 году, когда сгорели городское укрепление, две соборные церкви, приказ, гостиный двор, церкви Спасская и Илии Пророка, дома жителей до церкви Знаменской и Михайло-Архангельской, а за рекой Турой – татарские юрты с нижнего конца до русских кожевников. В 1697 году весь город выгорел, после чего некоторые из жителей, не имея средств строить в городе по планам, вынуждены были поселиться на своих пашнях, и таким образом выстроились деревни Плеханова, Морилова и Утешова. В 1766 году, 4 июня, пожар истребил почти весь город, кроме Затюменья и Заречья, и с этого времени Тюмень начала выстраиваться правильнее. В 1829 году за рекой выгорели 40 домов. В 1842 году, 9 июля, в Затюменке почти

В 1635 году Тюмени дан особый городской герб, изображавший лисицу с бобром

Фото ru.wikipedia.org

В мае и июне для сообщения между нагорной и заречной частями города находится паром, а в прочее летнее время – наведённый плашкоутный мост

Фото ермак-инфо.рф

половина населения и в монастыре Петропавловская церковь выгорели. В 1844 году, на 29 мая, выгорели в городе 56 домов.

Река Тура входит в Тюменский уезд из Туринского; ширина русла её в Тюмени – от 80 до 90 сажен. В мае и июне, во время разлива воды, для сообщения между нагорной и заречной частями города находится паром, а в прочее летнее время – наведённый плашкоутный мост.

Герб с лисицей и бобром

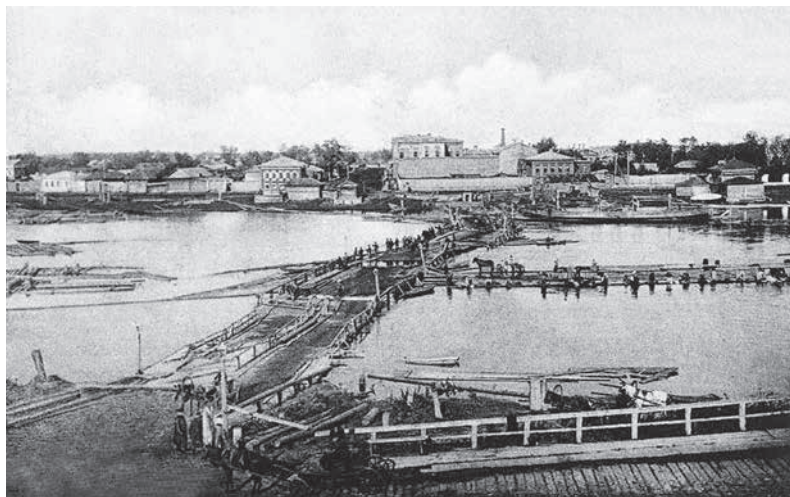
В Тюмени климат умереннее, чем в Тобольской губернии вообще. Летом жара доходит до 29 градусов, а зимой морозы – до 33 градусов. Сильные грозы и град бывают летом нередко, последний иногда падает очень крупный.

Обыкновенные болезни в Тюмени – горячка и лихорадка. В 1848 году в июле и начале августа свирепствовала холера. В 1851 году было поветрие: щёки, скулы и горло пухли у человека с болью и колющим. Вообще же тамошний климат здоров для людей. Но на рогатый скот и лошадей часто бывает падёж, и неизвестно, чему его приписать: влиянию ли воздуха, или вредных растений, употребляемых скотом. В 1603, 1604 и 1605 годах был в Тюменском округе падёж на лошадей столь сильный, что жители лишились почти всех лошадей, и не было им возможности производить полевые работы. По донесении об этом царю повелено было купить в Казани 300 волов и послать в Тюмень; сверх того, тюменскому воеводе поставлено в обязанность купить ещё волов и разделить между крестьянами. Татарам и черемисам дозволено пригонять в Сибирь скот и торговать им беспошлинно.

В садах тюменских между прочими плодоносными деревьями и кустарниками произрастают вывезенные из тёплых мест фиговые деревья, яблони, требующие рачительного ухода и покрывки на зиму, крыжовник, вишня, малина, акация. В лесах близ города – ели, сосны, берёзы, осины, липы, тополя, кустарники можжевельника, смородины, рябины, черёмухи, калины, брусники и клюквы. В полях и лесах растут красивые травы, зеленица, марена, серпуха, а также и другие травы: ветреница, лесная ветреница, завитки, петушьи головки, стародубка, лилии, слепокур, змеевик, сибирская центаурия и проч.

Кроме обыкновенных из певчих птиц в Тугулымской волости, сопредельной городу, водятся соловьи. В реке Туре рыба: нельма, язи, окуни, чебаки и ерши.

Царство ископаемое около Тюмени мало-значительно. До сего времени открыты каменные языки двух видов: зубчатые и гладкие. В некоторых местах по берегам Туры находится селитра, вызываемая ежегодно прибылой водой. В глинах находят признаки вещества железного, замечательная из тамошних глин – синяя, проникнутая железняком, отлично способна для выделки лоснящейся посуды. Она находится около города и в округе за Турой, в буераках.

С основания своего до 1782 года город Тюмень состоял в управлении воевод, присутственным местом коих была с 1599 года съезжая изба, с 1670 года – приказная изба, с 1697 года – приказная палата и с 1709 года – воеводская канцелярия. В 1635 году Тюмени дан особый городской герб, изображавший лисицу с бобром, а равно и канцелярская печать с таким же гербом. В 1782 году Тюмень причислена к Тобольскому наместничеству. В 1785 году высочайше подтвержден герб его, на котором изображена: в синем поле серебряная река с плывущим по ней натурального цвета, с золотой мачтой, судном, называемым дощаником, в знак того, что от сего города начинается плавание по рекам сибирским. В 1796 году Тюмень оставлена уездным, а в 1822 – окружным городом Тобольской губернии.

Трудолюбивы и смышлёны

Всех жителей в Тюмени – до 9836 душ (по состоянию на 1854 г. – ред.). В июньской книжке журнала Министерства внутренних дел за 1854 год в статье «Города Западной Сибири» в Тюмени в 1853 году показано жителей обоого пола. При взгляде на жителей Тюмени в отношении к телесным свойствам и общественному здравью можно заметить, что они крепкого сложения, белотельны, румяны и вообще красивы, как говорится, кровь с молоком, особенно красив женский пол. Не говоря уже о молодых, даже и у людей около 60 лет в щеках играет румянец. Тюменцы живого характера, щеголеваты, трудолюбивы, смышлёны, расторопны. Там дети с 8-летнего возраста уже приучаются к какому-нибудь ремеслу или рукоделию; а 16-летний мальчик уже исправный торговец: умеет привлечь покупателя, продать, купить и рассчитать в больших суммах. Все почти здешние купцы и мещане, даже и молодые, не бреют бороды, но носят сюртуки. Женщины, даже некоторые и в купеческом быту, немолодые носят дома рубашки с широкими рукавами и узкими запястьями и сарафаны, подпоясываясь шёлковым поясом. Отличительный наряд старух низших сословий при выходе из дома – покрывало на голове, или так называемая фата; она бывает ситцевой, шёлковой материи или канаватная с золотом. Молодые женщины купеческого звания все одеваются в платья круглые, очень щеголяют богатыми нарядами и подражают столичным модам. Мужчины и женщины очень опрятны и содержат свои дома в чистоте.

Рассматривая тюменцев со стороны нравственной и держась строгой справедливости, должен сознаться, что не приметно успеха в благонравии. Прислушиваясь к старым людям, можно заключить, что их вздохи о прежней простоте, т. е. доброте нравов, не вовсе безосновательны. Впрочем, не следует заключать от частей к целому – и ныне сохраняются благие черты, достойные похвалы. Начиная с веры, в кото-

Тюмень застроена правильно, красиво и местами роскошно

Фото ермак-инфо.рф

главное

Грамотность здесь считается необходимо-стью. Родители, как бы бедны ни были, не говоря уже о зажиточных, непременно поставляют посылать детей своих в училище

рой главный источник добрых нравов, надобно отдать справедливость, что в Тюмени везде заметны набожность, благочестивое усердие к молитве и строгость в исполнении церковных обязанностей. В числе купцов и мещан есть немало староверов. Впрочем, число их год от года уменьшается благодаря ревности архипастырей и их духовных сотрудников.

Приглядываясь к семейным нравам, можно видеть родственную любовь, согласие, повиновение родителям, уважение к старшим и властям; нельзя не отличить в здешних нравах сохранившегося примерного гостеприимства. Благотворительность бедным, жертвование на церкви, монастыри и пользу Отечества составляют похвальную черту тюменцев. Во время бывшей в 1853–1856 годах войны тюменское купеческое общество пожертвовало на воинские надобности 10 000 рублей, на государственное ополчение – 7191 руб. 10 коп. серебром. К этому и другим вышепоименованным пожертвованиям тюменцев, всегда быть готовыми на пользу общества, их ещё более воодушевлял тамошний окружной начальник, надворный советник Василий Яковлевич Стефановский, уважаемый всеми и достойный, и умный чиновник.

Наклонность к учению

Нельзя не обратить особенного внимания на наклонность тюменских граждан к учению. Грамотность здесь считается необходимо-стью. Родители, как бы бедны ни были, не говоря уже о зажиточных, непременно поставляют посылать детей своих в училище, и хотя занятия промышленные и торговые не позволяют большей части учащихся оканчивать курс учения в уездном училище, но непременно все учатся в приходских училищах чтению, письму, Катехизису и арифметике. Достаточные же по большей части проходят все классы уездного училища. Для образования юношества в Тюмени находится уездное и два приходских училища.

Для помещения уездного училища с квартирой штатному смотрителю и двум учителям

тюменский первой гильдии купец Кондратий Кузьмич Шешуков в 1851 и 1852 годах выстроил и в 1853 году пожертвовал каменный двухэтажный дом длиной 12, шириной около семи сажен, оценённый в 16 000 рублей серебром. В 1852 году при содействии моём и тюменского уважаемого всеми степенного второй гильдии купца Ивана Васильевича Иконникова тюменское купеческое общество пожертвовало купленный за 3000 рублей серебром двухэтажный благоустроенный деревянный дом для помещения заречного приходского училища с квартирой для учителя; сверх того определило ежегодно отпускать из своей собственности на жалованье учителю 150 рублей, законоучителю – 50 рублей и на содержание дома 100 рублей. Купец Шешуков за пожертвование дома для уездного училища в 1853 году высочайше награждён золотой медалью на аннинской ленте, а тюменскому городскому обществу за купленный дом и содержание заречного приходского училища в том же году объявлено высочайшее благоволение.

Тюменское городское общество кроме пожертвований на пользу учебных заведений города Тюмени ознаменовывает себя пожертвованиями и для других человеколюбивых и учебных заведений. В 1853 году тамошние купцы пожертвовали 4000 рублей в пользу детского приюта в г. Омске и 8000 рублей серебром в пользу женской школы в Тобольске. За этот новый знак усердия к пользе общей объявлено ему высочайшее благоволение. Надобно сказать, что эти пожертвования на пользу общества совершились при бытности городским головой первой гильдии купца Алексея Григорьевича Гласкова с собственными его значительными пожертвованиями.

Летом 1851 года купеческо-мещанское тюменское общество вследствие письменного моего предложения пожертвовало уездному училищу загородную рощу при реке Туре. В ней кроме берёз, которые растут по скату горы, прочее обширное пространство занимают аллеи из акаций, лип, берёз, елей, кустарников малины,

Ремесленное училище

Фото ермак-инфо.рф

смородины и разных цветов. (К насаждению деревьев и цветов и устройству этой загородной рощи действовали с 1838 по 1842 год тюменские второй гильдии купец И.В.Иконников и смотритель училищ И.И.Попов). Посередине рощи в построенном купцом Кондратием Кузьмичом Шешуковым двухэтажном с верхней галереей доме и купцом Иваном Васильевичем Иконниковым особенной галереей бывают летом гулянья чиновного и купеческого обществ. Для житья караульному и для приготовления кушанья во время гуляний заведён особый дом, при коем в 1851 и 1852 годах находилась оранжерея с разными цветами, ранними весенними ягодами и другими плодами, в числе их фиги и ананасы. Эта роща, занимающая равнину, пересекаемую рвами, и скат горы к Туре, имеющая со временем именоваться загородным садом, отличается опрятностью и чистотой.

Промышленность и торговля

Обращаясь к промышленности и торговле, тесно соединённым между собой, должно сказать, что оные в Тюмени находятся в большом развитии. Тамашняя промышленность разделяется на заводскую и ремесленную. Главнейшую отрасль промышленности составляет кожевенное дело. На 46 заводах выделяется до 400 000 воловьих, коньих, бараньих, козловых и опойковых кож. Юфть сбывается частью для войск, находящихся в Тобольской губернии, в тобольский приказ о ссыльных, который снабжает обувь проходящие через город партии арестантов. Тюменская юфть на сумму 250 000 рублей серебром идёт на киргизскую линию и за границу: в Китай, Ташкент и Бухарию. Затем остальная часть кожевенного товара развозится по ярмаркам Тобольской губернии собственно в кожах, в конской сбруе, бронях, чарках, сапогах и рукавицах. Всего кожевенного товара выделяется в Тюмени ежегодно на сумму более 600 000 рублей серебром. Тюменские кожи хотя и гораздо лучше выделяемых в прочих местах Западной и Восточной Сибири, но далеко отстают от кунгурских и казанских, особенно опой-

Александровское реальное училище

Фото ермак-инфо.рф

ки. Главная тому причина – недостаток дуба, вместо коры которого употребляется таловая, имеющая менее дубильного вещества.

Вторую отрасль промышленности занимают мыловаренные заводы, затем следуют производства салотопенное, свечное и заводы колокольный и чугуноплавильный. Сверх того немалое число из мещан и крестьян тюменских занимаются шитьём конской сбруи, бродней, чарков и рукавиц. Этот товар продаётся частью по субботам в городе приезжающим на торг крестьянам Тюменского, Туринского, Ялуторовского и Курганского уездов, Тобольской и Шадринского Пермской губернии, а также развозится по разным городским и сельским ярмаркам Тобольской губернии. В Тюмени заводов: мыловаренных – 6; салотопенных – один; свечных – 10; колокольных – 9.

Гончарное и горшечное дело составляет также немаловажную статью промышленности; изделия, состоящие в чашках, блюдах, банках, корчагах и горшках, идут по всей Тобольской губернии и по прочности и чистоте отделки предпочитают всем выделываемым в других местах губернии. Заводов глиняно-горновой посуды – 14.

Ремесленная отрасль промышленной деятельности достигла в Тюмени большого развития. Между тамошними жителями нет почти ни одного, который бы не занимался каким-либо ремеслом или рукоделием. Без ремесла и без состояния в Тюмени только тот, кто привык к праздности, но таких людей там очень редко можно встретить. В будни никогда не увидите тюменцев, праздно стоящих у ворот своих домов или сидящих дома без дела, даже детей, играющих на улице.

Женский пол в Тюмени занят частью торговлей, а более рукоделием: женщины ткнут разные холсты, рогожи; вяжут сети, шьют из кожи башмаки, рукавицы, из замши – перчатки и целый день сиднем сидят за работой; зато в праздники их можно видеть разряженных в церкви или летом разгуливающих по городу, как маков цвет, и одна другой красивее и наряднее.

Сверх сего, промышленность некоторых тюменских купцов, мещан и крестьян состоит в перевозе товаров в Томск и Восточную Сибирь, а равно и оттуда на ярмарки – Ирбитскую и Нижегородскую.

Главный сухопутный тракт от границы Пермской губернии идёт на Тюмень, Ишим, Омск, Каинск, Кольвань, Томск и далее в Восточную Сибирь до Кяхты. Водяной путь от Томска до Тюмени и обратно совершается по Томи, Оби, Иртышу, Тоболу и Туре на протяжении 3000 вёрст. Томские суда числом до десяти идут в Тюмень с чаем, китайскими товарами и железом. Груз на всех их бывает до 300 000 пудов. Провозная плата с пуда из Томска – от 50 до 60 копеек, а обратно – с 35 до 40 копеек серебром.

В 1845 году учреждена в Тюмени ярмарка с целью быть посредницей между Россией и Сибирью. Она продолжается с 1 января по

КСТАТИ

**Тюменцы
живого
характера,
щеголеваты,
трудолюбивы,
смышлёны,
расторопны.
Там дети
с 8-летнего
возраста
уже приучают-
ся к какому-
нибудь
ремеслу или
рукоделию**

**Томские суда
числом до десяти
идут в Тюмень
с чаем,
китайскими
товарами
и железом**

Фото ермак-инфо.рф

1 февраля. Но эта ярмарка не могла занять место Ирбитской, как предполагали. Хотя Тюмень лежит на главном Сибирском тракте, Ирбит же находится в 180 верстах в сторону от большой дороги, но последний город сохранил перевес от привычки торгующего сословия и удобного помещения для товаров. Сибирское купечество ходатайствовало, чтобы Тюменская и Ирбитская ярмарки были открываемы двумя неделями позже назначенного времени, что дало бы возможность подоспеть в Тюмень пушным товарам из Обдорска, Берёзова и Восточной Сибири. Но поздний срок расторжки в Ирбите поставил бы купивших там товары в невозможность доставлять их зимним путём к местам назначения.

В Тюмени каждую субботу бывает большой торг, на который съезжаются крестьяне окружные и привозят ковры, холст, крестьянское сукно, простую мебель, сито, решета, телеги, колёса, сани разных родов и устройства и другие деревянные изделия, а также лыко, мочало, рогожи, верёвки из лыка, дёготь и смолу. Из уездов же Шадринского и Ирбитского Пермской губернии – хлеб, лошадей; из Ялуторовска и Курганского – хлеб, сало, масло, скотские кожи. Стечение приезжего народа бывает летом до 800, а зимой до 2000 человек. Сбыт бывает так скор, что к вечеру того же дня ничего уже из привезённого не найдёшь на рынке.

Мелкие торговцы Тюмени с самой Тюменской или Ирбитской ярмарок целый год разъезжают для торговли по разным ярмаркам в городах и сёлах Тобольской губернии.

Вся торговая деятельность Тюмени со включением ярмарочной может быть оценена до 2 000 000 рублей серебром в год.

Таким образом, Тюмень как в промышленном, так и в торговом отношении обязана не только счастливому местоположению у подножия Урала – на главном пути и начальной точке обширной речной системы, но также деятельности и предприимчивости, которыми всегда отличались жители её и округа, и действительно есть один из важнейших торговых пунктов Западной Сибири.

СУТЬ ДЕЛА

Новый этап в жизни Тюменского химико-фармацевтического завода наступил 14 мая 2012 года, когда предприятие стало частью холдинга «Фармацевтические Технологии» из города Санкт-Петербург. Теперь планы предприятия связаны с внедрением современных технологий, заменой оборудования и реконструкцией цехов

Мегионский фонтан

Заслуженный геолог РСФСР, организатор проведения геологоразведочных работ в районе Среднего Приобья Евграфий Артемьевич Тепляков – из числа людей, которых мы с уважением называем первопроходцами и первооткрывателями

Обработка текста **Виктория ЕРМАКОВА**

О Н ОТРАБОТАЛ в геологии 55 лет. Начав в середине прошлого века трудовой путь в геологической службе Назинской, затем Юганской, а чуть позже – Сургутской разведки поискового бурения, поднялся до начальника геологического управления разведочных работ на нефть и газ, вице-президента и главного геолога концерна «Тюменьгеология». На заслуженную пенсию вышел в 2013 году с должности заместителя директора по геологии ГУП ХМАО НАЦ РН.

Находясь «на земле», Евграфий Артемьевич лично участвовал в открытии Мегионского, Усть-Балыкского, Фёдоровского, Лянторского и Алёхинского месторождений. Был задействован в определении прироста и составлении балансов нефти. Являлся ответственным исполнителем в подсчёте запасов по Варьёганскому, Салымскому, Холмогорскому и другим месторождениям. В 1984 году за открытие и ускоренную подготовку к промышленному освоению Ямбургского газоконденсатного месторождения был удостоен Государственной премии СССР в области науки и техники. Всего принял участие в обосновании открытия более трёхсот месторождений нашего края. Не удивительно, что его имя можно встретить на страницах многих исторических альбомов, энциклопедий и воспоминаний прославленных тюменских геологов. А сегодня Евграфий Артемьевич Тепляков и сам взялся за мемуары. Чтобы сказать лично слово о том, какими титаническими усилиями была завоёвана тюменская нефть – через сомнения, через бесчисленные пробы и ошибки, когда, раз за разом оставляя за спиной не давшие нефти скважины, люди двигались вперёд, опираясь на профессиональное чутьё и молодой созидаательный авантюризм. Но это рассказ не только специалиста. Большое внимание в нём уделено описанию местности, быта, условий труда и жизни, человеческим отношениям. Искренне и ярко, демонстрируя замечательную память и добрый профессиональный юмор, автор возвращает нас к самым, пожалуй, героическим событиям в жизни Тюменской области. Публикуемый отрывок рассказывает о ходе работ, предшествовавших получению в марте 1961-го мегионского нефтяного фонтана – первого в Среднем Приобье и одного из первых в Западной Сибири, положившего начало промышленной нефтедобыче в Ханты-Мансийском автономном округе:

Фото из архива семьи Тепляковых, автор неизвестен

– Наверное, нужно рассказать о том, как я выбрал свою профессию. Мои родители – и отец, и мама – всегда мечтали, чтобы я получил высшее образование. Жили мы в Омске: институтов там было и в то время немало, а учился я хорошо – аттестат об окончании средней школы был практически с одними «пятерками». Но поехал поступать в Томск, и вот, пожалуй, почему: мой двоюродный дядя как раз учился в Томском политехническом институте на горном факультете. В тот год он приехал на каникулы и пришёл к нам в гости. Одет был в студенческую форму: шинель, на ней погоны с вензелями, петлички и золотые пуговицы с гербами. Просто загляденье! Эта форма произвела на меня сильное впечатление. И стала, наверное, одним из серьёзных аргументов для принятия решения. Экзамены я сдал хорошо, по конкурсу прошёл на геологоразведочный факультет, мне назначили стипендию, дали место в общежитии. А в этом же учебном году декан геологоразведочного факультета Аксарин набирал группу нефтяного направления и приглашал в неё способных студентов. Отбор проходил по результатам вступительных экзаменов и по аттестату. Так я попал в группу геологов-нефтяников и ни разу о принятом решении не пожалел. Вся моя жизнь – и личная, и трудовая – связана с геологией.

Распределение получил в Западно-Сибирское геологическое управление, в Новосибирскую экспедицию, и оттуда в должности техника-геолога был направлен в находившуюся в селе Александрово Назинскую разведку структурно-поискового бурения. Приехал туда под осень 1957 года, а в начале сентября состоялась встреча, определившая мою дальнейшую геологическую судьбу.

«Нефти быть!»

Хорошо помню, как в один из рабочих дней мне позволила секретарь и пригласила зайти к начальнику разведки. В кабинете вместе с нашим начальником сидел молодой

мужчина. Его представили как начальника разведки, которая организуется в селе Сургут. Оказалось, он ищет геолога в новую разведку структурно-поискового бурения, и меня ему рекомендовали как молодого специалиста. Так мы познакомились с Фарманом Курбановичем Салмановым. Он поинтересовался, какой институт и когда я закончил, имею ли опыт геологической работы. Задал ещё несколько вопросов. И никаких других обсуждений или разговоров... А через некоторое время мне сообщили: готовься к переезду. Прямых самолётов из Александрово до Сургута ещё не было – только те, что летели из Новосибирска и садились на дозаправку. Таким – назовём его попутным – рейсом в один из осенних дней 1957 года я прибыл на новое место работы.

Сургутский аэропорт, а вернее, небольшая площадка для самолётов и вертолётов, находился на берегу Оби практически рядом с пристанью. Приказ о создании Юганской разведки ещё не был подписан, и собственного здания у неё не было, поэтому нужная мне контора располагалась в помещении пристани, до начала весенней навигации арендованной геологами у речников. Работать начали, даже не перевесив таблички на кабинетах. В штатном расписании геологической службы были предусмотрены должности старшего геолога, техника-геолога и двух коллекторов. Фактически же я оказался единственным геологом. Старший геолог так и не появился, и летом 1958 года, с началом бурения на реке Юган, меня назначили исполняющим соответствующие обязанности.

Зима 1957-1958 годов выдалась очень тяжёлой. Касалось это и работы, и быта. Не было подготовлено практически никакого жилья: ни общежитий для холостяков, ни квартир или домов для семейных, хотя многие приезжали сюда с маленькими детьми. Прибывшим на работу геологам оставалось устраиваться на частных квартирах, но местные сдавали жильё неохотно. В поисках пристанища я пришёл в дом, где жила большая семья. Хозяйкой в нём была тётя Феня Бакшеева, вдова с тремя детьми. Я, можно сказать, стал четвёртым... Мне выделили уголок на кухне и койку. В другом углу жили куры, которых на зиму забирали в тепло.

Самую первую скважину бурили во дворе редакции сургутской газеты «К Победе Коммунизма!» Редактор Захаров буквально выпросил её у Фармана Курбановича, чтобы в дальнейшем она могла работать на воду. С питьевой водой в то время, действительно, была большая беда. Брали её из протоки Бардаковка или из немногочисленных колодцев,

да ещё не очень хорошего качества. А тут возможность получить работающую скважину! Бурили месяца полтора или даже два. Морозы установились дикие – до 47 градусов ниже нуля. Станки для бурения в таких условиях не годились, кроме того, скважина внутри не отапливалась, даже досками не была обшита. Метр пробурили, и перехватывает оборудование, глинистый раствор застывает... Тут же, на этом страшном морозе, раскручивали болты, отогревали на костре замёрзшие детали и продолжали бурение. С трудом скважину пробурили, а она оказалась непригодной даже на воду.

Вторая скважина зимой 1957-го и в начале 1958 года бурилась в посёлке Белый Яр. Повторялось то же самое: постоянные аварии, медленные темпы работы. Бригада жила на частной квартире в огромном, вероятно, когда-то купеческом доме. Кроватей не было, спали на полу в ватных спальнях мешках. С грехом пополам всё же добурили и эту скважину, получили геологическую информацию. Третья начала буриться в марте 1958 года, и хотя дело шло к весне, морозы всё ещё стояли далеко за сорок. Заложена она была в заимке Немчиновка, на берегу протоки Юганская Обь, ближе к устью реки Большой Юган. Отсюда, собственно, и началось планомерное поисковое бурение. Эту третью скважину довели до проектной глубины, сделали отбор керна и каротаж по всем технологическим правилам. Работу вела буровая бригада мастера Дмитрия Андреевича Ильина.

Заимка Немчиновка находилась в восемнадцати километрах от Сургута на другой стороне реки Обь, на Юганской протоке. Бригада поселилась в заброшенной избушке, скорее всего, бывшем охотничьем домике. Годился он для жилья весьма условно: на потолке зияли сквозные щели. Отапливали помещение железной дровяной печкой, на ночь по сильнее прогревали, чтобы, пока не выстыло, забраться в спальный мешок и уснуть. Мне как геологу нужно было ездить туда для описания отобранного керна, а способ добраться был один – на лошади по замёрзшей реке.

В Юганской разведке имела своя конюшня – три слабенькие ездовые лошадки, списанные местным рыбзаводом и поставленные на откорм. Этих лошадей дали нам в аренду как единственное средство передвижения. В санях очень медленно они могли везти одного человека. А ездить через реку мне приходилось часто. На берегу, где жила бригада бурильщиков, хранилось заготовленное на зиму сено. За этим сеном жители села той же дорогой отправляли санные подводы. И вот едут

Пятидесятые годы: студенческая пора и геологическая практика

Фото из архива семьи Тепляковых, автор неизвестен

они мне навстречу, а колея по реке только для одних саней. Встречаемся, и кому сворачивать? Конечно, пустому – то есть мне! Я принимаю вправо, лошадь уходит с накатанного пути в сугроб и сразу проваливается в снег. Обозы проезжают. А дальше моя лошадь из рыхлого, глубокого снега не может самостоятельно выбраться на настил. Приходится её распрягать, протаптывать перед ней дорожку, выводить из сугроба и вытаскивать сани, зажав оглобли подмышкой. Затем заново запрягать и продолжать путь. А мороз такой, что рукавицы снять невозможно. Справлялся с трудом, продолжал путь. Через какое-то время опять встречный обоз, и опять всё повторяется. И так иногда два-три раза за переезд.

Студёные выдались месяцы, лютые... Температура опускалась ниже 42 градусов даже в конце марта. Разведка ещё формировалась: только начали рубить и ставить деревянные здания под производственные мастерские и контору. За зиму сделали очень многое: собрали привезённые на баржах бараки и дома для жилья, наготовили леса для строительства. К весне 1958 года оставили помещение пристани и переехали в собственное здание. Особенно трудно приходилось кузбасовцам и их семьям – они такой стужи у себя не видели. Дома отапливались печами. Где-то были установлены железные буржуйки, но в основном печки были кирпичные. В первую же зиму вышла из строя печь в доме семьи Малых. Елена Павловна работала завхозом в нефтеразведке, её муж Александр Иванович трудился в кузнице. Кузнец – человек для того времени незаменимый. Токарных станков было немного, и все, кому требовалось сделать какую-нибудь деталь или болт, непременно шли к нему. В семье было пятеро ребятшек, и когда перестала топиться их печь, я им сложил новую – помог опыт работы с отцом. Всего же в те годы я сложил три печи: семье Малых, тёте Фене, у которой жил на квартире, и геологу Ивану Григорьевичу Левченко. Все печи удались.

Первые геологи и буровики, как я уже сказал, добирались до Сургута на баржах. Вот на такой барже, которая называлась брандвахта, некоторым из прибывших пришлось зимовать. Жили на ней и одинокие, и семейные, некоторые даже с детьми. А из удобств – опять же железная печка, чтобы приготовить еду и обогреться. Но вспоминаются и смешные случаи: три бригады, сменяя друг друга, вели бурение. Проживали как раз на брандвахте. Баржа причалена с буровой рядом – по мосточкам можно пройти. И вот как-то отдыхающие, играя на палубе в карты, взялись обсуждать работу бурильщика Ивана Чеха, чья бригада была на смене. Говорили: «Ваня Чех ничего не заработает, пилит еле-еле на третьей скорости!» А Ванина жена, занимаясь хозяйственными делами, услышала их разговоры и кричит с баржи: «Ванька! Включай четвёртую!» Имеется в виду – увеличивай скорость проходки! Все знали: от проходки зависит заработная плата...

1961 год. Переезд из Сургута в посёлок Пим

Фото из архива семьи Тепляковых, автор неизвестен

Первые скважины бурили в самую высокую воду, в половодье. Количество гнуса опишу одним словом – ужас! С утра появлялись комары, кусавшие нас до изнеможения. Днём атаковали оводы – здоровые, с палец толщиной, а к вечеру мошка, от которой не было никакого спасения. Между тем в самом начале 1958 года произошли два события, которые можно определить как судьбоносные в моей профессиональной жизни. Прежде всего, были выданы поисковые скважины: 1-я Нижнемысовская (Локосовская) и 1-я Пимская (61-я Усть-Балькская). Хорошо помню, как эти две точки выдавали. «Выдать» – значит составить и утвердить акт о выдаче географического местоположения будущей скважины с указанием привязки к конкретному месту. У первых точек могла быть привязка, например, такая: восемьсот метров от крайней избы села такого-то, поскольку больше никаких ориентиров не имелось.

Локосовскую скважину планировалось начать бурением в деревне Локосово, за девяносто километров от Сургута выше по течению реки Обь на левом берегу. Выдавать эту точку я выезжал с представителем ЗапСибнефтегеологии Иваном Арсентьевичем Ивановым. В Локосово из Сургута долетели на самолёте. Пришли в колхозную контору, представились местному начальству. Отнесли к нам там с вниманием и пониманием. После беседы, не теряя времени, пошли на берег Оби, где предполагался монтаж скважины. Осмотрелись, поговорили с местными жителями. Ночевать нас определили в местный клуб на тулупах, брошенных на сцену вместо кроватей. На следующий день собирались вернуться в Сургут, но началась метель. Да такая, что ни о каком самолёте и разговоров быть не могло... Местные показали нам небольшую закусочную, где можно было неплохо пообедать: помню, там даже пельмени готовили. На следующий день метель стихать и не думала, а Ивана Арсентьевича уже ждали дела в Александрово. Стали искать способ вернуться и нашли единственный в этих условиях возможный: между Сургутом и Нижневартовском или Покуром (район посёлка Ларьяк) ходила так называемая «верёвочка» – лошадьми в посёлки доставляли почту. Рядом с ямщиком было свободное место, и часто они брали попутчиков. Не бесплатно, конечно, рубль за километр. Рубль, правда, был ещё дореформенный (реформа произошла в 1961 году), и вот этой «верёвочкой» в первый день уехал Иван Арсентьевич, а на следующий день я.

По дороге в Сургут, около села Банное, был постоялый двор. Лошадь отдыхала, её там кормили и поили, и ямщик с пассажиром тоже могли отогреться и перекусить. Хозяйка двора готовила простую еду: иногда были пельмени, но чаще всего замороженная рыба. Белой рыбы – муксуна или нельмы – на продажу не предлагали. А вот щуки – очень много. Помню уложенных в сенках чуть ли не под потолок, как поленица, рыбин. Рецепт приготовления был прост: замороженную щуку укладывали на пороге и обухом топора крошили на кусочки. Подавали с перцем, солью и особой приправой в виде пятидесяти граммов водки. Лучшей закуски не придумать!

Вторую скважину, Пимскую, мы поехали отбивать (выдавать в проекте) с Петром Васильевичем Терещенко, будущим начальником Пимского участка. Добирались до места тем же способом – «верёвочкой». Скважина была спланирована вниз по течению Оби на левом берегу, так что нам предстояло

проделать до места шестьдесят пять километров. В деревне Пилюгино на постоялом дворе заночевали, спали опять на тулупах в какой-то большой комнате. А следующий день вся деревня праздновала Масленицу. На постоялом дворе за столом отмечали праздник хозяйка с подругами. Мы вышли позавтракать на кухню, и вдруг громкий топот! Глазам своим не верим: женщина верхом на коне въезжает прямо в дом! Удивились мы страшно. Но они попели, пошумели, посмеялись, поздравили друг друга и благополучно разъехались. После этого забавного случая я вспомнил, как мой отец Артемий Васильевич, когда покупал новую корову, тоже заводил её в дом. Любил похвастать перед гостями дорогим приобретением. Вот какие раньше дома строили в Сибири!

На следующее утро колхозное руководство выделило нам лошадь, и мы отправились по берегу Оби километров на двенадцать-пятнадцать. Ещё до начала маршрута по карте определили, что берег отделён от материка протокой Солка. Протока весной в половодье становилась бурной, а летом практически пересыхала. Мы же были в марте, когда снег ещё даже не начал таять. Навалило его в ту зиму много: добравшись до нужного места на лошади, дальше пошли на лыжах. Обошли территорию, осмотрели начало протоки и предполагаемое место заложения скважины, сделали заметки. Точка была выбрана буквально на голом месте. Ближайшие населённые пункты – посёлок-пристань «Аллочка» в двенадцати километрах и в тридцати километрах вниз по течению – деревня Тундрино с сельсоветом. В этих координатах родился и построился, как говорится, с нуля геологический посёлок Солка. По прошествии многих лет рассуждаю сам с собой: почему руководство не приняло решение расположить скважину вблизи Пилюгино? Это была обжитая, крепкая деревня с пристанью, высокий берег никогда не заливался половодьями. Вместо того была выбрана точка, где весной 1959 года произошёл такой подъём воды в реках и протоках, что вышедшая из берегов Обь шла прямо через буровую.

С другой стороны, с точки зрения геологии место было выбрано очень верно. Мы с первой Пимской скважины (61) при испытании в 1961 году получили с пласта БС-1 водонефтяной фонтан: 4,8 кубов нефти и 21 м³ воды. Могли бы получить чистый нефтяной фонтан и уже этой первой скважиной открыть Усть-Балыкское месторождение, но из-за некачественного цементаж эксплуатационной колонны не удалось избавиться от посторонней воды. Если бы эту скважину расположили ближе к деревне Пилюгино километров на пять-шесть, попали бы как раз в присводовую часть Усть-Балыкского месторождения. Между тем считаю, что, несмотря на трудности при бурении и испытании, эта скважина явилась первооткрывательницей месторождения. Хотя непосредственно открытие Усть-Балыкского месторождения осталось за скважиной номер 62, которая была пробурена уже на Юганской Оби в самом куполе структуры.

Работа в НАЦ РН

Фото из архива семьи Тепляковых, автор неизвестен

Заседание государственной комиссии по запасам, 2005 г.

Фото из архива семьи Тепляковых, автор неизвестен

20 января 1959 года на окраине села Чёрный Мыс (часть самого Сургута) была начата бурением Сургутская опорная скважина. Это стало событием для нефтеразведки и для самого посёлка Сургут, выросшего благодаря геологам со временем в крупнейший город Среднего Приобья с населением более трёхсот тысяч человек. Состоялся митинг с присутствием представителей партийного и профсоюзного руководства. Несмотря на мороз, у украшенной лозунгами и флагами установки были сказаны важные слова: «Будет сургутская нефть!» И даже разбита на удачу специально приспённая бутылка шампанского.

Одновременно с Пимской бурилась скважина Локозовская (Нижнемысовская). Отряд геологов высадился в посёлке Локозово, по сегодняшним меркам недалеко, всего за девяносто километров от Сургута. И хотя в ходе испытаний признаков нефтепроявлений обнаружить не удалось, эти первые глубокие скважины позволили получить много новой информации по тектонике, стратиграфии, литологии геологического строения центральной части Западно-Сибирской низменности. Значительно позже, когда было открыто Локозовское месторождение, контур его оказался всего в километре от первой Локозовской скважины. Получилось, что до него в тот год мы не добрались совсем немного. Расположи мы скважину на другом берегу – попали бы в месторождение. К сожалению, этого не случилось.

С началом навигации 1958 года в Сургут пришли три установки УРБ-3М. Обычно они ставились на автомобильный ход, но на этот раз их смонтировали на металлические плавучие понтоны. Все были катерами доставлены в верховье реки Большой Юган, в район села Тайлаково Ханты-Мансийского округа. С этих понтонов мы начинали бурение колонковых скважин глубиной до пятисот метров. Проходка велась очень быстро: от трёх до пяти дней на скважину, и идём дальше. Сложнее всего давалась переправка установок по воде с одного места бурения на следующее: не хватало катеров, которые могли их буксировать. Шли сплошным профилем с верховьев к устью Большого Югана. Работы было очень много: каждый раз готовилось место для причала буровой установки, а все подходы к воде были в густых зарослях тальника. Кроме того, полагалось поставить большую палатку и расчистить место под костровище, чтобы можно было готовить еду. Готовила отдыхающая бригада – для своей вахты и для тех, кто работал. Чем питались, даже не помню: наверное, какой-нибудь кашей с тушёнкой.

Названным маршрутом по Большому Югану шли вплоть до ледостава. Там же, на реке, буровые установки остались зимовать, чтобы можно было продолжить работы следую-

**С членом-корреспондентом РАН
И.И.Нестеровым**

Фото из архива семьи Тепляковых, автор неизвестен

С супругой Валентиной Степановной

Фото из архива семьи Тепляковых, автор неизвестен

щим летом. Сейчас, когда прошло столько времени, хочу заметить, что данный наш маршрут колонковым бурением был выбран не зря. Имею в виду геологическое обоснование. До сегодняшних дней этот район остаётся перспективным с точки зрения геологоразведки нефтяных залежей. И пусть они уже не такие крупные, как в те времена, но всё же достаточные для поддержания нефтедобычи.

С бесконечными трудностями пережили и отработали лето 1958 года, а на следующий год продолжили и закончили этот профиль по Большому Югану. Кроме того, за 1959 год прошли и отработали ещё три речных профиля – по рекам Тромаган, Аган и по реке Обь от Сургута до Тундрино. На этом профильное бурение колонковыми скважинами было завершено и больше в таких объёмах не возобновлялось. В 2007 году, когда отмечалось 50-летие первого десанта геологов в Сургуте, молодёжная организация «Молодая Гвардия» осуществила исторический поход по этому маршруту на плотках. Где-то около деревни Тундрино на предполагаемом месте бурения скважины № 6 Обского профиля ребята соорудили макет буровой установки, оставили памятную надпись. Я был одним из присутствующих первокурсников. Также в честь первого десанта геологов Обьнефтегазгеологии был учреждён нагрудный Золотой знак. Мне по удостоверению он достался под номером два. А под первым номером – Фарману Курбановичу Салманову. Эта дорогая для меня памятная награда хранится теперь в нашем семейном чемоданчике-архиве.

Закончить рассказ об этапе поискового колонкового бурения можно тем, что в начале 1960 года я начал писать геологический отчёт по результатам проведённых работ (а набурили мы больше пятидесяти скважин) и закончил его только в июне. Поехал в Тюмень, чтобы окончательно его сверстать, собрать, отпечатать, оформить, получить рецензию и защитить на НТС геологического управления – нас уже передали Тюменскому геологическому управлению, где начальником был Юрий Георгиевич Эрвье, а главным геологом – Лев Иванович Ровнин. Отчёт получился капитальным, объёмом более трёхсот листов. Вся графика снималась на кальку, потом с помощью синьковальных машин (таких в Сургуте не было, а были только в Тюмени) копировалась и размножалась для каждого экземпляра. Экземпляров было необходимо подготовить шесть. Рассылался он в партии, в экспедиции, в Москву, в геологические фонды и так далее... С чемоданом материалов я приехал в Тюмень, поселился в гостинице на речной пристани и окунулся в гущу здешней культурной жизни. Тюменская пристань считалась по своим временам большой, принимала даже двухпалубные пароходы. Рядом была товарная площадь и двухэтажная гостиница. Поселили меня в двухместном номере, и когда администратор увидела, сколько бумаг разложил я по всему

номеру, в том числе на свободной койке, не стала никого подсаждать.

В геологическом управлении состоялся научно-технический совет под председательством Льва Ивановича Ровнина. Мне предоставили слово, я отчитался. Геологи предложили дать моему отчёту оценку «отлично». Возразила только гидрогеолог Ольга Булыгина: дескать, мало уделено внимания гидрогеологии... А какое нужно внимание? Кругом же вода! Это, конечно, шутка, но замечание было внесено, и общим решением совета отчёт приняли с оценкой «хорошо с плюсом». Ну, а для меня это действительно было отлично! Этот мой первый отчёт вошёл в геологическую историю: он хранится в тюменских территориальных геологических фондах, имеет архивный номер, занесён в книгу реестров. Им можно пользоваться и сегодня.

«Визуально двести тонн...»

Из отпуска, впервые проведённого с семьёй, я вернулся в Сургут глубокой осенью. С утра пришёл в контору, в геологический отдел, и узнал, что назначен старшим геологом отдела геологической экспедиции. Уточню, что до этого я был старшим геологом нефтеразведки – её преобразовали в экспедицию в октябре 1959 года. Сургутская нефтеразведочная экспедиция была единственной в Среднем Приобье. К началу работ она имела территорию настолько громадную, что пришлось выделить в её подчинении Пимский, Локосовский и Ярославский участки, располагавшие геологическими службами.

После митинга, предшествовавшего бурению Сургутской опорной скважины, жизнь шла своим чередом: набирался метраж и глубина, геологи обрабатывали информацию, писали месячные и годовые отчёты. Положительных результатов не было. Здесь я не упоминаю Шаим, где в 1960 году была открыта первая в Тюменской области нефть – примерно на год раньше, чем в Среднем Приобье. И вот вошли в испытание по нижним горизонтам скважины Мегионская № 1 и Пимская № 1 (61). Мнения касательно того, что неокон представляет ценность в нефтегазоносном отношении, уже высказывались, но основной упор делался на юрские отложения.

Испытание Мегионской скважины тоже проводили со среднеюрских отложений (Тюменская свита), где были получены признаки нефти в пределах первых кубометров. Они не считались промышленными, поэтому испытания шли от объекта к объекту вверх по разрезу, пока не подошла очередь неоконских отложений. Историческим стало испытание пласта БВ-9 (индексацию пластов называю по тем временам) с глубиной 2175 метров. Объект был спорным. При его выборе между нашим Тюменским управлением и производителями возникли разногласия. Дело в том, что с этого объекта подняли керн с запахом нефти. А по мощности он был всего четыре-пять метров – не пласт, так, небольшой пластик. Рассказывали, что на буровой техник-геолог Романенко промыл поднятый керн в ведре, которое прежде использовалось под солярку, – вот и происхождение запаха... Но так или иначе управление настояло на его дальнейших испытаниях, хотя, как выяснилось позже, выше находился главный пласт БВ-8 мощностью до двадцати метров. Продолжать работы по испытанию скважины Салманов направил меня.

**Усть-Балыкский нефтяной фонтан, 1961 год. Приезд
Ф.К.Салманова**

Фото из архива семьи Тепляковых, автор неизвестен

Контора Нижневартовской партии глубокого бурения подчинялась Сургутской экспедиции. Начальником её был Иван Яковлевич Высочинский, старшим геологом – Николай Дмитриевич Семёнов. Я прилетел в Нижневартовск, оттуда на машине сразу отправился на буровую, на берег протоки Баграс. Приблизительно метрах в ста от буровой уже начинались жилые домики, где частично обосновались семьи рабочих бригады – этот маленький посёлок также назывался Баграс. Буровым мастером был Григорий Норкин, но на период испытаний он то ли ушёл в отпуск, то ли приболел – словом, находился в Нижневартовске, в тридцати километрах от буровой. Туда-сюда по зимнику ходила вахтовая машина, ею пользовалась здешняя геологическая служба. Так 20 марта 1961 года вместе с каротажным отрядом, который должен был проводить перфорацию объекта, я оказался на месте.

Начали работать. Тем же вечером «простреляли» скважину. Каротажный отряд и сам Семёнов вернулись в Нижневартовск, я же остался в местной культбудке – своеобразной полуземлянке с деревянной надстройкой, с двухъярусными нарами внутри, где обычно ночевали застигнутые непогодой рабочие. Тем временем очередная вахта в ночную смену начала переоснастку под желонирование. Чтобы добиться возбуждения пласта, уровень жидкости мы снижали желонкой. Семиметровая труба диаметром 100 мм с нижним клапаном проходила в пятидюймовую эксплуатационную колонну, на тросе опускалась под уровень жидкости в скважине и набирала её в себя. В момент подъёма клапан ложился на кольцо, и вода или раствор оказывались на поверхности. Выливались прямо под пол буровой, и начинался следующий спуск. Так тартали и тартали (способ назывался тартанием), снижая давление на пласт. И жидкость из пласта начинала поступать в скважину.

Утром – там уже начали желонить – я пришёл на буровую. Переговорил со старшим по бригаде бурильщиком Евстигнеем Фёдоровичем Липковским, который замещал мастера Норкина. Мой собеседник, очень, кстати, хороший буровик, – в будущем он окажется в числе первооткрывателей Самотлорского месторождения – объяснил, что тартание идёт с глубины четыреста метров. Убедившись, что работа продолжается, я вновь направился в бытовку, рассчитывая через некоторое время вернуться, чтобы точнее измерить уровень и определить дебит пласта. Не успел пройти пятидесяти метров, как меня догоняет помбур. Кричит: «Евграфий Артемьевич, скважина переливать начала!» Мы с ним развернулись и на буровую! Поднимаюсь на мостки, подхожу к устью: действительно, переливает! Несколько минут интенсивность перелива нарастала: наблюдавшие за происходящим уже начали понимать, что дальше просто так стоять и смотреть нельзя. Закрыли перфорационную задвижку. Перелив пошёл через отвод фонтанной арматуры за пределы буровой. Отвод был короткий, метров двадцать пять,

не более – надо заметить, что в то время, да и позже, они не монтировались в соответствии с требованиями современной техники безопасности. Между тем скважина – больше, больше, больше, – начала рывками бросать воду. Сперва с обильной плёнкой, потом пополам с нефтью и, наконец, перешла на чистое фонтанирование. У нас, кстати, не было амбара, вырытого под возможный сброс, – не очень-то в те годы задумывались об экологии – так что расплывённая растворённым газом струя нефти падала в сторону от буровой прямо на белый чистейший снег. И скважина, как говорится, загудела по всем правилам. Мы закрыли перфорационную задвижку, задвижку к отводу, измерили давление. Оказалось, оно чуть превышает пятьдесят атмосфер – не очень большое. Фонтанная арматура его выдерживала, и мы наконец вздохнули с облегчением: всё-таки фонтан видели впервые, но хорошо осознавали грозящую буровой опасность. Затем я по рации из культбудки связался с находившимся в Нижневартовске Высочинским. Тогда же родилась и первая радиограмма Салманову о полученном фонтане. Вот её текст: «Начальнику Сургутской НРЭ Ф.К.Салманову: «Скважина начала фонтанировать чистой нефтью, визуальное 200 тонн. Высочинский, Тепляков».

К вечеру 21 марта приехал на буровую главный инженер Сургутской экспедиции Александр Тихонович Горский – ему удалось добраться санным путем, а уже утром 22 марта самолётом из Сургута прибыл Салманов с сопровождавшими его товарищами. Интересно, что мегионская скважина была расположена на территории не Сургутского района, где находилась контора экспедиции, а Ларьякского (Нижневартовский район тогда ещё официально не существовал, был Ларьякский со столицей в селе Ларьяк). Поэтому на собрании в Баграсе, посвящённом достигнутому результату, присутствовало партийное и советское начальство, представлявшее оба района. Так рядовой, казалось бы, производственный эпизод положил начало всему тому, что после второго фонтана, забившего на Усть-Балыке, назовут «открытием века». Начинаясь новая эпоха в геологии, раз и навсегда доказавшая значение Западно-Сибирской низменности как крупнейшей нефтеносной провинции.

Ещё раз о крапивинском детстве

Фото kultura-to.ru

У каждого своя «Антарктида»

Это был пятнадцатый по счёту спектакль, но зал Дворца культуры «Нефтяник» вновь заполнился до отказа. Ребята из разных школ города собрались, чтобы посмотреть, а точнее, прежде всего послушать, мюзикл «Лётчик для особых поручений» с повестью Владислава Крапивина в основе

Текст **Вероника СОТНИКОВА**

П ОДРОСТКИ – публика шумная. Чтобы установить с ними контакт, перед началом действия на сцену вышел создатель спектакля – тюменский композитор Валерий Серебренников. И сразу наметилось волшебство, без которого, наверное, не обходится ни одна крапивинская книга. Валерий Павлович негромко обратился к собравшимся, и его бархатистый голос легко притянул всеобщее внимание. Погасли экраны телефонов. Воцарилась тишина. Началась Сказка.

Сюжеты Крапивина неизменны: дружба, соперничество, готовность совершить Поступок. Что ещё требуется юному читателю или, например, зрителю? Да и не только юному... Вот и сидел зал почти полтора часа, захваченный этой историей. А происходило там всё как бывает в жизни. Мальчику нравится девочка. Девочке он тоже нравится. Но нравится ей также и другой мальчик: успешный, уверенный в себе. В её возрасте позволительно быть легкомысленной: присматриваться, выбирать, кокетничать... Только вот главный герой бескомпромиссен: чтобы найти подруге подарок, он вместе с Лётчиком отправляется, нет, не в параллельный, а просто не всем доступный мир, где главное – убедить окружающих в искренности своих чувств. И хотя на этот раз первая любовь, кажется, героя разочарует, зато он найдёт товарища, понимающего и цену дружеского рукопожатия, и силу верного, сказанного в должную минуту слова. Недаром эпитафией к спектаклю стали опять же крапивинские строки: «Никакой дорогой, даже самой правильной, нельзя проходить мимо того, кому нужен друг».

Любопытный факт: в мире насчитывается более двухсот изданий книг Крапивина на сорока различных языках. А вот мюзикл по его повести первыми и, получается, пока единственным, поставили именно тюменцы. По инициативе опять же Валерия Серебренникова. Не случайно, когда он созвонился с детским классиком и озвучил свою идею, тот немало удивился, начал расспрашивать: как это будет выглядеть? Сегодня благодаря коллективу, работавшему над воплощением спектакля, мы уже знаем, как... Но разговорить Валерия Павловича нам всё-таки захотелось. Самое время представить его более подробно: писатель, певец, педагог. Член Союза композиторов России. Автор более трёхсот музыкальных произведений, многие из которых известны всей стране. Красноречивый факт признания его творческой и общественной деятельности: в Тюменской области с 2017 года проводится фестиваль-конкурс «Волшебная нота» на приз композитора Серебренникова. И сразу же первый вопрос: а как вообще появилась такая задумка – положить крапивинскую историю на стихи, более того, на ноты?

– Произведения Владислава Петровича очень близки молодёжной аудитории. Я столько раз наблюдал за юными зрителями: как только начинается спектакль, они буквально растворяются в происходящем. Во время песни Лётчика зал, бывает, тонет в фонариках-телефонах – так ребята сопереживают героям. Были случаи, когда они собирались у сцены и уже попрощавшись, ушедшим за кулисы артистам кричали: «Лётчик, мы тебя любим!» Крапивин – глобальный писатель не только нашего региона, но и всей страны. Когда-то и в Тюмени, и на Урале, и в Москве мальчишки в библиотеках записывались на очередь, чтобы прочитать его книги.

– Вы с ним были близко знакомы?

– Нас познакомил Леонид Кириллович Иванов, тюменский литератор. Но мы так и не встретились, только общались по телефону. Обсуждали моё предложение. Это было примерно за год до ухода Владислава Петровича из жизни.

**У рояля
Валерий
Павлович
Серебренников**
Фото
Александр Циликкин

Я объяснял, что нельзя, конечно, пересказать в музыкальном спектакле всю книгу, но можно донести её главную идею. Дело в том, что лет десять назад у нас в городе должен был сниматься по ней фильм, и мой сын Илья написал к нему основную музыкальную тему. Фильм почему-то не получился, а вот мелодия оказалась очень удачной и долгое время меня волновала. В мюзикле она звучит в самом начале, когда Лётчик собирается с друзьями. У нас был такой настрой на эту работу, такое яркое видение предстоящего спектакля, что даже Антонина Юрьевна Маркова, поэтесса, член Союза писателей России и мой давний соавтор, уговаривала меня поскорее за него взяться. И как только мы стали писать: она – слова, а я – музыку, накопленные чувства выплеснулись, воплотились за два или три месяца в долгожданный результат.

– Этот мюзикл – не первый из тех, что вы поставили?

– До этого был «Остров Гур-Гуру» – в нём играли ребята, отдохнувшие в лагере «Остров детства», а потом он был перенесён на большую сцену. А ещё раньше, в 2014-2015 году, вдохновляясь событиями в стране, мы поставили оперу «Военная тайна» по произведению Аркадия Гайдара. Выезжали с ней в районы области, побывали на фестивале военно-патриотической песни «Крымская волна» в Алуште. До сих пор не могу забыть настроение крымчан, которые вдруг поняли, что они не одиноки – их желание петь вместе с нами, их слова: «Спасибо, россияне!» Но, взявшись за «Лётчика...», я понимал, что это самая сложная задача из тех, что передо мной стояли. Даже в сценическом решении прежние спектакли выглядели проще – мы продумывали их так, чтобы в любой момент развернуть и сыграть на предложенной площадке.

– Мне очень понравились ваши актёры. То, что они не профессионалы, а просто одарённые мальчишки и девчонки, ровесники своих персонажей, придаёт спектаклю особенную трогательность.

– Чтобы отыскать убедительных героев, я ходил по школам, знакомился с детьми. В шутку называл эти визиты «кастингом», хотя ничего общего с отбором актёров для участия в западных постановках в них, естественно, не было. Обычно педагоги говорят так: «У нас все дети хорошие, выбирайте!» А я объясняю: мюзикл требует подготовки в различных жанрах, поэтому мне надо не просто хороших, но играющих, поющих, танцующих. Найти таких – настоящая проблема. Уникальность наших ребят в том, что они понимают: надо работать серьёзно. Как я встретил Илью Завалишина? Поднялся парень, достал телефон, спросил, можно ли спеть под свою фонограмму? И спел-то всего пару фраз... Я ему: «Хватит!» Он мне: «Плохо?» Да нет же, наоборот, очень хорошо! Хотя прежде он пением специально не занимался, я сразу увидел его в роли Лётчика. Почувствовал харизму. А потом ещё и убедился в его вдумчивости, готовности

Песня Хранителя
музея

Фото tdt.kto72.ru

анализировать роль. А вот с родителями Ильи пришлось договариваться: они согласились, что сын будет ходить на репетиции несколько раз в неделю, только заметив, как он вырос в вокальном плане. Ребята в мюзикле разные по уровню подготовки. Ян Батура обучался вокалу семь лет, а Захар Викулов пришёл практически с «нуля». И пусть некоторым потребовались дополнительные занятия, для педагога особенно ценно, когда успеха добиваются его воспитанники.

– *И родители становятся союзниками!*

– Позиция родителей очень важна. Наташу Царёву и Софию Боднар ко мне на прослушивание привели их мамы. Объяснили: девочки занимаются в студии современного вокала «Максимум» и, узнав о спектакле, захотели участвовать. София сразу подошла на роль главной героини Маши. А вот с Наташей всё начиналось не гладко.

– *Наталья мне запомнилась не только песней, но и необычной пластикой...*

– Действительно, у неё яркий грудной голос, но когда она начала репетировать, я понял, что не развит переход на головной регистр. А песня ей досталась сложная. Стал думать: что же делать? Юлить нельзя, придётся сказать правду... Пригласил для разговора её маму. Мама поющая, поэтому тоже всё замечала. Призналась: «Вижу проблемы Наташи. Но как она переживёт, если не останется в мюзикле?» Я предложил: «Она может перейти в наш ансамбль, петь и танцевать...» Почувствовал огорчение: после одной из главных ролей это не то... А вечером мне пришло письмо от Натальи. Девочка пообещала приложить все усилия, чтобы сохранить свою роль. И произошёл качественный перелом: она открылась! Нашла свою вокальную линию! Наташа очень стихийная – может опоздать, может забыть реквизит. Но как безгранично я её зауважал! Всё у неё пришло в движение – душа, голос, тело... Наш режиссёр Денис Юдин ей подсказал, как поработать в пластике. И эта пластика потянула в рост всё остальное...

– *Образ обязывает?*

– Совершенно верно! Приведу пример из моей исполнительской практики. Начав заниматься академическим вокалом под руководством Виктора Емельянова, я решил включить в свой концерт два романса. Слушал перед этим диск, где произведение Чайковского и Рахманинова исполняет Муслим Магомаев, восхищался его мастерством. Но уверенности, что у самого с классикой всё получится как надо, первый раз не было. И я, чтобы хоть немного её обрести, вышел на сцену не в обычном костюме, а во фраке. Зал ахнул! И дал мне ту колоссальную поддержку, которая была необходима. Кстати, у нас в спектакле использован похожий приём. Одну из ключевых ролей в нём играет Алексей Пожитков, друг моего сына и очень надёжный товарищ, которому я часто предлагаю поучаствовать в наших концертах. Но он – исполнитель мягкий. А песня в рок-стиле. Для неё нужна мощная энергетика. И опять же Денис Юдин придумал ход: дряхлый старик сбрасывает скромный плащ, представляя зрителю затянутым в чёрное брутальным молодцем. И контраст срабатывает: Алексей в своей роли полностью преображается.

– *Есть ещё Алёшка, главный герой...*

– Точнее, его исполнитель — тоже Алёша, Алексей Настенко. Меня с ним познакомила Ирина Мальцева, преподаватель по классу эстрадного вокала детской школы искусств «Этюд». Сказала, что есть очень способный мальчик, посоветовала приглядеться. И вот приходит ко мне плотненький парнишка, костюм на пуговку едва сходится. Но в теме: всё понимает, всё способен сделать, исполнить. Я как педагог сразу положил на него глаз. Только предупредил: надо похудеть... И ведь Алёша до сих пор ест яблоки, когда другие уплетают пирожки. Стал подтянутым, спортивным. Неизменно удивляюсь, как он выдерживает часовой спектакль: у него вся роль в движении! Очень самостоятельный парень, конкретный. Про таких говорят: со стержнем! Много занимается, увлекается кроме музыки химией, биологией. Я ему говорю: «Если с наукой не получится, иди в актёры!»

– *Только в этом случае?*

– А как же! Причины могут быть две: если не видишь альтернативы или если чувствуешь, что способен стать первым. У меня был ученик – сегодня прекрасный дирижёр, аранжировщик, выпускник «Гнесинки» Алексей Мазанов. Когда-то он мог пропустить наши занятия, потому что участвовал в олимпиадах по физике, химии, математике. Но однажды понял: музыка важнее всего. Только с таким чувством надо идти на сцену. Обычно ведь у нас как? Играешь сто ролей – получаешь сто рублей. Я не могу даже самых талантливых детей к этому подталкивать. Но если они поймут, что другой дороги для них нет, что так, как здесь, больше себя нигде не реализуют, пускай рискуют. И, возможно, получат уже не сто рублей, а, допустим, тысячу.

– Получается, и для вас не было другого пути?
 – Я поступил в музыкальное училище с четвёртого раза. Потому что мои юношеские годы прошли в маленьком северном посёлке, где не было возможностей для нормального старта. Куда можно поступить с тремя классами музыкальной школы? Мне исполнилось двадцать, я работал в местном клубе, а моя мама понимала, что это не развитие, а «скатывание с горки». И всё время находила объявления о приёме абитуриентов на музыкальные специальности, уговаривала: попробуй! Я стал пробовать. И встретился в Тюмени с Евсеем Натановичем Шапиро, дирижёром, музыкантом, замечательным педагогом, который сказал мне: «Я тебя принимаю!» Был ещё один педагог, давший мне путёвку в профессию, – Владимир Александрович Гостев. Однажды я пытался взять высокую ноту. Получалось не очень... Он шёл мимо класса, услышал, как мой голос переходит на крик, вывел меня оттуда и год у себя дома совершенно бескорыстно со мной занимался. Сегодня, когда ко мне приходит парень с настроем на преодоление, я тоже считаю своим долгом сделать всё возможное, чтобы вывести его на стоящий уровень.

– Чувствуется, что и у вас в жизни случилось немало преодолений...

– Так и быть, расскажу об одном... В детстве я заикался. Потом заикание прошло, но определённые комплексы, связанные с этой проблемой, остались. Анатолий Мокроусов, создатель «Радио-7», четыре года уговаривал меня поработать в качестве ведущего программы, а я отказывался. Представляете: стеснялся бывшего заикания! Интервью давал спокойно, а самостоятельно выходить в эфир – нет, и точка. Но однажды решился. Сейчас смеюсь: дошла бацилла... Явился к нему: я согласен! А он мне: вставай к микрофону. Вот так я и встал – сразу, без подготовки. Моя программа «Ночная смена» выходила дважды в неделю, и за два часа, пока она шла, прилетало иногда до двадцати звонков от слушателей.

**Идёт спектакль:
 Наташа Царёва
 погружена в роль**
 Фото tdt.kto72.ru

**Разговор Лётчика
 и Алёшки**
 Фото Дмитрий Сиялов

– Говорили о музыке?
 – Обо всём, что было интересно, кроме политики. Иногда я сам задавал тему, иногда – те, кто её слушал. Именно в то время я понял, как много в мире одиноких людей, как важно для них живое общение. Вот представьте: едет человек на большегрузе до Владивостока, кругом поля и промзоны, поговорить не с кем. Он дозванивается в студию, начинает рассказывать о себе. И ему хорошо, и нам любопытно. Кто-то стихи читал, кто-то меня просил почитать. Люди письма писали, присылали маленькие подарки: к чаю баночку мёда или вязаную вручную салфеточку, чтобы я мог поставить на неё чашку кофе, когда буду вести эфир. Так я работал у Мокроусова несколько лет. Придумал ещё и собственную программу «Кафе FM», куда сам приглашал собеседников. Кстати, в эфир выходил под именем Виктор Чкалов.

– Валерий Павлович, чувствую, становится горячо...

– Не зря, наверное, чувствуете. Виктор – в честь Виктора Татарского, моего радиокумира, под чьи передачи я ещё пацаном засыпал с приёмником под подушкой. А Чкалов? Дума-

Букет из зала
 Фото
 Юрий Хозяинов

ете, в честь кого меня мама назвала Валерием? Именно в честь комбрига Валерия Чкалова, Героя Советского Союза, лётчика-испытателя. Понимаете, как всё перепелось? То, что описано у Крапивина, – это и моё детство тоже. И у меня был прекрасный друг Юрка, а с ним и свои шалаши, и землянка, и своя «Антарктида». И даже аэродром за дальним горизонтом, откуда поднимался «кукурузник». То взлётное поле, правда, уже заросло травой, а с Юрием мы до сих пор дружим.

– Журналистская традиция – непременно задать собеседнику вопрос о его планах.

– Ближайшие планы: съездить с «Лётчиком для особых поручений» в Тобольск и Ишим, а ещё в Екатеринбург, где хотелось бы встретиться с родственниками Владислава Крапивина. Начиная подумывать о спектакле по мотивам книги Уильяма Голдинга «Повелитель мух», сейчас пытаюсь выяснить, кому принадлежат авторские права. Даже обращался с этим вопросом в Англию. Ну, а самая отдалённая мечта: когда все песни будут написаны, открою маленькое кафе. Буду угощать посетителей собственным чаем и кофе, а ещё коктейлями, которые очень люблю смешивать.

– Валерий Павлович, внешне вы – тончённый творческий человек, но есть у меня подозрение, что если понадобится, много чего умеете сделать и кроме коктейлей.

Команда мюзикла «Лётчик для особых поручений»

Фото
Александр Распопов

– В детстве пробовал собирать приёмники – транзисторные и ламповые. В молодости был секретарём комсомольской организации: очень нравилась эта работа и получалась. Меня даже звали в район, в орготдел, но желание заниматься музыкой пересилило. Сейчас учусь у сотрудников Благотворительного Фонда развития города Тюмени, который бесконечно нам помог в подготовке мюзикла, составлять грантовые заявки. Мне там подсказывают: не хватает в заявках конкретики... А я удивляюсь: ведь всю жизнь работаю с конкретным материалом – с нотами. Попробуйте выкинуть хоть одну из музыкального произведения, и мелодия развалится. А поддержка, в том числе грантовая, очень нужна. Причём именно для самостоятельности. Это же фундамент культуры, масса вовлечённых в творчество людей. Не понимаю писателей и композиторов, работающих «в стол». Кто потом этот стол откроет? Надо идти и показывать то, что ты сделал. Только так, выслушивая мнения, получая от зрителей эмоциональную отдачу, ты сможешь развиваться дальше. Поэтому, завершая наш разговор, расскажу случай, который в своё время меня окрылил. В 1993 году вышел первый мой нотный сборник. А два года спустя я поехал в Ханты-Мансийск на встречу с учениками местного культпросветучилища. И в дороге у меня пропал голос. Прихожу к ребятам, говорю: простите, сегодня петь не смогу. А они заулыбались и устроили концерт из моих собственных песен.

фото Игорь Прохоренко

Средства от всех болезней

Как это делается: медикаменты

В этом году отмечает 80-летний юбилей Тюменский химико-фармацевтический завод. Как и многие производства Тюменской области, этот завод ведёт свою «сибирскую» историю со времён Великой Отечественной войны

Текст **Аркадий КУЗНЕЦОВ**

10 НОЯБРЯ 1941 года был подписан приказ об эвакуации в Тюмень Московского химико-фармацевтического завода имени Л.Я.Карпова. Этот уже практически забытый герой российской истории был одним из создателей химической промышленности нашей страны. Достаточно сказать, что Лев Яковлевич впервые наладил отечественное производство хлороформа и жидкого хлора.

По законам военного времени

Не устаёшь удивляться, как удавалось так быстро организовать масштабную переброску людей и оборудования в условиях войны. Уже через шесть дней специальным эшелонам в наш город прибыли 250 сотрудников завода, сопровождавших всё необходимое для выпуска лекарств. Производство было размещено в здании мебельной артели «Победа» и на территории конного завода «Красный Октябрь», располо-

женного по Береговой улице. На выделенной площадке не было водопровода и канализации, железной дороги, котельной и трансформатора, без которых невозможна работа фармацевтического предприятия. Всё это создавалось героическими усилиями его сотрудников в суровую зиму 1941 года.

Завод практически сразу начал выпускать медикаменты, в которых остро нуждалась воюющая страна. Они соответствовали самым высоким стандартам качества – при том, что готовились в кристаллизаторах из чугуна, вмонтированных в дровяные печи. В этих примитивных условиях начали производить сублимированный йод, позднее приступили к выпуску солей кофеина, хлорида ртути, хлористого натрия и других препаратов. Параллельно с этим в тридцатигра-

Сотрудники эвакуированного в Тюмень завода

Фото из архива завода, автор неизвестен

Производство разместили на берегах Туры

Фото из архива завода, автор неизвестен

дусный мороз рабочие вручную копали канавы и котлованы для фундамента, укладывали трубы и железнодорожные пути. Наравне со взрослыми трудились и местные подростки, многим из которых тогда было по тринадцать лет.

Для полноценной работы заводу требовалась котельная, чтобы давать горячую воду, пар и сжатый воздух, необходимые химическому производству. Эту проблему решили с помощью парового котла, который стоял на списанном пароходе. Махину весом 15 тонн нужно было сначала демонтировать, а потом доставить на предприятие. Пришлось наращивать лёд на Туре, чтобы проложить зимник от речного порта. Два километра лошади и люди на специальных санях тащили котёл на завод ...

Оборонное предприятие

27 февраля 1942 года народный комиссариат здравоохранения СССР утвердил устав предприятия, которому в условиях военного времени было дано «секретное» название – «Завод № 39». Этот день можно считать первым днём рождения нынешнего флагмана фармацевтической индустрии Тюменской области. В то время он приравнялся к оборонным предприятиям, ведь препараты из Тюмени в конечном счёте спасали жизнь раненым бойцам. Отсюда продукция отправлялась на фармацевтические заводы Воронежа, Казани, Москвы, Новосибирска, Хабаровска и Челябинска, а также во фронтовые госпитали. План по выработке медикаментов завод выполнял полностью и был одним из лучших эвакуированных предприятий химической отрасли.

Работать в то время приходилось с постоянным напряжением сил и вопреки многочисленным трудностям. Чего только стоит паводок, ежегодно топивший расположенное на берегу Туры предприятие и его цеха. Постепенно увеличивался ассортимент выпускаемой продукции, который включал такие сложные химические вещества, как едкий натр, йодоформ, коллоидальное серебро, ртутные соединения, сульфат аммония и хлористый кальций. 4 августа 1942 года Государственный химико-фармацев-

тический завод № 39 был зарегистрирован как самостоятельное юридическое лицо, а значит, в этот день можно ещё раз отметить его юбилей.

Предприятие не только работало на нужды фронта, но и помогало сибирским землякам решать необычные проблемы на производстве. Тюменская ТЭЦ в конце 1943 года столкнулась с отложением слоя накипи на всех пяти котлах. Удалить её механическим путём не представлялось возможным, поэтому руководство электростанции обратилось к химикам с просьбой о помощи. Для очистки котлов они решили использовать особую технологию – «кислотную парку», благодаря чему работы были проведены всего за трое суток. Очищенные от накипи котлы электростанции были пущены в эксплуатацию, что позволило избежать простоя оборонных предприятий Тюмени. Так мирные химики приближали победу.

После завершения войны целых три года Министерство здравоохранения СССР не могло определиться с судьбой завода. Учитывая небольшой объём производства и удалённость от научных центров, предлагалось ликвидировать это предприятие. Тем не менее его удалось отстоять, и в 1948 году было принято решение переименовать завод № 39 в Тюменский химико-фармацевтический. Кроме того, номенклатуру производимых здесь препаратов пересмотрели и выделили средства на перевооружение производства. Заводу было предписано увеличить объём выпуска неорганических солей и ртутных препаратов медицинского назначения.

Опасная работа – в прошлом

Обычно фармацевтическое производство ассоциируется с одетыми в белые халаты сотрудниками, стерильной чистотой в лабораториях и цехах. Но, судя по воспоминаниям ветеранов, опубликованных в книге «Завод, ставший судьбой», предприятие послевоенного времени выглядело совсем по-иному. Анастасия Белова рассказывала, что из-за висящего клубами пара в цехах было ничего не видно, а влажный воздух не давал дышать. Анисья Парфёнова вспоминала, что работа была трудоёмкой и опасной, на производстве была высокая загазованность из-за использования соляной кислоты. Ветхое оборудование требовало внимания и ответственности, приходилось тщательно следить за соблюдением технологических процессов.

– Чтобы поддерживать нужное давление пара, в котельной за смену сжигали по самосвалу угля, – рассказывал Леонид Болотин, работавший на заводе в 1954 году. – Придёт зимой из Кемерово десять вагонов угля, а он застыл монолитом. Производство не останавливалось ни на день, работали посменно в выходные и праздники. На аммиачно-холодильной установке необходимо было держать давление в 15 атмосфер. Если 10-15 минут не будет воды, компрессор разорвёт, а выброс аммиачного газа – это смертельно.

От ручной упаковки...

Фото из архива завода, автор неизвестен

На заводе тогда производили препараты на основе ртути, которую сжигали в струе хлора в специальных ретортах. Получалось очень ядовитое вещество сулема, которое надо было стирать со стенок бункера скребками. Для этого выдавались специальные бушлаты и противогазы, но, по словам Анастасии Модзалевской, по молодости никто о здоровье не думал – ограничивались тем, что прикрывали лицо ладошкой. Судя по всему, пренебрежение техникой безопасности на предприятиях того времени было повсеместным.

Однажды сотрудницу лаборатории Валентину Дренёву отправили в цех, чтобы выяснить, почему не идёт реакция при производстве красной ртути. Решив проверить, точно ли по расчётам загружены ингредиенты, она поднялась к чану, опустила в него деревянное весло, и тут началась непредсказуемо быстрая реакция. Её окутали пары ртути, которые обожгли глаза, и на время отважная лаборантка потеряла зрение. Случалось на производстве и аварии со смертельным исходом, но план выполнялся, несмотря ни на что. К счастью, в начале 1970-х годов ртутное производство закрыли, а вместо него в новом двухэтажном цехе стали выпускать противотуберкулёзные препараты.

От социализма к рынку

Впрочем, не стоит думать, что жизнь в ту пору состояла лишь из подневольного и опасного труда. Уже в пятидесятые годы предприятие начало строить жилые дома для своих сотрудников, появился и собственный детский сад на сто мест. Если вспомнить, что декретный отпуск тогда длился всего три месяца, становится понятно, что забот у молодых мам стало чуть меньше. Работникам предприятия выдавались путёвки в санатории, а их детям – в пионерские лагеря, словом, все были довольны. Свидетели того времени с ностальгией говорят о сплочённости заводского коллектива, которая проявлялась как в дружбе, так и в заботе о деле. Люди больше времени проводили вместе, с одинаковым удовольствием ходили на праздничные демонстрации и субботники.

2 декабря 1977 года Тюменский химико-фармацевтический завод как производственную единицу включили в состав объединения «Уралсинтез». Предприятие было частью советской экономики, выпуская до семидесяти наименований лекарств, утверждённых министерством здравоохранения. План успешно выполнялся, но, к сожалению, ценой экологических нарушений. Как рассказала главный инженер завода Алевтина Бырдина, из химических препаратов, производимых здесь в начале восьмидесятых годов, самой проблемной была бромкамфора. Через вентиляцию в атмосферу выделялись пары брома, который оседал на домах и земельных участках жителей Зареки. Люди звонили по всем надзорным органам, которые проводили

проверки и, как правило, выписывали штрафы руководству. Перед местными властями вновь встал вопрос о ликвидации завода, которой удалось избежать благодаря очередной реорганизации.

С июля 1988 года предприятие было передано «Уралмедбиопрому», на 80% обновилась номенклатура производства и увеличились его объёмы. Сбыт стабильно расширялся – тюменские лекарства получали более пятисот заказчиков от Ужгорода до Петропавловска-Камчатского. Росла и прибыль, но экономические реформы девяностых годов привели к спаду производства и задержкам заработной платы. Однако Тюменский химфармзавод сумел самостоятельно внедрить передовые технологии и освоил производство таких препаратов как ацетилсалициловая кислота, анальгин, верапамил, рибоксин, фурагин, цитрамон. Предприятием была открыта сеть собственных аптек, и оно заняло свою нишу на региональном рынке лекарств.

На рубеже веков заводом была решена наиболее проблемная сброса сточных вод в реку Тура. Производственные процессы, которые требовали большого водопотребления, были ликвидированы, появились технологии, которые использовали оборот воды. Предприятие установило накопительные ёмкости и организовало вывоз отходов, благодаря чему прекратились претензии природоохранных органов. Кроме того, завод запустил собственную газовую котельную, что также улучшило экологическую ситуацию в окрестностях. При этом завод оставался государственным предприятием до 2003 года, когда, по закону о приватизации, был преобразован в акционерное общество.

Заслон импортному вирусу

Новый этап в жизни Тюменского химико-фармацевтического завода наступил 14 мая 2012 года, когда предприятие стало частью холдинга «Фармацевтические Технологии» из города Санкт-Петербург. Теперь планы предприятия связаны с внедрением современных технологий, заменой оборудования и реконструкцией цехов. В заводских лабораториях разрабатываются

...К НОВЫМ
ТЕХНОЛОГИЯМ

Фото Игорь Прохоренко

Дружный
коллектив
и стабильная
работа

Фото
Игорь Прохоренко

новые препараты, производство которых будет соответствовать международным стандартам GMP. Завод уже давно не использует в работе химические процессы, так как лекарства производятся из готовых субстанций – они поступают из европейских стран, а также Индии и Китая. В числе медикаментов выпускаются, прежде всего, социально значимые лекарства – аскорбиновая кислота, ацетилсалициловая кислота, анальгин, фурацилин и другие.

Работать здесь людям нравится, а внедрение современных технологий не приводит к сокращениям персонала. Сотрудники завода могут получить новую специальность и остаться на родном предприятии. Как рассказала упаковщица Людмила Лукиных, раньше ей приходилось вручную ставить печать со сроком годности и серией на каждую коробку с лекарствами. Сейчас этот процесс автоматизировали, и ей предложили перейти на упаковочные машины. Руководство химфармзавода дорожит работниками, которые знают все тонкости производства лекарственных препаратов. Эта отрасль связана со здоровьем людей, поэтому ошибки на производстве могут дорого стоить.

С 19 февраля 2014 года предприятием руководит Алексей Кузнецов, который подтвердил, что фармацевтическая отрасль в последние годы стремительно развивается. Генеральный директор понимает необходимость модернизации и расширения производства, особенно в условиях пандемии. Кроме того, как никогда остро встал вопрос импортозамещения жизненно важных препаратов. Объём их выпуска можно увеличить после реконструкции «Тюменского химико-фармацевтического завода».

Коронавирус уже прибавил предприятию работы, ведь с момента появления этого заболевания общее количество выпускаемых в Тюмени лекарств увеличилось на 20 %, и эта цифра продолжает расти. В три раза выросло производство парацетамола, выпуск

антибиотиков, обезболивающих и сердечно-сосудистых препаратов также поднялся. Особо следует отметить такой препарат, как панкреатин, который приносит заводу почти половину всей прибыли. В целом конкуренция с импортными препаратами принесла тюменским фармацевтам за прошлый год около 700 миллионов рублей дохода.

Но эта победа далась нелегко, ведь из-за закрытия границ производство могло совсем остановиться. Хорошо, что своевременно были сделаны запасы сырья, однако все понимают, что от импортной зависимости следует избавляться. Необходимо решать эту проблему на государственном уровне, а пока, по словам министра здравоохранения Михаила Мурашко, в России производится около 70 % лекарств из списка жизненно важных препаратов. О стопроцентном импортозамещении на «Тюменском химико-фармацевтическом заводе» говорить пока рано, ведь практически всё сырьё закупается за границей.

Плюс 50 рабочих мест

Как рассказала начальник производственно-технического отдела Татьяна Пятинина, качество выпускаемых химфармзаводом препаратов не уступает зарубежным аналогам. Здесь в основном работают с так называемыми «джеренериками» – уже созданными где-то лекарствами, которые в Тюмени воспроизводятся достаточно близко к оригиналу. Как объяснил руководитель предприятия Алексей Кузнецов, это мировая практика: у китайских производителей также закупают сырьё американские, французские и немецкие компании. Дело в том, что химический синтез сырья – достаточно грязное с точки зрения экологии производство.

Сейчас на заводе идёт модернизация, благодаря которой появятся дополнительные рабочие места для пятидесяти человек. Общий объём инвестиций в эту работу превысит миллиард рублей. На сегодняшний день уже введён в эксплуатацию склад для хранения лекарственных средств, завершены строительные работы по одному из цехов, закупается новое оборудование. Реконструкцию другого корпуса площадью 1224 квадратных метра, где будут изготавливать твёрдые и жидкие лекарства, планируется завершить в этом году.

– Мы оказываем заводу административную поддержку в решении вопросов с ресурсоснабжающими организациями, – сообщил генеральный директор Инвестиционного агентства Тюменской области Николай Пуртов. – Завод производит лекарственные препараты, большая часть которых входит в перечень жизненно необходимых, а также являются импортозамещающей продукцией.

Отметим, что сделанные у нас лекарства есть в аптеках многих городов, кроме того, они экспортируются в Киргизию.

Главной задачей становится импортозамещение

Фото
Игорь Прохоренко

УРОКИ ЖИЗНИ

Радость, переживаемая в праздниках, открывает сердца навстречу друг другу. Именно в радости мы учимся деятельному добру. Вне радости любая деятельность бессмысленна, и потому рискну сказать, что труд (учение) вторичен

Фото из архива Людмилы Русаковой, автор неизвестен

Гимн профессии

Учитесь властвовать собой

«Я не умею петь, танцевать, играть на музыкальных инструментах, зато умею делать японских журавликов и рассказывать русские сказки»

Текст Людмила БАРАБАНОВА

ДУМАЮ, вы впадёте в недоумение, узнав, что так аттестует себя директор школы № 70 Лидия Николаевна Русакова, в конце прошлого года получившая звание Народного учителя – нет в педагогике звания более высокого. А у нас нет другого выхода, кроме как приспособить к делу этих самых журавликов, ставших её визитной карточкой.

Случилось это более чем полвека назад в селе Ощепково Абатского района. Девочка Лида нашла в свежем журнале «Пионер» схему, как из обычного тетрадного листа можно соорудить журавлика. Именно таких журавликов мастерила японская девочка, ставшая жертвой ядерного взрыва в Хиросиме, надеясь, что эти птички спасут её жизнь. Из сочувствия к её беде Лида,

следуя инструкции, превратила простой листочек в журавлика, и это преобразование наполнило её радостью. Откуда ей было знать, что вышло словно предчувствие судьбы, что это умение ей пригодится, когда годы спустя от острого лейкоза будет умирать её любимая четырёхлетняя дочка, и она станет рассказывать ей сказку, что журавлики, сделанные материнскими руками, принесут здоровье. Не вышло. Но утрата дочери удесятирила сознание о непреходящей ценности детства, лютая горе обернулось неистощимым желанием дарить детям радость и сказку, и японские журавлики наполнились теперь символическим смыслом, став знаками надежды и радости.

Однако перейдём от символики к реальности. Для начала к факту непредсказуемому: талантливая учительница словесности, никогда не помышлявшая о карьере, говорившая «я просто работаю, а рядом проходит чьё-то детство», вдруг в 2001 году становится абсолютным победителем в региональном конкурсе «Женщина – директор года». А тот факт, что родители приводят в её Школу Сотворчества следом за первенцем второго, третьего ребёнка (независимо от места проживания), красноречиво перекликается

с победой Лидии Николаевны во всероссийском конкурсе «Лидер в образовании – 2005».

Первый успех она вкусила в 1992 году, когда по настоянию директора школы № 4 отправилась на городской конкурс «Учитель года». Там возник любопытный диалог. Председатель жюри профессор Владимир Ильич Загвязинский поинтересовался, на концепции каких педагогов она опирается в своей работе. Вопрос поставил победительницу в тупик, у неё и в мыслях не было реализовать чьи-то идеи, она интуитивно вырабатывала собственный опыт радостной школы. Конечно, Лидия Николаевна всё-таки нашлась, вспомнив из студенческого курса имена Сухомлинского и Макаренко. Но ответ по существу возник в следующем же году: за авторскую педагогическую концепцию её удостоили звания Заслуженный учитель РФ. Обратите внимание – в 36 лет, что ломало все привычные стереотипы.

И сегодня, стоя у штурвала школьного корабля, Лидия Николаевна остаётся учителем, она преподаёт, как сама говорит, самый бесполезный предмет в наш прагматичный век – мировую художественную культуру, пытаюсь вести диалог со старшими учениками об истинных и ложных ценностях, о творчестве как методе исследования мира. Управленцем ей пришлось стать поневоле, чтоб спасти вверившихся ей детей от неминуемой катастрофы (ликвидации любимой гимназии). Любопытно, что управленческому делу она предпочла учиться в сфере бизнес-технологий, в Международном институте менеджмента ЛИНК. Именно программы ЛИНК подсказали ей технологии, которые принесли успех в образовательной сфере. Словом, умение учиться – один из уникальных её козырей. Она умеет учиться у своих учеников, у житейских неурядиц, даже у своего горя. А впрочем, меня сильнее всего будоражит её умение не обижаться ни на кого и ни на что. Может, это и есть волшебная палочка, спасающая её в погибельных ситуациях.

Беседа первая:

деревенское детство как залог жизнестойкости
– Лидия Николаевна, каково вам было из деревенской глубинки одной оказаться в незнакомом городе?

– Мы с мамой, выбирая между Тюменью и Омском, вспомнили о дальних родственниках в Тюмени: есть хотя бы к кому притулиться на первых порах. Я явилась в приёмную комиссию университета, помнится, в ситцевом платице и домашних войлочных тапочках и долго выбирала факультет. Могла математикой заняться, обожала историю, в своей деревенской глуши прочла всю русскую классику, а заодно и мировую. Остановила свой выбор всё же на филологии, превратив хобби в профессию.

А что касается адаптации к городу... Крестьянский ребёнок летом и в дом-то почти не заходит. И спит порой на сеновале, на чердаке, в сенях, а то и под деревом в саду. Он открыт всем

стихиям и потому приобретает бесценный опыт выживания в любых обстоятельствах: метель не метель, ливень не ливень, а ты делай своё дело. Именно деревенское детство научило меня гибко общаться с миром, приспособливаться к любым условиям. Забегая вперёд, скажу, что в ситуации вечных перемен и преобразований в большой городской школе моё крестьянское сознание помогает преодолевать новые вызовы гораздо легче, чем моим коллегам. Как только вспомнишь одиннадцать соток картошки по осени – так вздрогнешь, а берёшься и выкапываешь, не оглядываясь ни на погоду, ни на свои хвори. К тому же деревенский ребёнок живёт на своём дворе в окружении гусей, кур, овец, а тут ещё и телёнок, и поросёнок, и пёс, и со всяким надо «договариваться», вникая в его повадки. Возникает своего рода психологический практикум. И вот почему, думается, с первого взгляда я безошибочно чувствую суть всякого нового человека.

– Как вы видите сегодня Школу своего детства?

– Я вижу школьное здание на краю села, осенённое белой кипенью трёх яблоневого сада. Практической пользы от садов никакой: ранетки от дичков питали разве что птичек. Сады нужны были для красоты. Идея окружить школу тремя садами вряд ли могла прийти в голову крестьянину, который всегда предпочтёт посадить картошку. Культура красоты исходила от моих учителей. У меня на первом курсе педагоги спрашивали, поражённые моими знаниями: «Где вы учились»? В селе Ощепково, стоявшем в стороне от железной дороги, учителя помимо знаний несли нам, деревенским ребятишкам, культуру – речи, труда, красоты. Они не прощали нам ни элементарную грязь на парте, ни небрежность почерка, ни скрюченную осанку. Они научили меня работать красиво.

– А как вы соприкасались с народной культурой?

– Не выходя из дома. Чего стоило общение с моей мамой и бабушкой Лизой, тихой, смиренной и работающей, лепившей из синей глины райских птиц и зверей. Она называла хлеб «папонька», «тятя», что было по-деревенски наивным проникновением в суть христианства (хлеб – тело Христово). Но помню и другое: поздним летним вечером, под луною, на скамейке сидят старухи и рассказывают жуткие истории – про невест, которых сглазили, про чёрного ворона, про «заложных» покойников, и мы, сидя на полянке у их ног, не шелохнёмся, замороженно впитывая в этих поверьях народные приметы, способы оберега от глаза и нечистой силы. А может, улавливаем, как побороть искушение, как правильно жить среди людей, как важно быть осторожным. Пройдут годы, и, уже учась на филфаке, я узнаю о существовании народной прозы как жанра фольклора.

– Ну да, из малороссийского фольклора, из несусветных фантазий у Гоголя и выросли его первые искромётные повести, так поразившие столичного читателя.

Я не делила ребят на плохих и хороших...

Фото Александр Романов

Фото из архива
школы № 70

ЦИТАТА

Нет ничего более сильного в воспитании чувств, чем погрузить детей в естественную атмосферу радости бытия

– Любопытно, что именно к народной культуре я прикоснулась, исследуя в своей дипломной работе экспрессивную лексику в говорах Абатского района. После защиты диплома мне предложили остаться на кафедре языкознания, и мой научный руководитель Лидия Андреевна Новикова готова была передать мне для преподавания свои предметы. Но мне неожиданно в голову

пришла мысль: если я напишу диссертацию об этой экспрессивной лексике – кому от этого станет легче и теплее? Кому я смогу осушить слезинку? Да, именно такая сентиментальная фраза решила мою судьбу: я выбрала школу. Наверное, в этом внезапном выборе сказало никогда не покидавшее меня видение Школы моего детства в облаках сияющего яблоневого цвета.

Исповедь дочери

Раным-рано мама уходила провожать в стадо корову, и когда я просыпалась, то на подушке рядом лежал букетик цветов или лесной земляники. Моя мама – простая сибирская крестьянка с тремя классами образования, и свою нежность ко мне она целомудренно прятала, боясь избаловать. Рожала она меня поздно, в 33 года, я родилась мёртвой, еле «отшлёпали», и меня в детстве долго преследовали разные хвори, в том числе лет до пяти непонятные обмороки. Однако маме хватало мудрости никогда не считать меня больной, из жалости не снижать требовательности ко мне, и я с детства, как любой крестьянский ребёнок, умела делать по дому и хозяйству всё, притом качественно.

А теперь представьте, как может контролировать школьное обучение полуграмотная крестьянка, к тому же сверх меры загруженная и в совхозе, и в домашнем хозяйстве, где всегда дел невпроворот. А вот ухитрялась как-то всегда быть рядом. В восьмом классе, когда у меня возникли проблемы с черчением, мама научилась сама делать чертежи, чтобы доказать, что даже человек с тремя классами образования способен одолеть эту премудрость за один вечер. Она учила меня искать причины неприятностей в собственных поступках и никогда не потакала моим жалобам на людей или обстоятельства. И была при этом крайне немногословна. Разве что скажет: «У худого танцора всегда пол виноват».

Вспоминая свою милую мамочку, я думаю, что есть педагогический дар, присущий человеку от рождения. Он помогает добиваться

позитивного результата без всяких назиданий и наказаний. Вот ещё одна история, когда одна её реплика решила мою судьбу. Однажды мы писали сочинение о будущих своих профессиях, и я с воодушевлением рассуждала о том, что моя мама 17 лет работает на комбайне, награждена медалью за освоение целинных земель и что я мечтаю пойти по её стопам. Сочинение моё заняло призовое место на районном конкурсе: тогда сельских школьников усиленно призывали работать на земле. А мама, прочитав его, энергично сказала: «Не видать тебе моих стоп!». Разве могла она допустить для меня такой же судьбы? Ведь на этой героической вахте она потеряла своё здоровье. Одна её реплика научила меня отличать реальную жизнь от лозунгов.

Вышло так, что отец никогда не жил с нами, но когда мне попали в руки его письма к маме, меня потрясло, что в сущности это было бесконечное послание о любви длиною в годы. Николай Карлович, из эстонских немцев, был заброшен в сибирские края ещё ребёнком, как сын репрессированного и расстрелянного отца. Когда его, инженера-механика, прислали в наше село, у него уже была семья, но он собирался уйти из семьи к моей маме, которую горячо любил. Тем более что она ждала ребёнка. Однако мама категорически отвергла его предложение, чтоб не осиротить его детей. Вот после этого и началась долгоиграющая история в письмах.

Отец часто приходил к нам, заботился как мог, из дальних поездок привозил и посылал подарки, интересно рассказывал о путешествиях. Своей манерой речи и всем обликом, я бы сказала европейским, он отличался от жителей села, даже от наших учителей. Оставив поприще инженера-механика, он устроился в школу учителем труда и заполнил мастерскую моделями известнейших архитектурных памятников. Руки-то были золотые! Я многое унаследовала от него, но главное – его умение жить со всеми в мире и при этом молчаливо идти своим путём.

Далеко не сразу мне открылось, что и семья мамы стала жертвой репрессий. Мои работящие дедушка Фома с бабушкой Лизаветой жили дружно и справно в Юрге. Однако Фома отказался вступать в колхоз, за что и поплатился. Самое страшное, по словам мамы, было то, что его подвергали гонениям односельчане, из которых почти каждый приходился родственником ему или его жене.

Однажды бабушка с моей восьмилетней мамой пошли в лес за ягодами, а когда вернулись, то увидели жуткое зрелище: их изба, овин, амбар раскатаны по брёвнышку и увезены. Лизавета с ребёнком осталась на улице, они всю жизнь мыкались, жили милостью добрых людей.

Как потомок двух репрессированных родов, я осознала, повзрослев, что события могут быть вне воли и власти человека, что люди переменчивы в своих настроениях и намерениях. «Относись ко всему происходящему как к погоде и делай своё дело», – так говорила моя мама.

Беседа вторая:

лучшая педагогическая технология – просто жить рядом с детьми

– Лидия Николаевна, вы пронзили меня насквозь своим профессиональным выбором в пользу того, чтоб «утереть слезинку ребёнка»...

– Вышло однако так, что на заре моей учительской юности слезинку-то пришлось утирать мне самой. Помнится, я плакала навзрыд, когда меня распекала завуч тюменской школы № 4 за то, что я неправильно анализировала итоги контрольного диктанта. В сущности, весь мой первый учебный год, начавшийся с продлёнки и завершившийся восьмиклассниками с их изощрёнными издёвками над новичком, можно назвать катастрофой. До сих пор не пойму, как я тогда не сбежала из школы навсегда, что сделали пять моих однокурсниц. Примечательно, что на следующий год мне планировали нагрузку с шестью подготовками, что означало недвусмысленное выталкивание вон. Я уехала летом отдыхать с друзьями на юг, а когда вернулась – мне предстояло работать в трудовом лагере, что тогда приравнивалось почти к ссылке. Кто мог предположить, что этот трудовой лагерь возле деревни Мальковой сказочным образом повернёт мою судьбу? Когда я приехала на попутке, ребяташки уже работали на полях (по разнарядке со всего района), а руководили ими три наших учителя. И видя, с каким энтузиазмом я сочиняю концертные программы и конкурсные номера, учитель труда Сергей Фомич говорит мне: «Давай сочиняй! А в поле за ними я и сам присмотрю». Он первый, кто показал мне, что от человека нужно брать в первую очередь то, что он может дать по высшему уровню.

В то лето наша школа впервые заняла все первые места: и в труде, и в спорте, и в культуре. Такого не случалось никогда. И как эхо моего творческого горения на сельской ниве – небывалые подвижки в карьере: Клара Александровна Бакланова, директор школы, предлагает три пятых класса (лучше нагрузки филологу не бывает), а ещё на следующий год – должность организатора внеклассной работы.

– Вот это скачок! Всего на третий год стажу управленческая должность. Не рановато ли?

– Моё счастье в том, что я никогда не осознавала свою работу как должность, не впадала в административный восторг, просто жила с детьми изо дня в день. Меня, разумеется, сразу на все функции и не хватало, я сосредоточила всю энергию на детском самоуправлении. И тут моё вдохновение неизменно подпитывало то, что семь лет я общалась с одарёнными детьми, каковыми оказались школьные активисты.

– Все эти семь лет, когда вы шли в тесной связке с комсомольским активом, совпали с системным кризисом в стране, когда лозунги «развитого социализма» вопиющим образом разбежались с реальностью.

– Я понимала тогда одно: детство и протест – взрывоопасное сочетание, и важнее всего защи-

тить детей от негативного отношения к Отечеству. Я думала, мало ли потрясений ещё произойдёт в стране, и значит, надо учить детей на каждое разрушение отвечать созиданием. Комитет комсомола, для которого мы отвоевали две комнатки на задворках актового зала, был открыт для всех, здесь находили приют помимо активистов и трудные дети, и маргинальные личности. По их инициативе возникали агитбригада, худсовет, танцевальные коллективы, просто клубы для общения. Иные учителя ворчали: «Да ваших комитетчиков сначала нужно поставить на учёт в детской комнате милиции...» Но бурное кипение подростковой энергии продолжалось. Жить было интересно. Я не делила ребят на плохих и хороших, пытаюсь в каждом разглядеть творческие искорки.

– А как всё-таки с самоуправлением?

– Я до сих пор удивляюсь, как активистам удавалось сплотить сверстников на благие дела. Комитетчик Слава Русских в каждом классе, начиная с первого, завёл трудовые секторы, и в день субботника дети очистили от мусора не только пространство вокруг школы, но и прилегающий парк, ни единого учителя с ними не было. Однажды соседний проектный институт захотел поставить рядом гаражи, от чего могла пострадать красивая аллея. Дети сами забыли тревогу и создали инициативную группу, чтоб подключить к проблеме первого секретаря горкома КПСС и директора проектного института. Их везде приняли и выслушали. Аллея спасена! А когда готовили экскурсию в Емуртлу, то пока одни занимались концертной программой, другие договаривались с шефами об автобусе, звонили в Емуртлу, чтобы всем обеспечить ночлег.

– Жизнь кипит, события происходят. Вам можно и расслабиться.

– А вот и ошибаетесь! Подростки всегда нуждаются, чтоб взрослые признали ценность их поступков. Иначе вся система самоуправления рухнет.

Самый творческий состав комитета сложился в 1987-88 годах: стенгазеты той поры до сих пор восхищают читателей, вдохновенно жила студия

Владис Никлаев так и остался неистощимым затейником. Только теперь он Владимир Юрьевич и замещает директора школы № 70 по воспитанию
Фото Александр Романов

На такой прогулке педагогу стоит быть безмолвным подобно берёзе

Фото из архива школы № 70

Инфант Людвиг с его книгой – щедрый подарок для четвероклассников от Ольги Демидовой и Ирины Ермолич, а старинный фонарь где-то раздобыл Владис

Фото Александр Романов

Путники отрубались в молодецкий сон

Фото из архива школы № 70

пантомимы «Пластида», вошли в традицию многодневные походы на Урал и Кузнецкий Алатау, авантурные путешествия, авторские праздники. Когда этот звёздный комитет покидал школу, я понимала, что нужен какой-то новый шаг в моём развитии. И на предложение директора школы стать классным руководителем первого в области хореографического класса я согласилась, к удивлению своих коллег. Мне это показалось интересным. В ходе этого педагогического эксперимента и возникло первичное зерно – мысль о создании авторской школы. Я назову её позднее Школой моих учеников.

– Теперь понимаю: вам нужна была лаборатория для создания собственной технологии воспитания.

– Тем более в условиях, когда дети живут в школе полный день: тут и репетиции, и уроки, и продлёнка, и концерты. Кстати, я пришла уже к четвероклассникам. Коллектив возник три года назад по инициативе хореографа Веры Алексеевны Постельняк, самозабвенно влюблённой в спортивные танцы. За два дня до занятий мне показали кабинет № 20, где нам предстояло жить и творить ближайшие семь лет. Зрелище не для слабонервных. Отсюда только что выселили музей, и в стенах зияли дыры от дюбелей и крюков, а над предполагаемой классной доской красовалась огромная дыра. И никакой мебели. Что меня спасло? Я обратилась за помощью к своим комитетчикам-худсоветчикам (они уже стали студентами), и начался аврал. Жуткую дыру прикрыли смешной занавеской с белой оборкой, помесь китча с авангардом. По разным классам и даже у мусорных контейнеров собирали парты, они оказались разной высоты. Красили их заново, объединяя несоединимое белыми крышками. А Владис Никляев, главный когда-то худсоветчик, придумал композицию в митьковском стиле: крашенными в разные цвета полосами марли, закрепив их на потолке, задекорировал стену, а на марле нашли приют фотографии из наших походных приключений. Словом, кабинет преобразился в нечто невиданное и менее всего похожее на стереотипное школьное пространство. Кто-то назвал это Двадцатой комнатой. Так и повелось.

– То, как вы кликнули своих активистов, сильно смахивает на сказочный приём «Сивка-Бурка, вещая каурка». Да вы же обладали бесценным ресурсом!

– К тому же ресурсом неистощимым. Иные наши экспедиции просто немыслимы без старших ребят. Вот как мы повели своих малышей в первый зимний поход. Ночью. На лыжах. Доехали на электричке и вышли в чисто поле, до самого горизонта одни снега. Шли одиннадцать километров под звёздами – только лыжи шелестели. Когда достигли наконец заброшенной деревни Гавань, нас встретили Тимофей и Павел и повели в единственный жилой дом, где уже и печка топились, и самовар кипел, и стол был накрыт. Вот радость-то! Три дня дети гуляли и барахтались в снежных полях, парились в бане и даже бросались в снег, выбегая из парной, по вечерам рассказывали страшные истории. Во дворе кипел самовар, топили его щепочками, раздували сапогом. Искры вылетали из трубы и светились в иссиня-чёрном небе. Для чего нужна была эта заброшенная деревня, скитания в вечерних полях, самовар, баня в снегах? Для чувства Родины, её бескрайними просторами. Но главное-то ещё – для общей радости.

Приходя утром раньше всех, я включала обычно проигрыватель, и дети, появляясь, жили на фоне классической музыки, ещё не зная её авторов. То есть я неуклонно создавала их культурное поле, приобщая к радости от созерцания природы, от музыки, от живописи. Но нет ничего более сильного в воспитании чувств, чем погрузить детей в естественную атмосферу радости бытия. Помню, как мы стояли ночью на перевале Нургуш (Южный Урал), помню звёзды и ветер, и вдруг дети (семиклассники и старше) запели: «Это северный ветер, мы у него в ладонях...» Как это меня взволновало! Их радость уже требовала выхода, она выплеснулась мелодией Бориса Гребенщикова.

– Почему вам так важно культивировать радость?

– Да ведь чистая радость – главное противоядие от культа наслаждения, который так назойливо навязывает общество потребления («Главные друзья девушки – бриллианты»). Не стоит забывать, что специфика моего класса в том, что концертирующие дети уже подвержены искушениям, перед которыми они беззащитны. В их жизнь слишком рано вошли дорогие призы и бесплатные банкеты (порой с шампанским), суета, вечный праздник.

Пожалуй, лучше рассказать одну историю. В классе учился очень умный мальчик, назовём его Артём, опережающий остальных в своём умственном развитии. И танцевал так великолепно, что в качестве приза компания АСКО застраховала его ноги на огромную сумму. Я чувствовала, Артём уходит в мир красивых иллюзий. Семья не могла предостеречь его от звёздной болезни: мама и бабушка смотрели на него с обожанием, а отец расстался с семьёй. Я надеялась, что летний многодневный поход

на Кузнецкий Алатау поможет вернуть отрока в мир детства и чистых радостей. Но мама не отпустила его в поход. Всё лето он торговал на рынке с родственниками. Через два года, к девятому классу, и учёба, и танцы были забыты ради шальных денег. Кое-как его дотащили до экзаменов за 9 класс, затем ПТУ, пьянство, наркотики, колония, ранняя смерть. Как видите, если нет мудрых родителей, ранняя слава может привести к гибели. Значит, соблазнам сладкой жизни нужно создавать духовный противовес, который я называю культурным полем.

– *Насколько я поняла, занятия танцами в вашем случае предполагали профессиональную подготовку, ведь это истоки прославленного на чемпионатах Европы и мира «Формейшн Вера». Не породило ли это конфликт между массовой школой и паркетом?*

– Конфликт обнажился к шестому классу: 14 детей не проявили себя в хореографии, и по законам спортивной команды им следовало бы расстаться с нашей Двадцатой комнатой, но я не могла нанести им такой удар, воплощая принцип «все братья-сёстры». Решили состав ансамбля дополнить детьми из других школ, и понятия ансамбля и Двадцатой комнаты разошлись. Педагогика победила! Но в реальной-то жизни словно вбили клин между успешными и неудачниками. Критерий успеха был очевиден: победа в танцевальных конкурсах. Эти настроения витали в воздухе. Нужно было что-то делать, и мы со старшими ребятами повели детей на Кузнецкий Алатау, в район Поднебесных Зубьев. В начале сентября дети писали традиционные анкеты, и в одной из них я прочитала: «Главное открытие лета – поход. Мы увидели, что нетанцующие такие же хорошие, как мы». Чувствуете ситуацию? Танцоры считали себя высшей кастой. Похоже, походные испытания помогли увидеть истинное лицо друг друга, и я поняла, чему предстоит учить детей: цени человека за личностный мир, а не за принадлежность к какой-то группе, деятельности, партии. Цени за доброту, мужество, смекалку, чувство юмора...

– *Лидия Николаевна, как вы приноравливались к малолетним проказникам, как реагировали на их шалости, порой небезобидные?*

– Сначала изводилась и печалилась от бездумных детских шалостей, но однажды поняла, что

Утро в Двадцатой комнате начиналось на фоне

тихой классической музыки Фото из архива Лидии Русаковой, автор неизвестен

по-другому и быть не может: ведь передо мной подростки с их неумной энергией. Однажды, на уроке рисования вышла такая трагикомедия. Перед уроком Стас и Саша обнаружили на учительском столе (в другом кабинете) огромный будильник ещё советских времён. Они его завели в расчёте на середину урока. И когда учитель закреплял на доске в качестве образца гипсовый слепок пальметты (пальмового листа), жутко и утробно загудел будильник – учитель вздрогнул, пальметта вылетела и разбилась вдребезги, что привело публику в неописуемый восторг. Учитель пришёл в себя, быстро вычислил виновников каверзы и потребовал дневники. Когда он раскрыл дневник Стаса, то увидел, что 30-м числом апрель у него не кончился, и сегодняшний день помечен 42-м апреля. Почему-то это привело учителя в такой гнев, что он пустился по коридору за убегающими сорванцами с отчаянным криком. Вот тут-то я и увидела эту комичную сцену.

Наказывать тут бесполезно. Я просто спросила виновников перед классом: «А если б у учителя от внезапности остановилось сердце? Как бы вы жили, зная, что стали причиной смерти человека?» Есть такой закон в мире: если хочешь быть счастливым, живи так, чтоб на тебя никто не обижался, не проклинал.

– *Любопытно узнать: не вечно же вы жили на фоне крашеной марли?*

– После первого учебного года весь июнь в Двадцатую комнату приходили отцы. Они вели ремонт и под предводительством мастера-столяра (папы Насти Курендо) строили мебель: замечательные шкафы солнечного цвета. Мамы были на подхвате. Старшие ребята (девочки-студентки) пекли для них блинчики с яблоками. Самый большой сюрприз для пятиклассников – фреска над доской «Под небом голубым есть Город золотой», на которой старшие наши ребята представили всех обитателей Двадцатой комнаты (числом 38) в образе «животных невиданной красоты» с характерными манерами и жестами каждого. И мне там нашлось местечко – в образе улыбчивого крокодила. На стене против окон возникли семь тарелок. Тарелки эти, списанные из домашнего обихода, обернули влажным гипсовым бинтом, а как просохли – расписали гуашью. Но как расписали?

Ворону Степаниду Лидия Николаевна сделала почти машинально

Фото из архива Лидии Русаковой, автор неизвестен

«Мы много жили в природе: в палатках, лесных приютах, на берегу озера или в поле, в заброшенной деревне. Были мгновения, когда ребёнок вдруг остановится, задумается и просто молча посидит, глядя на небо или травинку, и взор его вдруг просветлеет и станет божественно прекрасным».

Лидия Русакова. Книга об умной, доброй и красивой школе. Т. 1
Фото из архива школы № 70

Перевал Карнизный, Кузнецкий Алатау

Фото из архива
Лидии Русаковой,
автор неизвестен

цитата

**Чистая
радость –
главное
противоядие
против культуры
наслаждения,
насаждаемого
обществом по-
требления**

Наши старшие ребята, увлечённые библейским сюжетом, создали цикл «Семь дней творения», и Володя Никляев, завершая седьмую тарелочку, высказал мысль о том, что человек призван украшать мир, то есть продолжать дело Бога на Земле. Он изобразил длань Бога и оставил место для ладони человека. Так мыслеобраз, рождённый моим учеником, открыл нам путь Сотворчества – с самим собой, с природой, с культурой, с социумом, с духовными ценностями. Сотворчество и стало нашей тактикой и стратегией.

Исповедь матери

В последний июльский день 1985 года меня навсегда покинула моя славная девочка, моя Наташенька. Чтоб не докучать клиническими подробностями, скажу только, что болезнь дочери проявилась, когда я привезла её по совету врачей к морю, в Геленджик. Только через три дня в больницу привезли из Новороссийска гематолога, и она страшно ругала местных врачей – время-то было упущено.

Нас привезли в Краснодар, где окончательно определились с диагнозом: острый лейкоз. Удивляюсь себе, я ещё чувствовала себя счастливой, ещё надеялась на чудо. Мы много гуляли, и моя девочка удивлённо спрашивала: абрикосы и сливы на деревьях – разве так бывает? Вернувшись домой, весь год провели в больнице. Мне разрешили жить с ребёнком, всё-таки рук не хватало, а я ухаживала за всеми детьми: водила на процедуры, играла с ними, рассказывала сказки. Мне приходилось утешать ребёнка в последние мгновения жизни, если мать с Севера не могла добраться до больницы из-за нелётной погоды. Не дай Бог кому-то увидеть детские муки в последней стадии лучевой болезни. Так я проводила в последний путь и мою девочку. Надо было заново учиться жить – и духовно, и физически. На исходе этого заточения у меня обострилась астма. Порой врачи, придя утром в палату, терялись, кому в первую очередь оказывать помощь. Надо было учиться просто-напросто дышать. Я насмотрелась за год на столько детских смертей, что это перевернуло все мои

представления о мире. Неведомые ранее законы бытия открылись мне в 26 лет: всё в Божьей воле. Я поседела и решила никогда не скрывать свою седину, след горя и обретения мудрости. И всё-таки счастье не покинуло меня! Господь уберёт меня от зависти к живущим детям и их матерям. И он дал мне счастливое желание – дарить детям радость. Я была теперь убеждена, что детей надо учить радоваться – это поможет им выстоять в жизненных испытаниях. Идея радостного сотворчества стала для меня отныне ключевой.

Получается немислимый вроде бы парадокс: горе переплавилось в радость? Во всяком случае, моя трагедия и астма пошли на пользу моим тогдашним ученикам. Рядом со мной они становились человечными. Мои комитетчики сдавали меня в больницу под капельницу, если приступ случался в школе, а потом по очереди сидели рядом и развлекали меня байками, и мы вместе смеялись. Они вывели меня в первый поход на Урал, умолчав родителям о том, что Лидия Николаевна еле дышит. Мы двинулись на перевал Нургуш. В тот первый поход я ничего с собой не несла, останавливалась через каждые двадцать метров, но преодолела всё-таки 70 километров горных троп. На следующее лето мне доверили нести аптечку в горах Кузнецкого Алатау. На третий год несла в рюкзаке спальник, потом – личные вещи. В этих походах активисты учились помнить о том, что не все могут бежать быстро, они учились терпению и благородству. Только в 1988 году мне удалось выйти победителем из длительной борьбы за жизнь, а у моих спасителей и хранителей моей радости начиналась их студенческая юность. Надо ли объяснять, почему мы не расстались с ними до сих пор?

Фото из архива Лидии Русаковой, автор неизвестен

Беседа третья:

важней всего создать атмосферу радости, именно она формирует личность

– Лидия Николаевна, мне не даёт покоя недоумение, как вас занесло в директорский сан. Не вижу в вашей личности симптомов карьерной лихорадки.

– Случилось это не молниеносно и в ситуации весьма сложной. Правда, этому предшествовал вполне идиллический период. Меня пригласила вести лицейный класс Клара Александровна Бакланова, в тот момент директор педколледжа № 2, который она превратила в оазис культуры, глубоко убеждённая, что любые методики бессильны, если педагог не являет собой интересную личность. Стало быть, главной направлением – воспитание личности учителя, а разве оно будет полноценным без повседневного общения с детьми? Отсюда и возник исток для лицейных (гимназических) классов. Вот в эту атмосферу творчества я и окуналась, имея полную свободу в реализации своих идей по воспитанию «симфонической» личности (я увлекалась тогда философией всеединства Льва Карсавина).

Все дети в гимназии занимались музыкой, каждый из них имел индивидуального учителя. Ежедневные уроки рисования, английский язык с первого класса. Но самое-то важное: сложилось культурное поле, общее для студентов и детей. Например, вместе с фестивалем «Солнцеворот» в жизнь студентов и детей вошли народный театр (вертеп, раёк), народные песни и танцы. А фестиваль-то кто придумал и внедрил? Владимир Никляев, известный ещё по Двадцатой комнате неистощимый зательник. Он закончил к той поре университет и пришёл в колледж как заместитель директора по воспитанию. А мне Клара Александровна кроме классного руководства поручила курировать гимназическую структуру в целом.

Всё бы хорошо. Но через три года ректорат университета увидел в колледже перспективную базу для создания пединститута в своём составе, особенно соблазнившись огромной прилегающей территорией, где можно построить жилые дома для преподавателей. В этом мощном проекте на благо высшего образования региона маленькая гимназия была обречена на ликвидацию. Тем более что она

юридически и вовсе не существовала, являясь структурным подразделением колледжа. Помню, апрельским вечером представители городской власти и университета собрали всех родителей, чтоб объявить о ликвидации гимназии. Никто из них, конечно, не ожидал, что родители встанут на защиту гимназии нерушимой стеной, что подключат и прессу и будут добиваться справедливости у главы города. В результате вышло решение мэра: выделить из колледжа гимназию № 86 в качестве самостоятельного юридического лица. Гимназия сохранена! Тут ко мне пришли родители и сказали: «Ваша концепция будет жить. Становитесь директором». Я была потрясена, ибо никогда не примеряла на себя эту роль, но не могла же я бросить детей на произвол судьбы. Так я поневоле стала управленцем и для начала принялась разрабатывать нормативную базу для новой элитарной школы.

– Но ведь вверенная вам гимназия оказалась на семи ветрах реорганизации. И, как говорится, не приведи Господь жить в эпоху перемен.

– Настоящие испытания начались, когда назначили нового директора колледжа, бывалого управленца, нацеленного именно на превращение колледжа в пединститут. Истинные намерения новой власти обнажились июньским днём 2000 года. С утра пришла учительница в слезах и подала заявление об уходе, а следом за ней – ещё 20 человек. И все плакали и просили прощения. Таков был приказ начальства: всем совместителям (а их большинство) – уволиться из гимназии, чтоб сохранить своё место в колледже.

– Выходит, ваш коллега решил заодно стать и ликвидатором гимназии...

– Удивительно, что в этой ситуации ни один родитель не забрал своего ребёнка. Я бросила клич, и учителя нашлись. Друзья моих бывших учеников, ставшие учителями. Друзья родителей. Мои бывшие ученики, работавшие в других школах. Помню, Андрею Баранчугову, моему ученику, преподававшему в тот момент физкультуру в одной из школ, я сказала, что не могу платить ему много. На что он ответил: «Да я не деньги зарабатывать пришёл, а вас спасать». После этого кадрового инцидента уже ничего не было страшно. Ни того, что гимназистов отлучили от нашей великолепной столовой, затем – от услуг медпункта. Однако мы с радостью про-

И центр фехтования, и школу скалолазания, и яхт-клуб на озере Андреевском – этот чудесный мир открыл детям педагог-организатор Владимир Анатольевич Бакланов

Фото Александр Романов

**Участники
театральной
студии в антракте**
Фото
Александр Романов

живали каждый день: бесконечные праздники, походы в горы, конкурсы, фестивали.

– Как это вам удавалось в таком угрюмом соседстве?

– Меня спасало умение ни на что и ни на кого не обижаться. Ситуация учила меня быть гибкой, ежедневно искать компромиссные варианты, каждый минус обращать в плюс. Чтоб не погрязнуть в мелочных конфликтах, я овладевала информационными технологиями, лицензировала гимназию, провела её через аттестацию и аккредитацию. Поступила учиться по программе Международного института менеджмента ЛИНК. Я никогда не обсуждала с коллегами служебные интриги. Мне важно было заслонить наш мир, не омрачать радость творчества, а этого не добиться без моего спокойствия и внутренней тишины. Приходилось быть мудрой.

– Однако, думаю, все мечтали о собственном Доме.

– Разумеется. Тем более было ясно, что педагогическому институту понадобится всё здание. Развязка наступила неожиданно. В частном разговоре ректор университета Геннадий Филиппович Куцев вдруг спросил меня, не соглашусь ли я возглавить соседнюю школу (начальную № 70) и не перейдут ли за мной все остальные. Это был намёк на то, что гимназия может выжить, но в новом качестве. Я ответила, что, безусловно, все за мной последуют. По сути, это и решило исход дела. Вакансию, как я поняла позднее, уже создали для меня. Правда, и тут вновь похлопотали родители. Словом, я согласилась, хотя ситуация возникла занимательная: моя школа теряла номер и статус гимназии и вливалась в заведение с укладом и стилем начальной школы.

– У меня волосы дыбом от вашей решимости!

– Исход гимназии в школу № 70 все приняли безоговорочно, но коллеги тоже поразились лёгкости, с которой я согласилась. А я увидела перспективу для детей и потому приняла решение: неважно, в каком статусе окажется школа, важно дать дальнейшее развитие той идее, которая вызрела ещё в Двадцатой комнате (38 человек), оформилась и апробировалась в гимназии (250 человек) и теперь выплеснется в массовую среднюю школу, охватив свыше 1000 учеников. (Примечание: в 2016 году случилось присоединение соседней школы № 66, и количество детей превысило 3000).

– Понимаю: у вас появляется шанс поменять минус на плюс. Однако удивляюсь, что и, окопавшись, так сказать, вы отказались от гимназического статуса.

– Гимназия требует узконаправленной академической сферы, сосредоточенности на учебных целях, а это неизбежно ведёт к отбору детей. Я же хочу, чтоб все дети получили равные возможности для всестороннего развития. Важней всего создать атмосферу, где рождается личность, умеющая самостоятельно мыслить, способная к деятельному добру

и социальной ответственности. Так думаю я сейчас, по прошествии почти двадцати лет с того памятного дня, когда я со своими дорогими коллегами сидела на полу уже опустевшего директорского кабинета, и мы запечатывали сосуд с воздухом гимназии № 86, чтоб выпустить его на волю в новом неизведанном пространстве.

– С чего вы начали новую жизнь?

– Представьте себе, пришлось срочно спасать торцевую стену четырёхэтажного здания от поразившего её грибка. Немедленно чинить кровлю, протекавшую до второго этажа, ремонтировать весь третий этаж, решать ситуацию с кормлением детей. Но главное – предстояло дух маленькой гимназии внедрить в повседневность массовой школы.

– Думаю, надо быть изощрённым дипломатом, чтоб наладить диалог в процессе слияния несмнянного.

– Да, избежать явной и тайной вражды между «нашими» и «чужими», пожалуй, посложнее, чем расправиться с грибком на стене. Приходилось для начала поэтапно и осторожно менять административную команду, делая кадровый отбор в пользу не столько профессионалов, сколько тех, кто «управляет духом войска». Наладить взаимодействие всех со всеми!

– Легко сказать! Но масштаб-то каков! Количество классов возросло раз в десять, и значит, кадровая проблема вопиёт...

– Не забывайте, что за мной в Школу Сотворчества пришли 12 моих единомышленников, моих друзей, моих учеников. О каждом из них можно слагать поэму. Следом за Андреем Баранчуговым вся школа то учится играть в теннис, то увлекается мини-футболом, скандинавской ходьбой, стрельбой. А выдумщик и фантазёр Евгений Показаньев, бросивший успешный бизнес ради педагогики, перевёл преподавание технологии в неведомые до него формы проектного бюро, конструкторского центра, клуба изобретателей, преобразил обычную мастерскую в Город мастеров. А энергии влюблённой в сады Лилии Касько не составило труда вовлечь детей в садовые хлопоты, объяснив, что работы в саду облагораживают не только тело земли, но и садовода. А как рассказать вам о Владимире Бакланове, морском волке и поэте жизни, примере рыцарства для подростков, руководителе фехтовального клуба «Камелот», он учит рубить дрова в диком лесу, разжигать костёр в дождь и град, строить мосты через бурные реки. А упоминаемый неоднократно Владимир Никляев, мастер по преобразению повседневности в праздник, блестящий театральный импровизатор, режиссёр оригинальных постановок, инсталляций, обрядовых хороводов в придуманном им фестивале «Солнцеворот»!

Все они, названные и неназванные, – творческие личности, и теперь неясно, кто у кого учится: они у меня или я у них.

**Фрагмент
Французской
вечеринки.
Вечеринки были
Спортивная,
Математическая,
Яблочная...**

Фото из архива
школы № 70

**Парад 9 мая
проводится ярко
и коротко, чтоб
никто не устал.
Участники
и зрители парада
меняются
в течение дня**

Фото из архива
школы № 70

Однако такими вдохновенными выдумщиками и энтузиастами не могут быть все 200 педагогов: зачем свою жизнь осложнять? Значит, для директора напрашивается один выход: создай систему, которая если и не вдохновит всех, то хотя бы организует. Цикл праздников в учебном году открывают Осенние дебюты, где каждый из 112 классов за пять-семь минут демонстрирует перед всеми, «какими мы стали за минувшее лето». Любование успехами друг друга, атмосфера радостного сотворчества мобилизует и учительскую побудительную мотивацию, никто же не хочет остаться в аутсайдерах.

Ничто так радостно не сплачивает всех, как два праздничных годовых цикла. Один из них ориентирован на природу (Праздник осеннего костра, Зимних холмов, Весна света), другой – на историю школы (День лица, День семьи, Праздник нашего сада). А если добавить ещё и то, что абсолютно все вовлекаются в игровую атмосферу то Недели книги, то Недели яблока и тому подобных выдумок. А с 2015 года появились и вечеринки, и на первой из них – «Пушкинская ночь» – директор школы принялась печь норвежские вафли, создавая фон для знакомства детей с книгой Марии Парр «Вафельное сердце». И в конце, после мастер-классов, все от мала до велика – от 10 до 17 лет – уселись на матах, и пятиклассники читали весёлые стихи про Пушкина и про себя, а директор всё пекла и пекла вафельные сердца...

– А не возникает ли у вас с праздниками перебор?

– Счастья много не бывает. Но можно ответить и по-учёному: при возделывании культурного поля в нашей школе сложилась триада: праздники (события) – учение (труд) – путешествия (движение). Радость, переживаемая в праздниках, открывает сердца навстречу друг другу. Именно в радости мы учимся деятельному добру. Позитивное преобразование мира начинается уже с таких невинных забав, как мастерить кормушки для птиц, скворечники к весне, садовые экспозиции в летнем саду. Думаю, что вне радости любая деятельность бессмысленна, и потому рискну сказать, что труд (учение) вторичен. А зачем так нужны путешествия? Важно открыть, распахнуть юному сознанию целостную картину мира, всеобщую связь времён и пространств, всеединство. Путешествия мы осваиваем и как странствия, учась созерцанию пространства у Михаила Пришвина, и как паломничество – допустим, в Георгиевский храм Старой Ладоги к единственной фреске в мире, где Георгий Победоносец поражает Змея словом. А чего стоят образовательные путешествия в Петербург в школу культуры «Ковчег», куда дети регулярно выезжают на сессии и осмысливают свой диалог с уникальным городом в коллективных проектах.

**Наедине с тишиной. Пушкинские горы
Псковской области**

Фото из архива Лидии Русаковой, автор неизвестен

Тема сотворчества не исчерпана, если умолчать о нашей дружбе с родителями. Знаете ли вы, что наш скалодром и строил, и оснащал отец наших учеников Андрей Александрович Шелпаков? Можно сказать, он спас микрорайон от трудных подростков, чья неуёмная энергия переключилась теперь на скалодром, а затем на скальные рельефы Урала. А бесшумным руководителем рок-клуба на многие годы стал отец двух наших учеников Алексей Викторович Смолин, хирург по профессии, музыкант по призванию, не бросивший нас и после выпуска сыновей.

– Когда-то в Двадцатой комнате вы по утрам встречали своих питомцев, включая к их приходу классическую музыку. А сейчас как?

– Недавно один первоклассник сказал: «Мама, вот вырасту и стану директором школы». И в ответ на её недоумение пояснил: «Я буду встречать всех утром на крыльце школы и говорить каждому «Здравствуйте». Он точно знает, что должен делать директор школы.

Несколько слов от автора

«Учитесь властвовать собой» – призывает наш великий поэт (правда, устами своего загадочного героя). Но кто в силах обрести власть над собой, одолеть зависть, обидчивость, лень, алчность, гордыню? Оглянитесь вокруг и присмотритесь, многим ли удаётся одолеть своих демонов.

Свыше сорока лет Лидия Николаевна учит детей быть творцами радости для себя и других. Она верит, что радость заслонит и спасёт их от пошлости и невзгод. Она отдаётся своему делу сполна, как и подобает христианскому подвижнику. А фигуры дюжины преданных учеников, следующих за Учителем фарватером радости, словно отбрасывают на эту историю, так мне видится, отсвет евангельской притчи.

Урок хореографии

Фото из архива школы № 70

ЦИТАТА

Гимназия требует сосредоточенности на учебных целях, а это неизбежно ведёт к отбору детей. Я же хочу, чтоб все дети получали равные возможности для всестороннего развития

ВЛАДИМИР БЕЛОВ: «КАК КРИЧИТ КРАСНОКРЫЛАЯ ВОЛЬНАЯ ПТИЦА»

В.И.Белов.
Вторая половина
1970-х годов,
г. Тюмень
Из архива семьи
Беловых,
автор неизвестен

Горизонты за окном

Ещё в отрочестве позвоночник его был перебит деревом, случайно упавшим на мальчика. Это поставило Владимира Белова в особую ситуацию перед миром людей. Но он смог драматизм своих конкретно-биографических обстоятельств переплавить в культурно-историческое обобщение, которое оригинально выражает сущностные черты российского сознания семидесятых и начала восьмидесятых годов

Текст **Сергей КОМАРОВ**

П ОЭЗИЮ Владимира Белова пронизывает ощущение дефицита смысла в окружающей лирического героя жизни. Отсюда риторичность его вопрошаний, обращённых к себе, к людям, во вселенскую пустоту. Герой Белова изначально верит в бессмысленность сущего, он пытается дать однозначные ответы, резко обостряя и драматизируя ситуацию, делая для себя и читателя искомый ответ жизненно необходимым. И это взвинчивание эстетически срабатывает, оправдывая и скрадывая однозначность конечной формулы.

Но чаще герой декларирует, что ответ – в самом процессе жизни, в стихийной гармоничности природного мира, и единственное счастье – в соответствии ему. Герой Белова демонстрирует это всем строем чувств, ощущением масштабности и кристалльности мироздания: «... задыхаясь от звёздной тоски, // сквозь гвоздями пробитую крышу, – // музыку звёзд, / обжигая зрачки, // лицом запрокинутым слышу!...»

Стихи пронизаны особым эффектом незаполненности, пустоты пространств, их беззвучностью и неподвижностью. Видимо, всё это дополнительно обострялось физической малоподвижностью самого поэта, который в Тюмени месяцами не покидал крохотную комнату, ностальгически всматривался в горизонты за окном, творческими усилиями разрывая границы своей несвободы. Однако за счёт излюбленных резких красок, монтажа общих и крупных планов, смысловых переходов рисуемые пространственные картины обретают у него волнующую напряжённость: «Розовые дали над лесами, // и по всей округе – ни души. // Чёрные леса да камыши... // высоко прикрыты небесами»; «И пашня угольно-черна // Курится дымом и навозом. // И спит под солнечным наркозом // На жёлтых ивах тишина».

Пронзительность стихам Белова придаёт редкое соединение чувственного и рыцарского начал по отношению к женщине, она является для поэта продолжением природной сущности мира. И поэтому отношения лирического героя с женщиной всегда явно или неявно драматичны, интимны и одновременно космичны. Именно здесь, по Белову, находятся границы быта и бытия, человека и космоса, конечного и бесконечного, смертного и бессмертного. Поэтому он так много пишет о любви. Это дефицитная на сегодняшний день мужская поэзия: «И я молю: / дойди одна до света! // И на заре двухтысячного лета // У входа в Вечность – / подожди меня!...»; «И я молю кого-то среди стен: // Прошу в огонь меня // или на стужу! // За стон её – // вся жизнь моя взамен. // Но господи – // не трогай её душу! // И не разбей о камни ей колена...»

«Хотел бы я, пылая чубом белым, прийти к калитке юности твоей...»

Из архива семьи Беловых, автор неизвестен

Стихи Владимира Белова полны ощущения собственной силы, её избытка, её нерастраченности, её особой концентрации в герое. Они оставляют в сознании читателя образ сильного и тёплого человека. В них есть какое-то стихийное здоровье, которое значительно выше обыденной нормы при том, что ощущение неблагополучности мира, его кризисности не исчезает, а может быть, даже и усиливается.

Поэт действительно чувствовал, что другим дано физически больше, но они этого не понимают, не используют, не умеют жить во всю мощь. Он называл всех обывателями и «некрофагами». В нём был силён традиционный для нашей литературы антимищанский пафос: «А жирный раб, / не поднятый с колен, // Всё охраняет призраки на стенах // Да яблоки червивые в саду...»; «Чёрт возьми! // Всюду шляпы серые – // Вместо лиц!.. // Люди милые, люди грешные, // Холод люте. // Одолжите полспички нежности. // Не дают».

Он всегда был чуток к публичным спорам. Жаркие дискуссии второй половины семидесятых годов о поэзии Юрия Кузнецова и «кузнецовщине» (неоромантический бунт личности, создание своего мифа о России, символично-притчевая образность, актуализация и обновление блоковской традиции), видимо, сказались на эстетических воззрениях Белова.

Невозможность издать при жизни такую книжку стихов, за которую было бы не стыдно ни перед собой, ни перед врагами, ни перед друзьями, бескомпромиссность и одновременно желание быть услышанным и напечатанным

В.И.Белов и сотрудник Аромашевской районной газеты «Слава труду» В.А.Бердов. Первая половина 1970-х годов

Из архива семьи Беловых, автор неизвестен

обостряли ощущение опальности, и он подчёркнуто культивировал его в себе: «Открыл глаза и ха! – / мне тридцать лет. // И на меня расставлены капканы...»; «Я никогда седым не стану. // Вернее – не успею стать...»; «Мне ничего не надо – я богат, // хотя и нет рубля на сигареты...»; «Когда-то ваш / меня убивший свет – // Ослепших ослепит во мраке!» Белов чувствовал себя поэтом, он держал себя как поэт, даже как мэтр по отношению к более молодым. Он был резок и одновременно пафосен в разговорах о Достоинстве Поэта и его Слове, о слабостях своей и чужой строки. Он хотел написать так, чтобы далёкий читатель увидел в стихе именно этот, сегодняшний, закат. Поэтому и стремился быть максимально точным, чувственным, зримым.

В его пустынной комнате среди голых стен – у окна – висел вырванный из «Огонька» со-

**В.И.Белов,
С.А.Комаров,
С.Г.Горбунов.
1981 год,
г. Тюмень**

Фото Ю.Ефимов.
На обороте рукой
В.И.Белова написано:
«Тюменские пииты».
Из архива
С.А.Комарова

мовский портрет Александра Блока. А рядом с ним – увеличенная друзьями поясная фотография самого близкого по духу, по жизни, по крови – почти былинного на вид – деда вместе с незащищённым маленьким внуком Володей.

Поэтический мир раннего Владимира Белова отмечен отчётливым влиянием Сергея Есенина и «тихой лирики» шестидесятых годов. Идея малой родины, её покидания и покаянного возвращения блудного сына, единства природного и жизненного циклов во многом организуют его. Но мир малой родины не идеален, полон духом горьких и несъятых послевоенных лет российской глубинки: «Играли в бурьянах / в войну пацаны. // И плакали вдовы... / Скорбела держава. // И мать мою звали / порусски Любава. // И – пятая осень / пришла без войны»; «Ночь. / И белой совою повисла луна. // Пахнет хлебной сухой тишиною. // И в задымленном зеркале – / крест от окна. // Сплю за дедовой потной спиной». Прописанная в ранних стихах органическая укоренённость героя в среде и возможность пути-дороги как духовного поиска послужили опорой для зрелого городского жителя Белова, когда катастрофичность мироздания казалась почти абсолютной. Он весь год ждал лета и возвращения из Тюмени в родное село, где напишется что-то необычное. Он всегда с особым чувством привечал у себя земляков. Но зачастую запланированного возвращения в село не было, и Белов снова целый год, а то и больше, бредил им:

Я дома... Ночью на крыльце –
Светло и тихо. Новолунье.
Как блудный сын, стою в раздумье,
С улыбкой тёмной на лице...
А где-то город весь в огнях!
Кафе, киоски и вокзалы...
Мне ж ближе – лунные увалы
Да лай собачий в деревнях.
Растратив, как игрок, года,
Я осознал, что здесь – не где-то –
Моя земля, моя вода
И – под берёзой кости деда...
А над лесами с двух сторон
Воспалены восток и запад...
И земляники сладкий запах
Тревожит светлый полусон.
Курю в раздумье – и молчу.
И в сумрак дали воспалённой –
Свищу, как брату, дергачу
Туманной полночью бессонной.

Так как в силу жизненных драматических обстоятельств Владимир Белов смог закончить только пять классов школы, то можно представить по стихам, какую огромную культурную работу он проделал над собой. Диапазон его пристрастий и постоянного чтения в семидесятые годы резко увеличился. Появилось стремление к лаконичности и чеканности формы. Краски сгустились, детали и эпитеты стали перерастать

В.И.Белов.
Вторая половина
1970-х годов,
г. Тюмень.

Из архива семьи
Беловых,
автор неизвестен

В.И.Белов. На кухне
собственной
квартиры
в Тюмени.
Конец 1970-х –
начало 1980-х
годов

Из архива семьи
Беловых,
автор неизвестен

в мотивы. Изменился предметно-вещный мир в стихах. Укрупнился герой, его отношения с пространством и собственным детством, с односельчанами и временами года переросли в отношения со Временем, Вечностью и Эпохой, Атомом и Ребёнком, Любимой и удачливыми Дураками, с Мировой Историей Искусства. Мальчик, покинувший малую родину, превратился в Поэта. Поэта по поведению в стихе и в мире.

Уже мало надеясь издать книгу при жизни, он начал её готовить к посмертному изданию. Он стал более целенаправленно, но разрушая хронологические рамки, формировать и дописывать циклы. Белов сознательно хотел достроить «Свой Мир».

Юмор всё чаще становился чёрным. Его квартиру можно назвать проходным двором брежневской Тюмени. Завсегдатаями в ней были, с одной стороны, полудеклассированные элементы и знакомые по большичным обстоятельствам, с другой – начинающие поэты и их друзья, а также сбегавшие в запой члены Союза писателей.

Владимир жил на пенсию по инвалидности, которой не хватало даже заплатить за квартиру, поэтому он и не платил, а питался в зависимости от того, что приносил с собой очередной гость. Замок в двери закрывался только на ночь.

Владимир любил гипнотизировать взглядом и чтением своих стихов незнакомых женщин, верил в собственный полураспутинский магнетизм, устраивал целый спектакль в момент прихода новой жертвы, а их было немало. Он был стихийным, резким и непримиримым в быту. Женщины, обычно юные и сильные, которые пытались, до самопожертвования, как-то упорядочить его жизнь и быт, отвадить случайных людей, долго не выдерживали тяжкого ритма жизни беловской квартиры. И уходили. И только тогда он как-то начинал осознавать случившееся («Любимая, не так тебя любил я!»), каяться, но было уже поздно. «Ты уходила

из моей судьбы, как из больницы – тяжелобольная...» – эта формула не случайно отчеканилась в финале одного из его стихотворений. В её силе – горькая и светлая правда той напряжённости жизни, которой окупалась поэзия. Такова была «безнадёжная расплата». Он не хотел заниматься ничем, кроме поэзии, и по примеру знаменитых предшественников любил петь свои стихи под гармонь.

В последние годы, прочитав «Мастера и Маргариту», Белов чувствовал себя Воландом, иногда назначая близких знакомых на разные роли из свиты. Большая стена комнаты в результате этих увлечений по просьбе хозяина была искусно разрисована простым карандашом. Так один из пришельцев обессмертил на ней свои фантазии на мотивы булгаковского романа. А перед этим весьма странное юное создание, какой-то период ночевавшее здесь же в углу на

В.И.Белов. Первая половина 1970-х годов.

Из архива семьи Беловых, автор неизвестен

голом матрасе, а как позднее выяснилось, замешанное в криминальной истории, выполняло функцию летописца дома, для чего была заведена специальная полубухгалтерская тетрадь.

Кто-то из знакомых Владимира вспомнит другие подробности жизни и быта поэта. Например, его первую жену, о которой он всегда тихо и благодарно говорил. Она, как ребёнка, мыла его в ванне, выносила в поле дышать и писать. Белов же был беспутен, груб и неблагодарен. Память об этом всегда жила в нём. И когда ребята поехали хоронить поэта на родину, то совершенно случайно встретились на автовокзале именно с этой женщиной, а она как будто почувствовала беду и разговорилась с ними. Или, например, как ушла его последняя жена – и он, будучи совершенно один и имея возможность передвигаться только на руках, выбрался без копейки в кармане ночью на центральную улицу Тюмени, как-то поймал такси и ездил искать её, не зная даже адреса, что было, конечно, абсурдно, безрезультатно.

В тот момент это был мужчина почти тридцати трёх лет с голубыми глазами, светлыми длинными вьющимися волосами, орлиным носом, с могучим атлетическим торсом, с завораживающим по силе и красоте басовитым голосом.

Он родился 27 октября 1949 года в селе Большой Кусеряк Аромашевского района, а умер в Тюмени 23 мая 1983 года, «у красного обрыва на краю». Поэт смел посылать своё Слово, «как проклятие... грешным людям и Богу». Оно не свидетельство агрессивности, а знак веры в неподчиняемость Слова никому, знак убеждённости в его естественном бессмертии:

Из провалов небес лиловых
Кружит пепел к порогу...
Прокричу, как проклятие, Слово –
Грешным людям и богу!
Архитектор их был бездарен.
Получился в итоге
Вечный памятник из развалин –
На вселенской дороге...
Только тополь в огне залива
Моет чёрную ногу...
Постою, покурю у обрыва.
Оглянусь на дорогу.
Прокляну и врага, и брата
За горящую крышу!
Это будет со мной когда-то.
Оглянусь – не увижу...

Нет прежней империи, нет уже почти сорок лет и поэта, а слово его волнует «грешных» и не ощущается как проклятие. Наоборот, боль Белова за родину стала ближе, понятнее. Она стала общей, потому что то, о чём кричал поэт современникам, обернулось повседневной реальностью. Его «полспички нежности» способны согреть и сегодня.

ДОМ КУЛЬТУРЫ

Я играю роли, которые люблю. Вернее, я их ненавижу, потому что они душевно затратные, но всё равно люблю. Раньше – да, были такие спектакли, в которых заставлял себя играть. Я уставал ещё на подходе к театру и весь вечер думал: поскорей бы, поскорей бы завтрашний день. Сейчас такого нет

Всё это ДЖАЗ

Наши любимые ритмы

Текст Виктория ЕРМАКОВА

Фото Людмила Стойлова

Помните, как сказал поэт: «если звёзды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно...» А ещё я думаю так: чтобы на творческом небосклоне засияла очередная звезда, у неё самой должно хватить сил и внутреннего огня.

Т ОГО САМОГО, что поможет оторваться от земли и разгореться в полную мощь. Да ещё и дорожку подсветить тем, кто непременно к ней потянется – к личности яркой, цельной, неординарной...

Сегодняшняя гостья журнала – джазовая певица Инга Лударева – как раз из «звёзд», к которым люди тянутся. Она много раз выступала вместе с мировыми знаменитостями. Была первой представительницей нашей страны на международном фестивале «Мададжазкар» в Республике Мадагаскар. Тогда, в 2011 году, он проводился двадцать второй раз и мог бы по-прежнему оставаться в стороне от российского музыкального пространства, если бы его организаторы не привлекло обаяние и растущая популярность сибирской леди-джаз. (О присвоении Инге этого титула упоминается в изданной за два года до её поездки в Антанариву Энциклопедии российского джаза). Называет себя человеком планеты. Поёт на русском, английском, французском, итальянском и испанском языках. А вот ещё любопытная информация: Инга тринадцать лет руководила тюменским джаз-клубом, пять лет вела на радио программу «Острова Джазефины», организовала у нас

в городе фестиваль «Семь вечеров джаза», выступала саунд-продюсером телевизионного фильма «Случайный вальс» с участием тюменских музыкантов и удостоилась за него диплома «ТЭФИ». Впрочем, это уже история. Хотя сегодня, когда наша культура постепенно возвращается к привычным ритмам, а артисты наконец-то распрощались с состоянием утомительного полубездействия в атмосфере полупустых залов, все мы оказались вовлечены в нетерпеливое ожидание новых встреч с ними, их новых музыкальных сюрпризов. А это значит, что есть темы для обсуждения и желание вспомнить то, что, с одной стороны, уже положено в копилку опыта, с другой – даёт импульс двигаться дальше, осуществлять прежние планы и строить новые.

– Инга, так и хочется спросить: выход из сумрака состоялся?

– Если вы о том, каким непростым был для нас минувший период, то да... Всё-таки работа артиста – это всегда некое миссионерство. Ты выходишь и делишься с залом любовью к той музыке, которую исполняешь. И получаешь огромную эмоциональную отдачу. Потому что когда эта любовь искренняя, иначе и быть не может. Я полностью согласна с Эдит Пиаф, которая считала, что артист и зритель не должны встречаться вне сцены. Так что бытовой «пиар» – это не моё. Я слишком занята музыкой и работой, чтобы тратить время на суету, на постоянную поддержку созданного поклонниками «звёздного» стереотипа. Поэтому мне по-настоящему не хватало живого общения, встреч с публикой.

С американской певицей Шэрон Кларк

Фото из личного архива И.Лударевой, автор неизвестен

Но всё-таки мы старались: соблюдая все предписания, связанные с пандемией, во Дворце культуры «Нефтяник» проводили вместе с коллегами наши традиционные рок- и джаз-«атаки». Недавно вместе с ведущим джазовым оркестром города «Золотая труба» подготовили очередную программу с участием известных музыкантов Максима Пиганова и Ростислава Кочетова – солистов Государственного камерного оркестра джазовой музыки имени Олега Лундстрема. До этого в рождественские каникулы в составе творческой команды я приняла участие в концерте «Новогодний серпантин» и с огромным удовольствием исполнила культовую песню «Белое Рождество», написанную знаменитым Ирвингом Берлином, по одной из версий, тюменским уроженцем. И главное – я начала наконец подготовку к большому сольному концерту, который осенью надеюсь провести на моей любимой площадке – в главном зале «Нефтяника». Продумываю репертуар, оформление сцены, свой будущий образ.

– И, конечно, каждый день репетируете?

– Как раз нет! В некоторые дни не пою совсем, но, чтобы вы понимали, это совершенно нормально. Чтобы быть в голосе, певица должна уделять внимание питанию и сну, то есть восстанавливаться. Вот тогда всё у неё будет в порядке. Мне огромный заряд энергии и желание что-то делать обеспечили нынче друзья. Я получила поздравления с днём рождения даже от людей, с которыми не виделась больше десяти лет. Были звонки из Москвы, Киева, Сербии, Италии, Франции, из Индии и Эмиратов, из Америки, даже с забываемого Мадагаскара. Сейчас слушаю очень много любимой музыки: у меня только на телефоне около сотни джазовых радиостанций. Хожу, наслаждаюсь. И, конечно, жду встречи с тюменцами – мечтаю вернуться к полноценным выступлениям.

Музыка, слобренная перцем

Собственно, с этого мы и начали сегодняшний разговор – с притяжения сильной личности, с её способности влиять на окружающую действительность. Инга признаёт: «Тюмень – город не джазовый...» Сама я бы тут ещё уточнила: прагматичный город, деловой, не слишком расслабленный, в конце восьмидесятых стяжавший славу «столицы русского панк-рока», но в этом качестве окончательно не утвердившийся. Повзрослевший город, остепенившийся. Очень неглупый. И джаз в Тюмени – это практически гурманское блюдо для его таких же повзрослевших, деловых и неглупых жителей. Это музыка, которую нам надо было распробовать. А потом долго сравнивать, перебирать вкус богатейших оттенков джазовых стилей. Словом, публика для предстоящих концертов не могла взяться из «ниоткуда», и соответствующее музыкальное поле не могло сформироваться само собой. И поскольку моя собеседница это прекрасно

Во время выступления с оркестром «Золотая труба»
Фото Юрий Хозяинов

понимала, она действовала в согласии со своей миссионерской убеждённой – возвращала. Готовила аудиторию для себя и других тюменских коллективов, проводила музыкальные мероприятия. Мне же объяснила: «Если этим не заниматься, выступать будут только гости. Музыкант развивается в синергии, можно даже сказать, в симбиозе с близкими по духу людьми. Он растёт на концертах, ему как воздух нужна возможность музицировать со «звездами»... Отсюда – годы руководства джаз-клубом, иногда даже на грани ущерба сольной деятельности, отсюда джазовая программа на «La femme радио», которую она сразу же начала позиционировать как популярно-развлекательную:

– В ночном эфире на протяжении трёх часов три раза в неделю звучала джазовая музыка. Я приносила записи из своей коллекции, рассказывала об истории джаза, знакомила слушателей с любимыми исполнителями. Это было время счастья, свободы, сотворчества и сотрудничества. Мне и моим единомышленникам тогда очень хотелось, чтобы люди кроме ресторанов и ночных клубов шли в большие концертные залы. И однажды мы почувствовали: среда начала меняться... В 2006 году Тюмень стала местом проведения семидневного джазового фестиваля, на который приехали многие известные личности, такие как Андрей Кондаков – пианист, мастер импровизации, арт-директор легендарного петербургского джаз-клуба, замечательный американский саксофонист Джесси Джонс, потрясающая вокалистка Дениз Перье. И лучшие тюменские музыканты получили тогда возможность выступить с ними на одной сцене. А несколько лет спустя наш город посетила сама Шэрон Кларк, одна из лучших представительниц традиционной вокальной джазовой школы. И я пела вместе с ней...

Не первое десятилетие джазовые программы – местные или с участием приглашённых звёзд – находят в Тюмени понимающего слушателя.

С друзьями на юбилейном концерте
Фото Дмитрий Сиялов

Инга и сама смогла в полной мере оценить благодарность аудитории, когда во время её юбилейного концерта произошла нелепая накладка. Случилось так, что в тот же самый день и час на другой площадке города выступала чернокожая джазовая певица. Моя собеседница неоднократно признавалась в огромной любви к творчеству именно африканских и афроамериканских исполнителей: «Я учусь у них петь. Каждое их выступление – это история жизни, глубочайшая, трагичная, полная страсти. Очень люблю их ритмы. Мне иногда кажется, что люди в Африке рождаются с музыкальными инструментами в руках...». Но тюменцы в тот раз не обратились на экзотику. Зал, где выступала их любимица, был практически полон.

– Это получился действительно классный концерт, на который съехались многие мои друзья. Я выбрала для него образ Белой Лулу – реальной женщины, некогда обожаемой жителями Нового Орлеана, хозяйки увеселительного заведения, где играли джаз. В качестве задника сцены мы взяли панораму знаменитой Бурбон-стрит, по которой сто лет назад маршировали первые диксилендовые оркестры – как дань уважения колыбели джазовой музыки. Порой, слушая винтажный джаз, погружаюсь в него настолько, что мне начинает казаться, будто я сама жила в то время – танцевала в ночных клубах Луизианы, плавала на пароходиках по Миссисипи. Можете представить, что эта музыка когда-то звучала повсюду: на плантациях, в церкви, в театрах, недаром у джаза так много стилей. И все современные музыкальные направления – тоже дети джаза. Может быть, я так чувствую, потому что любовь к нему у меня зародилась в детстве, после того, как мы с мамой сходили на фильм «В джазе только девушки». Мне тогда очень понравилось определение, которое дала Душеч-

Вместе с мамой на презентации книги Всеволода Бессараба «Ирвинг Берлин и джаз Тюмени»

Фото Юрий Хозяинов

Каждый образ певицы эмоционален и до мелочей продуман

Фото Юрий Хозяинов

ка, героиня ленты. Она назвала его «музыкой с перцем». Вообще, я долго ассоциировала джаз с фильмами Голливуда: с перьями, блёстками, бесконечным гламуром.

– *И эта детская любовь росла вместе с девочкой, превращаясь в зрелое и сильное чувство?*

– Знаете, вот здесь я бы очень хотела сказать несколько слов благодарности своей маме, с которой мы и сегодня друг друга постоянно поддерживаем. Ещё находясь в положении, она купила пианино, чтобы обучать дочку музыке. Я играла на инструментах, танцевала, много пела. Причём пение для меня было настолько естественным, что я даже не задумывалась, что оно может стать основой моей карьеры. Расскажу вам один случай из детства. Как-то под Рождество мы с подружками сели гадать. Решили пристать к духу Пушкина со всякими девчачьими проблемами. Меня тогда больше всего занимало, а буду ли я великой актрисой. И вдруг получаю ответ: «Да!» Я, естественно, начала задавать дополнительные вопросы: «Стану звездой театра?» – «Нет». «Известной танцовщицей?» – «Нет». «Начну сниматься в кино?» – «Может быть...» Словом, жанр моей деятельности поэт не определил. Удивительно, но в кино потом вместе с тюменскими друзьями я действительно снялась, так что предсказание попало в точку. А про пение тогда даже не спрашивала – пою и пою, что здесь удивительного... Но Александру Сергеевичу до сих пор благодарна за то, что он со мной так откровенно поговорил. Не случайно, наверное, на все наши сегодняшние мероприятия можно попасть по Пушкинской карте.

В разговоре Инга нередко отшучивается. Смеётся и сейчас: вот если бы я сразу пошла в правильном направлении, наверное, уже имела бы собственный самолёт... И всё же из этих её поисков, из многочисленных и, как оказалось, совсем не лишних практик, из извилистых, порой до обидного неторных дорожек, складывался путь к последующему успеху. Потому что когда-то даже её мама Галина Фёдоровна, обеспечившая дочери необходимую творческую базу, предполагала, что развиваться Ингины таланты будут совсем на другом поприще.

Песня на всю жизнь

– Лет, наверное, с четырёх мама буквально за ручку вела меня в искусство. Был период, когда мы жили в Москве и постоянно ходили то в Кукольный театр Сергея Образцова, то в Большой, причём чаще всего на балетные спектакли. Мне посчастливилось видеть, как в «Кармен-сюите» танцует Майя Плисецкая. Не удивительно, что я влюбилась в балет и после второго класса вместе с мамой отправилась в Московское хореографическое училище на просмотр. Там, несмотря на то, что была я девочкой довольно худенькой, комиссия пришла к выводу, что природных данных для классического танца у меня нет. Увидели во мне будущую «народницу» или «эстрадницу». А поскольку эстрадные танцы мне тоже нравились, я на какое-то время с головой ушла в хореографию.

В Тюмени Инга Лударева занималась у известного балетмейстера Эдуарда Соболя, потом в хореографической студии «Спектр». Тогда же и прикипела душой к «Нефтянику»: «Для меня это лучшая площадка города, и не только по звуку и свету, но и по общему ощущению комфорта, в который погружаются артисты и зрители...» И поступать в 1989 году она поехала в Киевское эстрадно-цирковое училище именно на хореографическое отделение. Вот тут-то первый раз её по-настоящему развернули лицом к будущей судьбе. Педагог, набравший курс, подсказал, что в этом году можно попасть на эстрадное искусство. Сформулировал он это примерно так: «С вашими талантами пользуйтесь тем, что набирают вокалистов. Потому что танцевать всю жизнь вы не будете, а петь сможете до глубокой старости...». Инга послушалась. И сразу была зачислена на второй курс.

– Осваивала эстрадное пение и разговорный жанр, что в последующем мне очень пригодилось, особенно когда стала работать на радио. Да, я владею художественным словом, могу профессионально вести концерты любого уровня. Там же, в Киеве, начала втягиваться в гастрольную деятельность, и всё у меня складывалось вполне успешно, несмотря на то, что дело шло к распаду огромной страны. Помню, был собран чемодан, мы собирались после новогодних праздников выступать в Польше. А встречать 1992 год я прилетела в Тюмень к самым близким своим людям. Что тогда случилось? Может, пришло понимание, что обстановка скоро изменится... Но здесь меня пригласили работать в частный театр, и я согласилась. И вместо Польши вдруг оказалась на тюменском севере, объехала его весь, озвучивая гномов, фей, всяких бабок-ёжек! Это было так весело, что я ничуть о своём выборе не жалею. Кстати, мой собранный тридцать лет назад чемодан так и стоит у киевских друзей-музыкантов. А потом частный театр распался. И пришлось думать: что же делать дальше?

Дальнейшее принятое Ингой решение настолько резко увело её от творческой дороги, которую она начала себе прокладывать, что у

Общение со зрителями бывает очень личным

Фото Людмила Стойлова

С Всеволодом Бессарабом, заслуженным артистом РФ Олегом Кувайцевым и музыкантами Ленинградского диксилэнда

Фото Юрий Хозяинов

нас даже закрались сомнения: а стоит ли вообще говорить об этом эпизоде её жизни? Однако он настолько объёмно характеризует мою собеседницу как человека, лидера и женщину, что я позволила себе настаивать: стоит! Обязательно стоит! И Инга сдалась: ну, ладно...

– Дело в том, что в детстве у меня была ещё одна мечта, которая в других обстоятельствах могла бы остаться нереализованной. Я хотела быть врачом. И после закрытия театра, понимая, что ничего, кроме пения в ресторане, в ближайшей перспективе мне не светит, решила эту мечту осуществить. Поступила в медицинский колледж на лечебное дело. Практику проходила в роддоме № 1. И там убедилась: повивальное дело – моё. Специализировалась по акушерству, а потом два с лишним года отработала по специальности. Уже позже были моменты, когда после концертов ко мне подходили растроганные слушательницы: «Инга, я вас помню! Вы у меня роды принимали!» Или писали благодарности в соцсетях... Дорожу этими воспоминаниями. Но и во время учёбы в колледже, и в тот период, когда я все силы отдавала медицине, петь всё же не переставала – в Крунинг-Джазе, в джаз-оркестре ГУВД Тюменской области. А потом меня уговорили работать с оркестром на постоянной основе.

– *Ваши джазовый голос — подарок природы или его пришлось ставить?*

– Вы думаете, есть специальные джазовые голоса? Поверьте, голос или даётся или нет. И джазовое пение – это, прежде всего, техника, владение определёнными приёмами, например, умение свинговать, что, собственно, джаз и делает джазом. Да, в России больше распространена эстрадно-джазовая манера исполнения – импровизировать у нас не стремятся. Но если вокалист захочет, он научится и этому. Иногда думаю: вот напоюсь всласть и начну давать уроки, проводить мастер-классы. А вообще, я считаю, что каждый джазовый исполнитель должен иметь свой эталон и стремиться к нему. Даже у великой Эллы Фицджеральд были в пении свои авторитеты.

– *Знаю, что в вашей жизни случилось немало удивительных, почти мистических совпадений!*

Даже поездка в Антанариву была как будто вам предсказана...

– Не знаю, можно ли это назвать предсказанием, но удивительное стечение обстоятельств точно имело место... В тот год на экраны вышел мультфильм «Мадагаскар». И я отправилась в кинотеатр и вышла после его просмотра в каком-то удивительно приподнятом и музыкальном настроении. Это была настоящая эйфория! Прихожу домой: трубка телефона валяется на полу, а там семнадцать пропущенных звонков! Я набираю номер, с которого они шли, и слышу на том конце: «Посольство Российской Федерации в Республике Мадагаскар. Инга Анатольевна, спасибо, что перезвонили...».

Приглашение на всемирно знаменитый фестиваль было на тот момент вершиной признания нашей певицы. Когда он отгремел и Инга прилетела домой, полная идей и желания работать дальше, об её успехе написали все тюменские газеты. А потом настала полоса затишья: высказанные ею мысли и предложения перестали находить практическое применение. На какое-то время она почувствовала, что оказалась едва ли не в вакууме, даже количество её выступлений сократилось в разы. Такое иногда бывает, когда судьба вдруг начинает испытывать человека на прочность, и очень важно не отступить и не оступиться, сохранить терпение и внутренний баланс. Прошло пять непростых лет. А потом, как это принято говорить, вновь забрезжил свет. Ингу поддержало руководство Концертно-театрального объединения Тюмени, она стала плотно сотрудничать с музыкантами «Золотой трубы», вновь вернулась к организации джазовых концертов и пропаганде любимого музыкального направления, тем более что ещё в «нулевые» получила высшее образование, окончив Академию культуры и искусств по специальности «менеджмент».

– Недавно я включилась в проект «Азбука джаза» для маленьких ребятшек, попутно готовлю материал для книги о джазе, где хочу рассказать о своих встречах со звёздными исполнителями и опыте работы с ними. Надеюсь записать диск, где буду исполнять любимые джаз-композиции, ну и, конечно, жду новых встреч с гостями-музыкантами, которые с удовольствием едут в Тюмень. Настроение от этих перспектив очень весеннее! А если честно, думаю, что во

Со звёздами петербургского джаза

Фото
Людмила Стойлова

всём, вокруг меня сегодня происходящем, опять не обошлось без доли мистики. У нас дома долго стояло купленное мамой пианино. Куда бы мы ни переезжали, оно кочевало вместе с нами, хотя открывала я его очень редко. Свою виолончель я благополучно передала в хорошие руки, а пианино никак не могла от себя оторвать. Но как-то в гости ко мне зашёл один тюменский музыкант-мультиинструменталист. И я, увидев, что пианино ему очень нравится, вдруг решила: покупай! За символическую сумму в тысячу рублей! Он обрадовался, а у меня мелькнула мысль: может быть, зря? Может, стоило сохранить его как талисман, как семейную реликвию? Но на прощание, передавая ему инструмент, всё же сказала: скоро тебе обязательно улыбнётся удача! И представляете: буквально через несколько месяцев этот человек получил потрясающее предложение из Москвы. Теперь он работает на телевидении со знаменитостями. А у меня наконец-то начался новый долгожданный виток в жизни. Так что не зря люди говорят: чтобы пришло что-то хорошее, надо освободить для него место.

Музыка – это всегда праздник

Фото
Людмила Стойлова

Ролевые игры

Когда наблюдаешь за Николаем Аузиным, органично существующим в спектакле или же в кино, думается, что этот стремительный человек – абсолютно довольный судьбой человек

Без права на второй дубль

Текст **Ирина НИКИТИНА**
Фото **Екатерина ХРИСТОЗОВА**

ДОСЬЕ

К ОЗЫРНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, получившиеся роли, армия поклонниц, семья, где жена умница-красавица и двое деток, – всё-то у него есть. А как же! Кузнец собственного счастья. «Чтобы всё было, надо, как ни странно, пахать» – приходим мы к выводу в интервью, устроенном в холле Тюменского Большого драматического театра. Со стаканчиком кофе в руках, с миниатюрным микрофоном, приклеенным к щеке, в чёрных рубашке, брюках, носках и туфлях он готов через два часа сорваться на сцену, где начнётся генеральный прогон премьеры «Каренин А.». Там Аузин – Стива Облонский. У Стивы – отросшие волосы. Это, как оказалось, не замысел петербургского режиссёра Романа Габриа, а образ для кинороли. Какой – нельзя говорить по условиям контракта. Ну и ладно: скоро сами всё узнаем. А пока – про жизнь, быт, путь в творческую профессию, который, однако, начался с педагогического дела. По первому образованию Николай – учитель математики и информатики.

Николай Аузин, актёр театра и кино.

Родился 28 июля 1983 года в г. Иланский Красноярского края. В 2008 году окончил Красноярскую государственную академию музыки и театра.

С 2010 года является актёром Тюменского Большого драматического театра.

Сейчас занят в 13 репертуарных спектаклях ТБДТ. Снимался в фильмах «Батальонъ» (поручик Николай Селезнёв), «Стена» (Андрей Дедюшин), «Огонь» (Михаил), сериалах «Последняя статья журналиста» (Вячеслав Уфин) и «Тобол» (капитан Кузьмичёв).

Театральные награды:

2013 год – лауреат актёрской премии имени народного артиста РСФСР Г.И. Дьяконова-Дьяченко за роль Роберта Локампа в спектакле «Три товарища»;

2014 год – «Лучшая мужская роль второго плана» за роль поручика Шервинского в спектакле «Дни Турбиных» (III Межрегиональный театральный фестиваль театров Урала, Сибири и Дальнего Востока «Ново-Сибирский Транзит»);

2020 год – лауреат Российской национальной актёрской премии «Фигаро» имени Андрея Миронова в номинации «Лучшие из лучших».

А это гоголевский Чичиков. Ой, пройдох!

Взвешенно про города и веси

– Прошло 12 лет, как работаете в Тюменском драмтеатре... Это нормальный срок, чтоб прорасти в коллектив, стать театральным долгожителем?

– Я и не знаю, сколько надо отработать, чтобы стать своим. Но понимаю одно: если бы стало скучно, тем более театр никогда не даёт второго шанса – когда пережил возраст Ромео, то уже не сыграешь молодого влюблённого, давно б уехал. Тут пока интересно! Первый мой спектакль здесь (это был «Мольер») выпускали с Александром Баргманом – новая школа, другой воздух, иная атмосфера. Именно Александр Львович поспособствовал тому, чтобы я поиному посмотрел на профессию. А дальше стало ещё более захватывающе: Пётр Шерешевский, Анвар Гумаров... В ТБДТ до сих пор круто, потому что каждая постановка рождается как эксперимент. Не зря сюда хотят попасть выпускники практически всех театральных вузов России, но сделать это трудно – труппа в сборе. Правда, сейчас ведутся переговоры с мальчиком из Красноярска. Если его возьмут, нас, красноярских, станет уже четверо.

– Всё-таки тюмонец или красноярец?

– Уже тюмонец. Там была неосознанная жизнь, потому что молодая, а тут – осознанная: появилась семья, родились сын и дочь. Да я в этих стенах свадьбу играл! Тюмонец-тюмонец. Только некоторые районы города до сих пор не знаю, поскольку передвигаюсь определёнными маршрутами: дом – театр, театр – дом.

– Обычно говорят, что город – это люди. А для вас – люди, события, места?

– Тюмень – атмосфера, которую создают люди. Тюмень можно сравнить с большим театром, который держится только за счёт профессионалов своего дела, умеющих изготавливать декорации, настраивать свет, наводить чистоту, ну и играть на сцене. Я родился в маленьком городе Иланский, жил в Красноярске и Москве, много езжу в Петербург и Казань... Все города

разные. Как ни странно, только в Тюмени чувствую себя в безопасности: когда еду из аэропорта, возвращаясь со съёмок, всегда отмечаю, что мне тут спокойно.

– То есть переезд не рассматривается?

– Мы пробовали... Было предложение в Псков – не поехали. В Москву – аналогично, хотя туда уже чемоданы собрали. Это не трусость – я готов к переменам. Уверен, что пока остаюсь в Тюмени, в театре, делаю правильно. Все плюсы – тут.

Театральные надежды и одежды

– Спустя столько лет работы в ТБДТ новизна остаётся до сих пор или пора говорить про передание: каждый год – практически одно и то же, всё по кругу?

– Я играю роли, которые люблю. Вернее, я их ненавижу, потому что они душевно затратные, но всё равно люблю. Раньше – да, были такие спектакли, в которых заставлял себя играть. Да я уставал ещё на подходе к театру и весь вечер думал: поскорей бы, поскорей бы завтрашний день. Сейчас такого нет. В спектаклях Баргмана, Чащина, Черепанова надо докопаться до самой сути, найти персонажей, которые пока не найдены. Так что не скучно.

– Какая роль даёт силы, какая отнимает, а какая так и не стала родной?

– Все спектакли одинаково отнимают силы, да так, что и наутро тяжело физически. Осо-

С Сергеем Скобелевым, коллегой и другом

бенно трудно после «Ричарда III». Поскорей бы постареть, чтоб сидеть в кресле и просто разговаривать, а не бегать, не прыгать и не орать. Почему-то режиссёры видят во мне «зажигалочку», просят скакать. И в «Каренине» я с детьми кувыркаюсь, на велике гоняю. Можно мне просто посидеть в уголке?! Сложно играть в «Трёх товарищах», в «Тартюфе». Даже безобидная «Олеся» выматывает. Вот «Господа Головлёвы» в меньшей степени: спасибо Роману Габриа, что усадил, но там другие устают. Не стала родной роль в «Обыкновенном чуде». Нельзя было повторить Андрея Миронова в фильме, а это сложная задача.

– Бывает такое: режиссёр говорит, мол, вижу тебя, Коля, таким-то в таком-то спектакле, а Коля: «Не хочу!»?

– Ещё во время поступления в Красноярскую академию музыки и театра будущие педагоги предупреждали: актёры – люди подневольные, в некотором роде рабы... Уже позднее один известный коллега напутствовал: артисты – это глина, режиссёры – скульпторы, они и лепят.

– Служу театру, невзирая на убеждения?

– Иду на всё! Я очень расстраивался, когда в Красноярском драмтеатре не мог понять роль Стэнли Ковальски. Режиссёр Олег Рыбкин шутил: «Не переживай, всегда говори: как поставили, так и сыграл. А я дальше скажу: как написали, так и поставил». Каждый человек по природе своей ленив,

«Мёртвые души» по заказу ТБДТ делали буквально всем миром: режиссёр и она же балетмейстер Ирина Ткаченко и драматург Илья Губин из Перми, автор стихов к песням Наталья Макарова из Барнаула, композитор Ольга Шайдуллина из Москвы, художник по костюмам Любовь Мелехина вообще из Кудымкара, за сценографию, правда, отвечал тюменец Алексей Паненков

но артисту, как и спортсмену, постоянно надо переступать через себя, делать больно, чтобы потом было легче. Знаете, если постоянно отказываться, можно навсегда остаться актёром одного плана.

– Хочется самому ставить?

– Нет. Это другая – большая, сложная профессия.

– Вы играли у разных режиссёров. Какой он, ваш мастер?

– Александр Баргман: видит, что получается роль, и начинает ужесточать подход. Это как с первой любовью – не забывается никогда. Глеб Черепанов: работает по-другому, не даёт влезать, потому что сам уже всё продумал. Роман Габриа даёт полную свободу. Данила Чашина просто чувствую, ему можно не договаривать фразы до конца – ловлю на полуслове, понимаю, что делать дальше. Когда влюбляешься в режиссёра, тогда важен процесс, а не результат.

– Обычно спрашивают: кого бы вы хотели сыграть. А я спрошу: кого бы не хотели?

– Я никогда не хотел сыграть Ричарда, но сыграл. У хорошего режиссёра готов сыграть хоть телефонную книгу. Важен, как уже сказал, процесс. И фигура мастера.

Коридорами закулисья

– Есть в нашем театре возрастные актёры, на которых хотелось бы быть в чём-то похожим?

– Оцениваю их отношение к работе: как дожат сценой, как относятся к тексту, коллегам.

Все наши опытные артисты не думают про заработок, они думают только про профессию. Я про это тоже думаю. Но и про деньги обязательно. И тут, к счастью, честен. Ну а как не зарабатывать? Мне семью надо кормить! Мы, молодые, – из другого теста, более прагматичные, деловые...

– Кто эти святые люди?

– Анта Николаевна Колинченко, Сергей Прокопьевич Кутьмин. Они тонко относятся к профессии, нежирными мазками пишут.

– Актёрских семей в ТБДТ много.

– И семей, и детей. Значит, в театре есть любовь. Тем он и жив.

– А дружба есть?

– Мы все заодно.

– При театре же ещё работает детская студия!

– Да, в ней однажды возникла необходимость. Как-то нас позвали в торговый центр провести занятие для детей. Мы провели. Потом последовала просьба сделать спектакль. Сделали, получили расчёт, расстались. Но дети захотели продолжения! Директор Сергей Осинцев разрешил заниматься в театре, ведь так или иначе для спектаклей иногда требуются дети. Я придумал такую штуку, чтобы с ребятами занимались педагоги разных творческих школ – из Саратова, Новосибирска, Тюмени, Екатеринбурга, Красноярска. Мы не даём профессию. Мы развиваем. Я даже пытаюсь отговорить ребятшек поступать в театральное... Если ребёнок услышал меня, родителей, но всё равно пошёл в актёрство – значит, сильно зудит.

– Учиться на актёра до сих пор модно?

– Да. Но не все ведь находят место. Вон сколько бывших выпускников по Москве болтается с табличкой «Свободная касса» в ожидании своего часа. Любая профессия требует практики. Только так ты становишься настоящим артистом. Раньше достаточно было уметь говорить. Сейчас важно ещё и уметь петь, танцевать, быть гибким.

...и мольеровский Тартюф

С женой Натальей Никулиной. В семье театральному искусству друг друга не учат – это не принято

Вдруг попал в телевизор

– А в кино какой режиссёр близок?

– Дмитрий Месхиев, автор «Батальона». Он взял на себя ответственность пригласить в кино неопытного артиста, защитить его кандидатуру на пробах перед продюсерами, перед самим собой, перед финалом... Он взял меня и показал, как надо работать.

– Как началась киноистория?

– Игорь Угольников запускал проект «Батальон». Искали артиста на роль поручика Селезнёва. У кастинг-директора случайно оказалась моя фотография. Он сказал: «Слишком молодой». Спустя время ещё раз посмотрел на снимок и попросил привезти. Я был в отпуске в Красноярске. Приехал на пробы. Прошёл первые, вторые. Потом меня утвердили.

– Ну, раз у кастинг-директора была фотография, значит, ещё раньше была мечта Николая Аузина?

– Марина Леонова, администратор театра Баргмана, работала ещё и в кино. Как-то на гастролях в Тюмени она попросила фото: а вдруг. «Вдруг» наступило через полтора года. Сам никогда специально не оставлял снимки... Когда до Тюмени я год жил в Москве, то пробовался в кино, конечно. Но не пошло. Считал, что киноиндустрия – сплошная коррупция: каждый своего пропихивает... Есть в этом доля правды. Но когда утвердили меня и несколько никому не известных девчонок, подумалось: а ведь режиссёры действительно иногда ищут артистов в глубинке.

– Не ворчит руководство театра по поводу кинокарьеру Аузина?

– Театр способствует, подстраивается, отпускает. Поэтому у меня есть подмены в «Олесе» и «Испанской балладе».

– В театре нет второго дубля: артист выходит, здоров-не здоров, с настроением-без настроения, и играет. В кино: сколько надо дублей, столько будет. Условия разные. Как органично существовать там и там?

– Тут надо вновь обратиться к режиссёрам. Алексею Нужному, например, – автору фильма «Огонь». Если он видит, что всё получается, – не переснимает. Много дублей – много денег. Поэтому обычно утверждают артистов, которые с ходу со всеми задачами справляются. В любой работе я всегда иду за режиссёром.

– Актёрские приметы?

– Перед выходом на сцену, к камере целую крестик, обращаясь к высшим силам, в которые верю. Чтобы ничего не случилось, когда из рук упал текст, надо на нём посидеть. Хоть где! Иначе и роль упадёт. Для меня важна первая читка, первый сбор коллектива: если всё совпадёт по атмосфере, по чувствам, то и проект выйдет крутым. Если ребята начнут пыхтеть и нервничать, дальше будет только хуже.

Обо всём понемногу

– Про семью: есть у вас с Натальей (Наталья Никулина – коллега Николая по сцене в ТБДТ, к тому же они вместе учились в Красноярске – прим. автора) профессиональное соперничество, может, наставничество?

Виват, театр!
Николай Аузин,
Кристина
Тихонова,
Сергей Осинцев
и Константин
Антипин
в «Мёртвых
душах», почти
детективной
истории

– Нет. Я очень счастлив, что Наташа – мудрая жена. Если она видит, что мои мысли сейчас где-то далеко, то не лезет ни с бытом, ни с детьми – оберегает. Самое главное – мы понимаем, что с нами происходит, кто по какой причине нервничает. Наша задача – поддерживать друг друга, а не учить. У нас был мастер в академии, Валерий Дьяконов, который говорил: когда один артист начинает советовать другому, как играть, пусть немедленно уходит из театра, ведь он – не режиссёр, а как существовать на сцене, решают только конкретный режиссёр и конкретный актёр, а не их коллеги. Я могу подсказать по мелочи: по звуку, например, но делаю это крайне редко.

– Остаётся ли время на увлечение?

– Наше хобби – наши дети. Сын в первом классе, малышке год, она сейчас забирает всё свободное время. Мы здесь одни, без бабушек и дедушек. Системы воспитания нет: просто любим их. И даём возможность совершать свои ошибки, чтобы учиться.

– Что даёт силы пахать? Это же пахота!

– Пахота! Не буду лукавить: плох тот артист, который не жаждет славы, признания, денег.

– Звёздная болезнь?

– Благодаря Месхиеву я этого избежал. А уж он знает, как от этой заразы отвадить. На съёмках «Батальона» Мария Аронова показала, как надо работать и жить: сиди в грязи, ешь «Доширак» и спрячь свои понты – они никому не нужны. Артист должен быть человеком, и только потом артистом.

– Хотелось бы переписать жизнь?

– Нет. Даже самые худшие моменты оказываются нужными. Всё неслучайно.

Тайна старинной усадьбы

Фото Надежда Павлючкова-Кочнева

Путешествия во времени и пространстве

Мы ни в коем случае не призываем к так называемому «сужению бренда», нет. Напротив, мы утверждаем, что вся Затюменка – готовый бренд

Текст **Наталья КОСПЛОВА**

ЗИМНИЕ СУМЕРКИ становились всё более сонными, обещая такой же тягуче-бесцветный вечер, когда тишину внезапно прервал звонок мобильного. Фотограф Надежда Павлючкова-Кочнева пригласила выступить в необычной роли – ей потребовалась модель для фотосъёмки. Я согласилась, и меня ожидал своеобразный вояж по Затюменке.

Почерк или манера Нади – а фотографировать она начала в 2012 году – дискуссионная и, как модно сейчас выражаться, ассоциативно-агрессивная. Надя уже несколько лет – бессменный участник стритерского объединения фотографов «Красный чемоданчик», признавшего одну из работ Кочневой лучшим фотоснимком 2019 года. Технологическим премудростям её обучал муж-художник, а чувство композиции оказалось врождённым. Теперь она – острый документалист и цветовик без комплексов. Чего не скажешь о её манере общаться. Когда Надежда берёт в руки фотоаппарат, она делается другой – внимательной, необщительной, серьёзной. Перед вами на миг замирает то ли стриженный прямоспинный подросток с хрустальными глазами, то ли вечно юная девушка, рассказывающая о себе незнакомцу в их первую встречу так же непринуждённо, как мужу на кухне. Главное – говорить свободно и предельно честно. Общаться с ней поэтому легко – как с чинами ангельскими, даром что за окном родного дома, вторя разговору, бликует купола Троицкого собора. В таком ключе мы и оговариваем условия съёмки.

– Какая ты худая, – замечает она вскользь, когда я снимаю шубу «на рыбьем меху» и остаюсь в чёрном трико – чтобы оживлять стену определённого под снос двухэтажного барака на улице Димитрова.

Как вы думаете, что такое работа фотомодели? Это когда вы устали и хотите поесть, выпить горячего чаю или ещё чего естественного человеческой природе, а приходится вам, наплевав на эту самую природу, в водолазке и трениках прижиматься к запылённой стене и делать задумчивое релаксирующее выражение лица. В мороз двадцать с лишним градусов, в неотопливаемом доме, уместившись на расколоте пополам диване, где вместо сиденья мы используем готовую рассыпаться пачку книг...

Но вот «птичка вылетела», мы закончили съёмку, и в тот же вечер приходит по почте фото, где запечатлённое выражение моего лица никогда не выдаст тайну, как было холодно и жёстко. На снимке вместо струящейся со шкафа пыли получился снег, небесными крыльями овевающий фигуру, странно одинокую и безмятежно мечтательную в этих прикидывающихся мосфильмовскими декорациями развалинах Затюменки. Кино, не обязательно Мосфильм, для Нади – повестка из будущего: она не так давно получила приглашение выступить в роли оператора киноролика, но ковидная пауза внесла жёсткие коррективы в этот план...

История одной находки

Вот уже больше десяти лет путешествия с фотоаппаратом по окраинам Затюменки являются излюбленным хобби будущего кинооператора. В прошлом Надежда (Надежа, как называют её друзья) находит скрытую энергию. Много ли артефактов в самом широком смысле этого слова может спасти человек в одиночку? Для Нади такой процесс – практически бесконечный, как и всякое спасение. Целые семейные альбомы извлекала она неоднократно из руин. И не только извлекала – запечатлевала сюжеты ускользающей действительности. Периодически её словно выталкивает из дома невидимая сила, и, вооружившись фотообъективом, она воодушевлённо устремляется в рискованные поиски. На взгляд наблюдающего со стороны, совершенно никакой логики в таком поиске нет, но дорога словно отмечена невидимыми швами, видными только поисковику. Путешествовать не обязательно куда-нибудь в сторону отдалённой Бабарынки: сюрприз может поджидать «под боком». Например, в украшенном резными наличниками доме № 22 по Казанской – как раз напротив Носыревского особняка, Надя, как обычно, ожидала наткнуться на коллекционный фарфор или пару советских новогодних игрушек. Но случай припас ей нечто в разы более фундаментальное.

Исследовав засыпанные строительным мусором интерьеры заброшенного дома и ничего не обнаружив среди обрывков газет и обломков утвари, она собралась было уходить. Бегло окинула взглядом последнюю комнату, слегка помедлила у старинного шкафа и несмело потянула на себя его дверцу, чтобы в следующую секунду ахнуть от изумления: в пустом до звона шкафу одиноко маячила на полке старинная открытка типографии Огибенина, великолепно сохранившаяся и нарочито выдвинутая на первый план. Кем выдвинутая – история умалчивает, но в любом случае это большая удача поисковика. С открытки взывала к потомкам в лице Надежды с безмолвной просьбой совершить что-то важное мужская фигура с тростью.

Обратившись к оборотной стороне открытки, Надя выяснила, что изображён на ней Макушин И.Ф., скорее всего, мещанин, подписавший открытку в сентябре 1913 г. некоей княгине Головиной – на память.

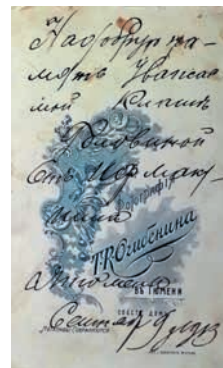
...1913 год. До революции ещё – сроки и сроки. Россия процветает, и даже в тюменской глуши княгини строят себе что-то типа провинциальных дач, наслаждаясь бегом рысаков по затюменским улицам. И всё-таки кто она, эта Головина? Всё, что удалось извлечь на сегодняшний момент из исторических «раскопок», – это то, что Головиных в те поры в нашей провинции существовало как минимум пять: Александра Дмитриевна, Александра Петровна, Екатерина Львовна, Мария Ильинична, Наталья Ивановна.

Как оказались они в Ямской слободе и какова их дальнейшая судьба – неизвестно. Разудалые Надины находки вообще изрядно сдобрены прохладительным коктейлем мистики. Вы скажете: вряд ли старая открытка может повлиять на судьбу человека – и ошибётесь: в жизни Надежды Павлючковой-Кочневой всё как раз наоборот. До этой находки Надежда решила для себя, что будет извлекать из руин старинное стекло – совдеповские бутылочки из-под уксуса, вазы позапрошлого века, и ей стало везти именно на стеклянную утварь. Но с момента воцарения в коллекции редчайшего экспоната Тюменского светописца Тараса Климентьевича Огибенина (1861-1935 гг.) приоритеты сменились: каждый антиквар согласится, что такая изюминка попадает собирателю чрезвычайно редко. Теперь это – достойный раритет, по которому можно учить историю, а открытки стали второй страстью Павлючковой-Кочневой.

Обитатели старых домов

Тайна присутствует в каждом старом доме, будь это малороссийская изба, флигель или старинный замок. Семантика изолированной постройки XIX века, абсолютно чуждая хозяевам коттеджей, заточена под сохранение и передачу информации, современными градостроительными правилами не предусмотренную и недоступную, как миф. Мифологичны и зодчие деревянных домов с мезонинами: нужна дорогостоящая машина времени, чтобы ознакомиться с их укладом. В обязанности градостроителей помимо рук золотых да глазомера входило знание годового цикла, календарей Якова Брюса, применение на практике канона пропорций и чуйка, когда и какую древесину рубить, вымачивать и высушивать. А самым главным даром считалось ведение, какое место выбирать для строительства дома.

В XIX веке выбор оптимальной территории для постройки жилья выделялся среди прочих талантов строителя. Недаром древняя половица гласит: «Где собака легла, дом строй, где сорока села – колодец рой». Строили, даже если такое место – на отшибе. 150 лет назад «культурный ландшафт» России состоял из городов, деревень, а пуще – из одиночных усадеб. Усадьба тех времён – господский особняк и службы с флигелями, конюшнями, оранжереями, парками и даже прудами. Природа места имела фундаментальное значение, определяя стиль усадебной архитектуры. В зависимости от вида деятельности купца, мещанина, дворянина каждая усадьба включала гостевые, продуктовые, спортивные и бизнес-зоны (торговля, швейное дело, юриспруденция, коневодство и т.д.). Всякая купеческая или дворянская усадьба – в определённом смысле ещё и музей, где веками собирались исторические и художественные ценности – картины, гравюры, мебель, фарфор, архивы, мелкая пластика.

С открытки взывала к потомкам с безмолвной просьбой совершить что-то важное мужская фигура с тростью
Фото Надежда Павлючкова-Кочнева

**Наталья
Косполова
и Валерий
Кочнев
в носыревском
доме**

Фото Надежда
Павлючкова-Кочнева

Двухэтажный дом на перекрёстке улиц Свободы и Казанской, где поселились Надя и Валера Кочневы, обустроившие свои метры сообразно синтезу их артистических натур, – не исключение: он столь же тщательно планировался и оказался столь же богат на раритеты и загадки. Идея покупки дома, точнее, его второго этажа принадлежала мужу Нади Валере. Валерий Кочнев – личность эксцентричная, участник легендарного «Центрального гастронома». С бесшумным лидером «Центрального гастронома» Владимиром Медведевым – Джаггером Валера и по сей день участвует в квартирниках. За плечами – «Рок-акция», «Тюменские куранты», «Рок-фейерверк» и знаковое первое выступление группы «на людях», которое закончилось тусовкой на «фазенде». Фазенда Кочневых на городище тогда была общепризнанным сакральным местом, где можно было сообща почитать «Розу мира» Даниила Андреева, послушать на ленточном магнитофоне «Pink Floyd», полюбоваться фантастическими картинами Валерия или послушать его истории. Как-то раз Валерий рассказал, что обнаружил в своём родословном древе интересную ветвь, связанную с фамилией Носырев. Это и послужило толчком переехать в Ямскую слободу и поселиться в доме, который, по слухам, был как-то связан с Носыревыми.

Поднимаетесь ли вы по склону обветшавшей Подгорной или двигаетесь со стороны неизменной на века точки отсчёта – мужского монастыря, в любом случае вы убеждаетесь, что трудно отыскать в округе более эффектное место для особняка, чем перекрёсток бывшего Казанского тракта и второй Монастырской. И сегодня водители легковушек не в силах миновать его взглядом точно так же, как и кучера конных повозок, бегущих к храму в XIX веке. Дом в целом не изменился, но, вопреки тому, что указано в домовой книге – «построен в 1947 году», – хозяева довольно простым способом выяснили, что эта историческая постройка датируется концом XIX века. Газеты 1927 года и начала XX века, обнаруженные под истёртыми советскими обоями на стенах первого этажа, оказались столь же «словоохотливы», как прежний домовладелец преклонного воз-

раста, успевший рассказать любопытные вещи из истории усадьбы. Старец сообщил, что для возведения дома использовался так называемый «кондовый» лес – сплававшийся по реке с далёкого Севера и обладавший ценными свойствами повышенной сохранности, правильно обработанный, продегтяренный и высушенный. Понятно, почему постройка простояла без особых проблем до нынешнего тысячелетия. Хозяева также нашли целую коллекцию подков, что говорит о наличии конюшни, которая, как позже выяснилось, находилась рядом с домом, по улице Свободы. Кожевенная мастерская, разрушенная в 2000-м, располагалась в 1886 г. – на момент постройки дома – там, где сейчас высится неказистое двухэтажное строение с жилым верхом – «Шиномонтаж».

Потомок уральских носырей

Мало-помалу окончательно выяснилось, что здесь в 1886 г. бытовала двухэтажная деревянная усадьба торговца Носырева с кожевенной мастерской и кузницей, по нынешние времена сохранившаяся в виде единичной постройки. Постоялый двор, кузница и конюшня не дожили до наших дней, замещённые владениями соседей. На земле, отмеренной Носыреву (Ивану Валентиновичу) монастырём в благодарности за безупречную помощь братии продуктами, кожаными изделиями и фуражом, штатные лозоискатели торговца выбрали нужную точку, вложив в строительство часть своей души: отовсюду просматривался дом, элегантно вписанный в перекрёсток двух трактов. Среди кожевников Ямской слободы существовал свой «средний класс», к которому Носырев имел самое прямое отношение, о чём красноречиво свидетельствуют размеры бывших хозблоков и запасы кож в огороде, откопанные нынешними хозяевами на глубине около полуметра. Обнаружилось ими и уникальное зеркало в мраморной облицовке, которое хваткий музейщик из существовавшего в то время филиала музея «Петра и Павла» унёс, поспешно бросив, как менее ценную, целую груду икон, с которыми входил во двор... Кстати, об иконах: в тяжёлые времена вынужденного закрытия Троицкого монастыря для служб – с 1932 по 1937 годы – первый этаж Носыревского особняка служил ни больше, ни меньше моленной и трапезной для прихожан, не оставлявших молитвенного правила даже в годы атеизма.

Первые Носыревы в Тюмень прибыли, скорее всего, с Урала, так как эта фамилия наиболее распространена в Екатеринбурге, Нижнетагильском, Чердынском, Кунгурском и Верхотурском районах, а в варианте Носарев встречается также в Тугулыме и Каменке. На Урал все эти Носыревы переместились, согласно последним исследованиям, из Каргополя Архангельской губернии; эти потоки переселенцев известны с XVII века по находимым в Сибири и на Урале привозным иконам. Примечательно происхождение фами-

**Аутентичный вид
носыревского
дома**

Фото Надежда
Павлючкова-Кочнева

лии Носырев: носырь – прозвище, дававшееся человеку за крупный нос, либо название одного из вида ершей, а также географическое обозначение выступающего далеко в море мыса.

Интересующий нас Носырев был удачливым приезжим кожевником и по совместительству башмачником, кузнецом и торговцем. В XIX веке ранг его позволял водить знакомство и с Макушинными, и с Текутьевыми, и с Шешуковыми – по профессиональной необходимости: уж очень много сделал он для монастырской слободы. Ушёл из жизни Носырев безболезненно и мирно в советское время. Перед этим успел он, продав кузницу и кожевную мастерскую, позаботиться о грядущих переменах. Коллективизация, последовавшая вслед за НЭПом, «обглодала» бы всё его наследство, если бы на деньги от продажи кузницы не выкупил он второй этаж собственного дома. Только так возможно было остаться в родных стенах.

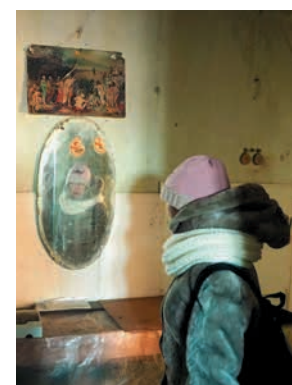
Извлечение света

В старых особняках скрывались несколькими поколениями просвещённых жильцов хранимые коллекции, и накапливалась уникальная аура. Архитектура отвечала требованиям экологическим, эстетическим, техническим и рекреационным. В расчёт входило зонирование, переросшее позднее в отдельную культуру. Не избежали такого принципа и города позднего заселения, к каким относится Тюмень, происходящие часто от единого района с доминирующим трактовым движением. Затюменская слобода «ямского периода» выпестовалась из постепенного воссоединения и разрастания одиночных усадеб, лежащих вдоль торгово-пересыльного пути. Сравнительно недавно район выделился из группы деревень по эту сторону реки Тюменки, шагнув из глуши в формат пригорода, когда улица Ямская ненавязчиво срослась с Барнаульской в районе кладбища. И цивилизация заканчивалась тогда в районе улицы Кладбищенской (с 1940 г. – улица Льва Толстого), по которой в давние времена, как утверждают старожилы, проходила протока, соединявшая по весне русла оврагов Тюменки и кишащие раками воды Бабарынки, а само кладбище простиралось от нынешней улицы Толстого до современной детской поликлиники... В патриархальные времена Ямская была главной артерией, вдоль которой, параллельно ей, струились, как потоки с конными повозками, Нагорная, Никольская, две Монастырские, Садовая, Подгорная и Вознесенская. Вся эта группа параллельных улиц, начинаясь на высоком гребне Троицкого мыса, играла историческими гранями сомнительных кварталов, закоулков мастеровой бедноты и первых помпезных купеческих массивов... Много загадочных историй хранит Затюменка. Возможно, потому, что до разрастания на запад и основания в советское время района «Дом Обороны» был этот край на отшибе обществен-

ной жизни Тюмени, монотонно взывая чёрным бескрылым трезубцем Троицкого монастыря к холодному сибирскому небу.

К раскрытию тайн Ямской слободы призывает подвижность Надежды Павлючковой-Кочневой. Находясь круглосуточно среди дверей с медными ручками, печей, стёкол XIX века и желеобразных зеркал носыревского дома, она ни на минуту не выпадает, что называется, из исторического контекста, которого ей всё-таки мало, и она продолжает движение во времени и пространстве окрестных заброшенных домов. Ну как тут не возьмёшься за фотоаппарат! И в её работах прошлое становится высшей данностью настоящего. Целые улицы, переулки и дома обретают новую жизнь. Троицкий расцвёл, укрепился, обрёл нового настоятеля – архимандрита Зосиму – и нетленно застыл в сокровенных ракурсах Кочневой. Материал снимка для Нади – агрегатное состояние, с которым она может творить что угодно, и одновременно – рукотворный памятник. Если взять отдельно фрагмент её фотонатюрморта, может показаться, что это фантастический пейзаж с планетами, кометами и кораблями будущего. Земные ветра у неё створаживаются, лужи леденеют, стёкла, наоборот, текут, а стены домов слипаются в единую киноплёнку...

Надя многому меня научила – одним только молчаливым своим присутствием рядом. Той истине, например, что Затюменка – прекрасна. Как бренд в целом и в образе каждого отдельного дома, даже дома на стадии разрушения. Нет, она ни в коем случае не воспевает разруху. Наоборот, задумывается, а не уйдёт ли с этими пунктуально разрушаемыми деревянными усадьбами что-то сокровенное, существенное, важное в нашей жизни?

Какие тайны прошлых обитателей дома таит старое зеркало?

Фото Надежда Павлючкова-Кочнева

Струющаяся со шкафа пыль на снимке превращается в снег

Фото Надежда Павлючкова-Кочнева

«Белый монах» и другие

В Тюмени имеется свод легенд об уголках, где можно столкнуться с привидениями, полтергейстом и прочей чертовщиной. Их изучением и отчасти развенчанием занимается тюменский краевед, «сталкер» и дипломированный эниолог Павел Ситников

Мистическая Тюмень

Текст Роман БЕЛОУСОВ

ИЗУЧЕНИЕМ непознанного Павел занимается уже без малого сорок лет. А началось всё с малого – с научно-популярной книжки, попавшейся ему ещё во время армейской службы, в которой разоблачались всякого рода загадочные явления – все скопом, без разбора, но местами как-то неубедительно. Эта неубедительность и послужила для Павла толчком к более подробному изучению темы. И сейчас в его квартире уже целый шкаф, битком набитый самой различной литературой о паранормальном. Которой, впрочем, исследователь не торопится безоглядно доверять, в силу своего академического образования и критического мышления, хорошо умея отделять зёрна от плевел.

В своё время Павел был экспертом большого 40-серийного телевизионного проекта, посвящённого загадочным явлениям Тюменской области. Этот документальный сериал, снятый ГТРК «Регион-Тюмень», потом с большим успехом несколько раз подряд демонстрировался каналом «РенТВ». А ныне всероссийски знаменитый исследователь аномального создал свой авторский экскурсионный маршрут, который называется «Тюмень: реальность страшнее мистики». Вот несколько вех этого маршрута.

Улица Орджоникидзе. Призрак дамы в зелёном

Когда ещё во времена СССР в здании нынешнего мультимедийного комплекса «Россия – моя история» на улице Орджоникидзе, 47 находился музей изобразительных искусств, его работники, будучи людьми увлечёнными и преданными любимому делу, нередко задержи-

На Текутьевском кладбище раньше собирались не только хулиганы-гопстопщики и садисты, но и сатанисты, 2008 г.

Фото Павел Ситников

вались на работе допоздна. Совсем как в повести «Понедельник начинается в субботу». И вот однажды сотрудница музея, художник-реставратор, в очередной раз засиделась до позднего вечера за восстановлением очередной иконы. А когда наконец вышла из мастерской, то вдруг увидела незнакомую даму, которой в такое время в уже закрытом учреждении было совершенно не место. Да ещё к тому же одетую в полупрозрачное бледно-зелёное платье старомодного фасона и с лицом, скрытым вуалью. Дамочка как ни в чём не бывало неторопливо спустилась по лестнице со второго этажа во входное фойе и там бесследно исчезла.

Женщина, конечно, впечатлилась встречей, но не очень сильно, потому что была в какой-то степени подготовлена к такому событию рассказами коллег, тоже в разное время встречавших этот странный фантом в музейных коридорах.

Художница оказалась хорошей знакомой Павла и лично поведала ему о своём приключении, так что эту историю он знает, можно сказать, из первых рук. А дама в зелёном до сих пор считается «достопримечательностью» музейного комплекса.

Улица Осипенко. Неупокоившийся пожарный

На улице Осипенко находится старая, ещё довоенных времён, пожарная каланча, известная как «Белая башня». У этой каланчи тоже есть своё привидение. Несколько людей в разное время, абсолютно независимо друг от друга видели на ней призрак человека в форме пожарного.

Но, в отличие от призрачной дамы из бывшего музея изобразительных искусств, он был опознан и оказался реально жившим человеком – сотрудником тюменской пожарной службы, который в тридцатых годах прошлого века, не в силах простить себе того, что во время одного из пожаров не спас из огня ребёнка, от переживаний покончил жизнь самоубийством.

Улица Семакова. Наследие палачей

Информационно-библиотечный центр Тюменского государственного университета по улице Семакова, 18 изначально был купеческим домом. После революции все особняки были национализированы новой властью, но этому зданию не повезло больше всех – его передали местному отделению НКВД.

Днём и ночью во двор здания заезжали грузовики, набитые «шпионами» и «врагами народа». Как правило, никто из них отсюда не возвращался, все были расстреляны здесь же, в подвале. Можно представить себе, сколько всего довелось увидеть этим стенам, сколько боли, ужаса и отчаяния впитали они за годы террора.

«Кстати, наши тюменские энкаведэшники, выслуживаясь перед начальством, в десять раз перекрыли план по арестам и расстрелам, спущенный им из Москвы», – отмечает Павел.

После смерти «отца народов» в 1954 году кое-как отмытое от крови здание передали общежитию педагогического института. И тут в нём стали твориться странные вещи – ночами студенты слышали, как во двор общежития заезжают грузовые автомобили, которых на самом деле не было, по коридорам разносились глухие стоны и крики боли... Говорили даже, что кто-то видел проступающую на стенах кровь.

Вот что рассказывает бывшая студентка пединститута: «Два крыла здания общежития были связаны каким-то двором, и железные ворота закрыты. Окна во двор были заколочены, закрыты щитами, и нам было сказано: к окнам не подходить. Ворота были закрыты, но по ночам машины что-то вывозили, крытые машины. Слышно, что ворота скрипят и выезжают машины. Вроде крики, приказы. Может быть, это наше воображение было, но я сама слышала. Однажды вечером все уже спали, я стала спускаться по лестнице. Вдруг рядом кто-то громко застонал. Мужской стон. Я оглянулась, – никого нет, а потом как тень проплыла мимо меня. Я подумала, что, может, кто-то прошёл мимо меня, но потом, когда я спустилась к дежурной, у неё такой испуганный вид был. Она меня спросила: «Ты ничего не слышала?» Я сказала: «Нет». Я знала, как себя вести и что отвечать, раз из семьи репрессированных. И ещё были разговоры, кри-

В здании музея ИЗО не раз видели привидение – даму в зелёном.

«Существо из параллельного мира» посещало главный корпус института культуры осенью 2013 года

Фото Павел Ситников

ки, стоны... Начинают говорить: «Я ничего не знаю», или вдруг просыпаюсь от крика: «Не знаю, я ничего не знаю». Или просто крик от боли, страшный. Конечно, об этом никто никогда не говорил, мы даже боялись обсуждать. А парни, которые жили в другом крыле, говорили, что видели, как из подвала выводили немного людей и сажали в эту закрытую машину. А может быть, им это казалось. А где-то к весне 56-го щиты убрали, но во двор мы никогда не выходили. На первом этаже на стенах в коридоре проступала кровь, но мы сначала думали, что краска. Несколько раз видели – я и наши девочки. Её смывали или убрали и всё это закрасивали. Где мальчишки жили, там больше было, они говорили.

А бывало такое, что железные ворота начинали скрипеть, даже когда машины не выезжали. Иногда ночью так заскрипят с каким-то стоном... Этот год был такой тяжёлый для всех, даже не было выпускного вечера. Мы сами попросили, чтобы быстрее уехать».

И подобное продолжалось много лет. Дом перестал беспокоить и пугать людей только в начале нулевых, после полной реставрации.

Свято-Троицкий монастырь. «Белый монах»

Но первое место по популярности из тюменских привидений занимает «белый монах» из Свято-Троицкого монастыря, появившийся вскоре после того, как монашеская обитель в 1923 году была закрыта новыми властями. Его явления были даже (редчайший случай) зафиксированы документально. Первый раз призрака увидел на террито-

рии бывшего монастыря милиционер и, не задумываясь, открыл по нему огонь из нагана, сделав четыре выстрела, о чём потом и отчитался в своей докладной записке.

Набожные жители Тюмени связали явление «белого монаха» с произошедшим накануне вскрытием и разорением могилы митрополита Филофея Лещинского (статуя святителя стоит сейчас у входа в возрождённый монастырь).

Спустя много лет нечто подобное видели на территории монастыря, где был размещён головной водозабор, рабочие водоканала, но рассказывали потом об этом они крайне неохотно.

«Чертовщина с разоблачением»

Имеются в коллекции Павла и случаи «с разоблачением». Так, однажды вечером ему, как признанному специалисту по паранормальным явлениям, позвонил вахтёр вневедомственной охраны из Института культуры и сообщил, что камеры наблюдения фиксируют непонятное тёмное пятно, летающее по фойе, хотя визуально при этом совершенно ничего не заметно. У Павла в гостях в это время, как нарочно, был другой известный исследователь аномального, его друг Вадим Чернобров из Ростова. Приехав вместе в институт, они долго разными путями пытались «разъяснить» полтергейст и вызвать сущность на контакт, но тщетно. Были испробованы всевозможные способы и хитрости, пока, наконец, просто не поставили стремянку и, поднявшись по ней к видеокамере, закреплённой в углу под потолком, не заглянули под прикрывавший её прозрачный колпак.

И тут всё стало ясно. По внутренней поверхности этого колпака ползал неведь как попавший сюда комарик, который и отображался на экранах в виде того самого злополучного загадочного тёмного пятна, витающего по помещению. Так одним загадочным явлением в Тюмени стало меньше.

Памятуя этот и другие подобные случаи, Павел относится к попадающей к нему информации о всевозможных потусторонних явлениях максимально критически и тщательно «просеивает» её. Не подвергает сомнению он одно – многие места Тюмени обладают своей индивидуальной энергетикой.

– Подобные места можно идентифицировать без всяких приборов, – утверждает он. – Когда, например, энергетически чувствительные люди говорят: «Мне здесь хорошо, и я не хочу отсюда никуда уходить» – это верный признак места с позитивной «аурой». Правда, существуют и противоположные примеры – геопатогенные зоны, плохо влияющие на здоровье и самочувствие людей. К таким относятся, в частности, места бывших кладбищ. Захоронения давно уже убрали, место разровняли, построили на нём жилые дома, а потом чешут затылок: а почему количество онкологических заболеваний у их жильцов в несколько раз выше, чем в среднем по городу. Или прокладывают через заброшенное сельское кладбище дорогу, а затем удивляются, почему именно в этом месте так много аварий.

– Такой эффект дают захороненные в этих местах человеческие останки или что-то иное? – спрашиваю я Павла.

– Когда люди хоронят своих умерших близких, то не испытывают по этому поводу эйфории. Так же, как и в моменты посещения их могил. Психическая энергия горя и скорби накапливается местом десятилетиями, а то и столетиями. Физические механизмы таких процессов мы ещё не знаем, но их последствия можем наблюдать воочию.

В качестве одного из ярких примеров я могу привести остров Козлова, что на Андреевском озере на окраине Тюмени, веками бывший местом захоронений. Многие из членов археологической экспедиции, исследовавших остров и долго живших на нём в палаточном городке, потом ушли безвременно и не своей смертью.

– А насколько обоснованы рассказы о городских призраках и полтергейстах?

– Один пример: мой друг Ришат Рахимов, до того не веривший ни в какую чертовщину и смеявшийся над ней, ночуя в здании ялutorовского Дома природы, когда мы с ним делали там экспозицию «Экологический двор», будучи в здравом уме, твёрдой памяти и абсолютно трезвым, столкнулся с домовым. Бывший военный разведчик, прошедший десятки экспедиций, которого, казалось, вообще невозможно чем-либо напугать, наутро трясся как осиновый лист и с трудом смог рассказать, в чём дело. Это говорит о том, насколько мы не подготовлены к встречам с неведомым.

– Как же этот домовый выглядел?

– Старичок размером с табуретку, с длинной бородой, разговаривающий, не раскрывая рта, телепатически.

– Что из себя представляют все эти домовые, привидения и прочие полтергейсты как физические явления?

– Это сущности, обитающие в других реальностях, параллельных нашей, и иногда каким-то образом к нам проникающие. Деталей мы не знаем. Слишком мало информации, чтобы делать какие-то выводы. Настоящих свидетельств и фотографий привидений мало, в большинстве своём это фэйки, которые, кстати, очень легко сделать.

– А чем будет отличаться подлинная фотография полтергейста от фэйковой?

– Совокупностью факторов – обстоятельствами съёмки, качеством, ракурсами... Я увлекаюсь фотографией с детских лет и знаю, как можно «испортить» снимок, чтобы получить те или иные эффекты. Поэтому, в отличие от неопытных фотографов и шарлатанов, никогда не приму, например, отображение капель на линзе объектива, за некие энергетические сгустки. А настоящие снимки «гостей» из других миров – огромная редкость. Но они есть.

Павел Ситников всегда готов поделиться тайнами и открытиями Фото Сергей Елесин

ЛЮБАЯ
ИСТОРИЯ

МОЖЕТ СТАТЬ ИСТОРИЕЙ

ВАШЕГО
УСПЕХА

ПЕЧАТНЫЕ
ИЗДАНИЯ

СОЦИАЛЬНЫЕ
СЕТИ

[vk.com/
tes72](https://vk.com/tes72)

[ok.ru/
tumentoday](https://ok.ru/tumentoday)

ИНТЕРНЕТ-
ПОРТАЛ

tumentoday.ru

(3452) 49-00-22

Фото Анатолий Пашук из архива редакции